

**ANNALES
NEOPHILOLOGIARUM
11**

pod redakcją
Ewy Komorowskiej

SZCZECIN 2017

RADA NAUKOWA

Prof. dr hab. Zofia Czapiga (Uniwersytet Rzeszowski, Polska), prof. dr Maryse Dennes (Université Michel de Montaigne – Bordeaux 3, Francja), prof. dr hab. Volodymir Dubiczynski (Narodowy Uniwersytet Techniczny w Charkowie, Ukraina), prof. dr hab. Eleftherios Haracidis (Frakickij Uniwersytet im. Demokryta, Grecja), dr hab. Hubert Łaszkiwicz, prof. KUL (Katolicki Uniwersytet Lubelski Jana Pawła II, Polska), prof. dr hab. Elżbieta Mańczak-Wohlfeld (Uniwersytet Jagielloński, Polska), prof. dr Marzena Mioduszewska (Universidad Rey Juan Carlos Madrid, Hiszpania), prof. dr hab. Valerij Mokijenko (Uniwersytet Pedagogiczny w Sankt Petersburgu, Rosja), prof. dr Harald Nilsen (Nesna University College, Norwegia), dr hab. Zoja Nowożenowa, prof. UG (Uniwersytet Gdański, Polska), prof. dr Galina Paramei (Hope Liverpool University, Wielka Brytania), prof. dr Neda Pintarić (Uniwersytet w Zagrzebiu, Chorwacja), prof. dr hab. Enrique Quero Gervilla (Universidad de Granada, Hiszpania), prof. dr hab. Eva Tibenská (Univerzita sv. Cyrila a Metoda v Trnave, Chorwacja), prof. dr hab. Dorota Tubielewicz-Mattsson (Lund University, Szwecja), dr hab. Danuta Stanulewicz, prof. UG (Uniwersytet Gdański, Polska), prof. dr dr h.c. Harry Walter (Uniwersytet Ernsta Moritza Arndta w Greifswaldzie, Niemcy), prof. dr hab. Halina Waszkielewicz (Uniwersytet Jagielloński, Polska)

REDAKTOR NAUKOWY

prof. zw. dr hab. Ewa Komorowska

SEKRETARZ REDAKCJI

dr hab. Tomasz Szutkowski

RECENZENCI

Prof. dr Marino Balducci (Carla Rossi Academy, Pistoia, Włochy)
Dr hab. Halina Chodurska, prof. UP (Uniwersytet Pedagogiczny im. KEN w Krakowie, Polska)
Prof. dr hab. Volodymir Dubiczynski (Narodowy Uniwersytet Techniczny w Charkowie, Ukraina)
Dr hab. Katarzyna Gadomska (Uniwersytet Śląski w Katowicach, Polska)
Dr hab. Łukasz Grabowski, prof. UO (Uniwersytet Opolski, Polska)
Dr hab. Czesław Grzesiak, prof. UMCS (Uniwersytet Marii Curie-Skłodowskiej w Lublinie, Polska)
Dr hab. Lucyna Harmon, prof. UR (Uniwersytet Rzeszowski, Polska)
Dr hab. Anna Krzyżanowska (Uniwersytet Marii Curie-Skłodowskiej w Lublinie, Polska)
Prof. dr hab. Maria Maślanka-Soro (Uniwersytet Jagielloński, Polska)
Prof. dr hab. Władimir Miedwiediew (Moskauer Staatsuniversität für Eisenbahnwesen, Rosja)
Dr hab. Maria Mocarz-Kleindienst, prof. KUL (Katolicki Uniwersytet Lubelski Jana Pawła II, Polska)
Dr hab. Andrzej Sitarski, prof. UAM (Uniwersytet im. Adama Mickiewicza, Polska)
Dr hab. Danuta Stanulewicz, prof. UG (Uniwersytet Gdański, Polska)
Prof. dr dr h.c. Harry Walter (Uniwersytet Ernsta Moritza Arndta w Greifswaldzie, Niemcy)
Dr hab. Jean Ward, prof. UG (Uniwersytet Gdański, Polska)

REDAKTORZY JĘZYKOWI

Gregory Allen Frossard (język angielski)
Pierre-Frederic Weber (język francuski)
César Navarro (język hiszpański)
Werner Westphal (język niemiecki)
Lucyna Smeździk (język rosyjski)
Irina Policastro (język szwedzki)
Angelo Sollano (język włoski)

KOREKTA

Anna Ciciak

SKŁAD KOMPUTEROWY

Joanna Dubois-Mosora

PROJEKT OKŁADKI

Daniela Kędzia

Adres redakcji:

„Annales Neophilologiarum”, Wydział Filologiczny Uniwersytetu Szczecińskiego, al. Piastów 40B, 71–065 Szczecin
tel./faks 91 444 27 00

Wersja papierowa jest wersją pierwotną

Pełna wersja czasopisma dostępna jest na stronie: <http://www.wf.usz.edu.pl/stronagłowna>

Streszczenia opublikowanych artykułów są dostępne online w międzynarodowej bazie danych The Central European Journal of Social Sciences and Humanities <http://cejsh.icm.edu.pl> oraz w CEEOL

© Copyright by Uniwersytet Szczeciński, Szczecin 2017

ISSN 1734-4557

WYDAWNICTWO NAUKOWE UNIwersYTETU SZCZECIŃSKIEGO

Ark. wyd. 10,0. Ark. druk. 10,6. Format B5. Nakład 70 egz.

SPIS TREŚCI

JĘZYKOZNAWSTWO

- Magdalena Czajkowska – Forming linguistic and communicative competences in twins with delayed speech development at the age 0 to 4.....
- Martyna Gibka – Analiza porównawcza funkcji nazw własnych postaci w powieści Terry’ego Pratchetta *Guards! Guards!* i jej polskim tłumaczeniu *Straż! Straż!*.....
- Natalia Ivanova – Экспериментальное исследование содержания концептов “dance” и «танец» в английском и русском языках
- Sylwester Jaworski – Acoustic analysis of three marked trills: Welsh *ɹ^h*, Slavonic *r^l* and Czech *ř*.....
- Katarzyna Kondziola-Pich – Речевые акты как прагматические детерминанты языковой агрессии в эмоциональном шантаже
- Ewa Maria Majewska – Englisches Wortgut im deutschen medizinischen Fachwortschatz der Zeitschriften.....
- Tomasz Obiała – Optimality-theoretic approach to the syllable in Lardil.....
- Jakub Olas – Лексические источники паремиологической деривации. На материале паремийных неологизмов в современных польском и русском языках – к постановке вопроса
- Wioletta Piegzik – Le rôle de la conception du métalangage sémantique naturel dans la didactique des langues : résultats de la recherche
- Konrad Rachut – The specificity of literary proper names. *Harry Potter* in translation into Polish and Russian.....
- Sergey Shcherbina – Формирование и развитие дефиниции термина «слово» в русском языкознании

LITERATUROZNAWSTWO I KULTUROZNAWSTWO

- Beata Kędzia-Klebeko – *Une Nuit d’Elie Wiesel* – un exemple de la narration de guerre dans la littérature française au regard de la psychologie culturelle de Jérôme Bruner.....

JĘZYKOZNAWSTWO

MAGDALENA CZAJKOWSKA*

Wydział Filologiczny Uniwersytetu Szczecińskiego

FORMING LINGUISTIC AND COMMUNICATIVE COMPETENCES IN TWINS WITH DELAYED SPEECH DEVELOPMENT AT THE AGE 0 TO 4

The ability to shape and develop linguistic competence is inseparably connected with the pre-natal period in the child's life. The proper structure of the brain, peripheral nervous system, speech organs, the organs of hearing as well as functional architecture of neural network determines the genetic functioning of the speech acquisition mechanism. This is so called tacit knowledge, connected with the use of a language system, which, according to Chomsky, enables children to master the grammar rules of their mother tongue over the next months and years.¹ The foetus, listening to the sound, intonation and prosodic features of language of the mother's voice coming from the outside of the womb, starts to shape and acquire communicative competence. The competence, in the post-natal period, will be continued in the form of a "dialogue" of string syllables with the nearest caregivers. Over the next months the child will be shaping and continuously developing its communicative and linguistic competence while learning the rules and principles of communication in social interactions.

The problem appears in the situation when there are complications in the pre-natal period and the pregnancy ends prematurely, failing to provide the chance for full development of structures responsible for the forming of linguistic and communicative competence. The purpose of this paper is to present how the linguistic and communicative competence is formed in the twins born in the 29th week of pregnancy and to compare their inter-subject differences in speech development. Currently the

* mgr fizjoterapii/logopeda Magdalena Czajkowska, Uniwersytet Szczeciński, Wydział Filologiczny. Zainteresowania naukowe: zaburzenia rozwojowe w obrębie okresu prewerbalnego i dysfunkcje rozwoju mowy u niemowląt i dzieci; czajkowskamagdalena@interia.pl

1 Ewa Czaplewska, „Diagnoza zaburzeń rozwoju artykulacji”, in: *Diagnoza logopedyczna*, ed. Ewa Czaplewska, Stanisław Milewski (Gdańsk: Gdańskie Wydawnictwo Psychologiczne, 2012), 75.

twins are 4.5 years old, and are under the care of a specialized early intervention health care facility. Their speech development compared to the children of the same age is much delayed; therefore they undergo comprehensive speech therapy and psychological therapy.

1. Linguistic behaviour of a 4-year-old child

Children over the age of 4 who are correctly developing their linguistic behaviour master the skills acquired at an earlier age. Therefore their vocabulary is expanded, their phonetic and phonological system and syntax is perfected. They start to include in their utterances some words and phrases with emotional content, such as really?!, that's incredible!, wow! – often heard from adults or fairy tale characters.² The children develop their narrative skills, most often in the form of a one-sentence utterances, acquire the skill of naming simple cause and effect relationships or time relationships, which enables them to connect the events and express them linguistically.³ A 4-year-old answers the majority of basic questions (such as What is your name?, Where do you live?, Where did your mother go?. A 4-year-old child learns to use prepositional phrases, which are used to express spatial relationships (such as on, to, in), causal relationships or time relationships (such as after dinner, after lunch, after a walk).⁴ Incessant questions from the child about his/her surroundings are typical of this period. The answers from an adult provide potential knowledge of the world and provide linguistic and cultural models, new vocabulary and thus affect the possibility of forming the communicative competence of the child during social interactions.⁵ In terms of articulation, the phones *-s, -z, -c, -dz* are already fixed and a 4-year-old child should not replace them with the phones *-ś, -ź, -ć, -dź*. The phone *-r* may appear. The lack of articulation of this phone for this age is not an abnormality, however, according to Kaczmarek, it is usually mastered at the end of the fourth year.⁶ The phones *-sz, -ż, -cz, -dż* are still replaced with phones *-s, -z, -c, -dz* or *-ś, -ź, -ć, -dź*⁷ (physi-

2 Jagoda Cieszyńska, Marta Korendo, *Wczesna interwencja terapeutyczna* (Kraków: Wydawnictwo Edukacyjne, 2007), 182–183.

3 Cieszyńska, Korendo, *Wczesna interwencja terapeutyczna*, 183.

4 Maria Kielar-Turska, „Rozwój sprawności językowych i komunikacyjnych”, in: *Diagnoza logopedyczna*, ed. Ewa Czaplewska, Stanisław Milewski (Gdańsk: Gdańskie Wydawnictwo Psychologiczne, 2012), 43.

5 Cieszyńska, Korendo, *Wczesna interwencja terapeutyczna*, 184.

6 Leon Kaczmarek, *Nasze dziecko uczy się mowy* (Lublin: Wydawnictwo Lubelskie, 1977), 69.

7 Explanations: *sz* – voiceless retroflex sibilant; *ż* – voiced retroflex sibilant; *c* – voiceless alveolar affricate; *cz* – voiceless retroflex affricate; *dż* – voiced retroflex affricate; *dz* – voiced alveolar affricate; *dź* – voiced alveolo-palatal affricate; *ś* – voiceless alveolo-palatal sibilant; *ź* – voiced alveolo-palatal sibilant; *ć* – voiceless alveolo-palatal affricate.

ological lisp), and the group of consonants are simplified.⁸ A child over the age of four smoothly and willingly interacts with his peers and adults, developing cognitive functions, learning the rules and standards of the society in which he/she grows. Such a harmonious development of linguistic and communicative competence corresponds to the proper biological development. The situation of language acquisition is strikingly different in the case of abnormalities such as pre-term birth and complications connected with the immaturity of the central nervous system.

2. Linguistic and communicative competence of twins with delayed speech development – empirical research

The twins are under the therapeutic care of a non-public health facility in Silesia, Poland. The facility provides early therapeutic intervention as well as motoric, speech and psychological rehabilitation. The author of this text is a member of the therapeutic staff in this facility. To date the results of the boys' speech development have not been discussed so widely.

2.1. Twin 1

2.1.1. Case description

The first boy was born in 29 Hbd (week of pregnancy) with birth weight 600 g, and scored 6 in Apgar scale.⁹ In the first 24 hours the child suffered from a brain haemorrhage with anoxia; the baby spent 2.5 months in a neonatal incubator. In the neonatal ward the boy was fed through a naso-gastric tube. Attempts to breastfeed were unsuccessful. On the day on which the baby was discharged from the hospital, a special feeding bottle teat for premature babies was selected through which the baby was fed. The hearing test revealed no abnormalities.

Due to a direct correlation between the ability to ingest food (sucking, swallowing, biting, chewing) and the development of articulation functions – the details about diagnostics and therapeutic procedure are intertwined in the case description. For speech development – secondary skills – correct development of primary abilities is necessary, which are the matrix of movements for lips, tongue, jaw, breathing and phonatory models in the execution of first syllables and words.¹⁰ In parallel with psy-

8 Genowefa Demel, *Minimum logopedyczne nauczyciela przedszkola* (Warszawa: Wydawnictwo Szkolne i Pedagogiczne, 1987), 12.

9 Maximum score for a child is 10.

10 Elżbieta Stecko, *Zaburzenia mowy dzieci – wczesne rozpoznawanie i postępowanie logopedyczne* (Warszawa: Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego, 1996), 17–19.

chomotor development and perfection of gross¹¹ and fine motor skills,¹² the child's linguistic system is being formed.

The first assessment in terms of neurology and speech therapy took place after 7 months (the corrected age¹³ of the baby – 4 months). In the subsequent regular tests of feeding skills it was noted that the baby tolerated a touch on his face, sensory feelings were at the correct level of tolerance; the boy steadily sucked on his feeding bottle teat; the boy had not yet been spoon-fed. When the baby was seven months old, intensive orofacial stimulation began – putting fingers in his mouth. Spoon-feeding began; the boy correctly took his food, which may point to a proper neuromotoric control of the articulators, mostly lips. When the boy was 10 months old, he could not handle any lumpy food; semiliquid consistency of food induced vomiting reflex. Orofacial area reflexes (sucking, swallowing, chewing, biting) were integrated in the 11th month of life. The boy still did not accept any lumpy food. In the 13th month of life there was still no tolerance to lumpy food; oversensitivity to touch in the area of lips and oral mucosa was developing and orofacial stimulation was intensified. The program of neurological and speech therapy started to include tactual stimulation of the baby's face and hands (using various textures – rough, smooth, a touch by a feather, terrycloth), olfactory stimulation (smell of coffee, cinnamon, vanilla), taste stimulation (sweet, salty, sour taste). In the first stage of simulation the baby's reaction was crying. Over the next weeks the baby adapted to the aforementioned stimulation and to the introduced therapeutic speech massage. In the 15 and 16th months of life there were still distinct difficulties in bottle feeding and spoon feeding. An excessive vomiting reflex appeared. Attempts to introduce spoon up to the alveolar ridge incurred vomiting reflex. The speech therapist introduced chewing training, continued with the tactual simulation of the face and oral mucosa, olfactory and taste stimulations, adding more smells and tastes. As a result of introduced chewing training, the vomiting reflex started to back up behind the alveolar ridge to the palate, as a result of which it was much easier to feed the baby. In the 20th month there was much improvement in the tolerance to food consistency, the baby willingly and without particular difficulties ate bits of food the same size as one-half of a rice grain (significant tolerance to lumps in food). The next 6 months of systematic feeding therapy included external therapeutic speech massage of face and internal therapeutic speech massage of oral mucosa and training of chewing.

11 Gross motor skills – motor skills of the entire body which are being acquired by a baby – head control, turning, crawling, walking, climbing stairs, running, cycling.

12 Fine motor skills – motor skills which refer to manipulation movements of hands and fingers, which require proper coordination eye-hand, spatial vision and concentration – such as pincer grasp, using spoon, drinking from a cup, building a brick tower, drawing, cutting paper, buttoning up.

13 Corrected age = birth age 'minus' missing weeks to the birth date.

In the first assessment of linguistic behaviour – in the fourth month of life – some attempts of cooing are noted, namely *la-la* as well as singing when playing with the caregiver. At the age of 5 months more syllables appeared *me-me*, *ma-ma*, *gi-gi*; melodious singing was still observed as well as throaty sounds. The baby correctly turned towards auditory stimuli and visual stimuli, however, visual autostimulations were observed – hands were brought close to the eyes and moved in a specific way (flutter). Over the age of 7 months more intensive cooing was observed. The baby was able to point out what he wanted to play with. In the 10th month the first vowels appeared *a*, *o* – sometimes voiced louder, sometimes quieter, as well as more syllables *bu-bu*, *lo*, *dy*. In the assessment in the 11th month more new sounds were noted: *ge*, *be*, *ly*, *ble*, *gre*, *de*, *ag*, *no*, as well as extended time of cooing and repetition of syllable strings. The baby started to imitate an adult person's position of lips. When the baby wanted something, this is communicated by screaming. At the same time the baby was able to continue a syllable dialogue when initiated by an adult. After the age of 13 months cooing was still predominant and more syllables appeared *be-be*, *dys-dys*, *pe-pe*, *aaa* as well as singing; lips vibration appeared, as well as imitation of the noises made by the nearest people from his surroundings (and also blowing kisses and fish-gaping). At home the baby uttered additional syllables *ba-be*, *bu*, *kaj*, *na*. In the 19th month, the elements of verbotonal method¹⁴ were introduced as further therapy as well as a string of vowels *a-o-u/ a-o-u-e*. The baby, especially when in motion, made sounds and uttered more new syllables (closed syllables), laughed loudly. At home the child 'spoke a lot', tried to pronounce words, repeating some words which he had heard. In the 22nd month the verbotonal method was replaced by the Knill¹⁵ method. As soon as the child was 2 years old, the neurological and speech therapy was supplemented by another tool assisting in communication: selecting among concrete items (pictures, showing subsequent activities); the talks were executed during the class;¹⁶ 4 months later basic Makaton¹⁷ gestures were introduced as a part of the therapy such as *jeszcze* 'once more', *koniec* 'end', *pomoc* 'help', since still there were no single words uttered without assistance. At the age of 2.6 years the boy used words *ne-ne* 'no', *tete*, *tata*, *leo*, *papa*, *gaga* (Aga – his mother's name). With his twin brother he communicated without words. 3 months later more words and syllables appeared – *mama* 'mum', *tata*

14 The Verbotonal method involves the stimulation of motoric, auditory and visual perception, sense of balance, concentration and auditory differentiation of sounds: exercises used in this method support the development of speech, improve articulation of phones and sensitize the child's hearing.

15 Knill method – a therapeutic programme directed to a disabled child during which a therapist makes contact with the child when music plays.

16 The pictures show a sequence of tasks which are performed during speech therapy, such as a picture showing a "note" – singing a song, "lips and tongue" – exercises of speech organs, a picture with a "vowel" – articulation exercises, a picture with 'a teddy bear or a doll' – topical play.

17 Makaton – a tool for alternative communication, using gestures for communication, used to facilitate the development of persons with complicated communicative needs.

‘daddy’, *tu, da, baba, wowo* (synonym of his brother’s name), *hoho, me, dudu* ‘much’. Also Makaton gestures were used for communication – *koniec* ‘end’, *jeszcze* ‘once more’. These were meaningful words in the communication between the therapist and the child. Thanks to these words the therapists decoded the non-verbal message telling whether the therapist could continue with the exercise in question. The child was an active participant of the therapy and could decide about the pace of the exercises and control the intensity of stimuli (especially during sensory desensitization of the face and oral mucosa). Speech therapy was supplemented by auditory exercises (noises made by animals, everyday objects, vehicles), auditory perception exercises, breathing exercises as well as perfecting of the fine motor skills and eye-hand coordination. At the age of 3 the child started to utter more words *moto, ciocia* ‘auntie’, *kurka* ‘small hen’, *nos* ‘nose’, *osa* ‘wasp’, *jajo* ‘egg’, *oko* ‘eye’.

2.1.2. Assessment method

In order to assess the boy’s progress in active and passive speech development, the Kielin¹⁸ scale is used. The following skills are evaluated: visual perception, auditory perception, gross motor skills, fine motor skills, social development, imitation of motions, eye-hand coordination, cognitive functions, self-dependency and understanding and the development of speech. The child was assessed at the age of 2, 3 years and 4 years.

2.1.3. Results

The following description presents the results obtained by the boy in the aforementioned time frame for the passive and active speech tasks.

Age 2 years

Assessed tasks in passive speech:

- understanding the command to greet an acquaintance (such as holding out the hand),
- understanding the command *daj buzi* ‘kiss me’, with appropriate reaction,
- pointing out where the head, ear, nose, face and hair are,
- understanding of the instruction *patrz na mnie* ‘look at me’,
- correctly pointing to the forehead,
- correctly pointing to the fingers,
- correctly pointing to the stomach,
- correctly pointing to the eyes,

18 The Kielin scale – a diagnostic tool to record a student’s progress, which evaluates: visual perception, auditory perception, fine and gross motor skills, social development, development of speech (passive and active), imitation and eye-hand coordination.

- correctly pointing to the legs,
- correctly pointing to one and then the other hand,
- correctly pointing to one and then the other ear,
- correctly pointing to a pocket in clothing,
- correctly pointing to a shirt,
- correctly pointing to buttons in clothing,
- correctly pointing to a hat,
- correctly pointing to one shoe and then the other,
- understanding the command *podaj bucik* ‘give me the shoe’,
- understanding the command *poszukaj lalkę* ‘find the doll’,
- understanding the command *wytrzyj swój nos chusteczką* ‘wipe your nose with a handkerchief’,
- understanding the command *uściskaj swoją mamę* ‘hug your mummy’,
- proper understanding of a two-part command with a proper reaction (such as *Zamknij drzwi i umyj ręce* ‘Close the door and wash your hands’, *Podnieś rękę do góry i otwórz usta* ‘Raise your hand and open your mouth’).

The child executes all the tasks unassisted, with the exception of the last one; the last one – with assistance from the testing person. The result is 100% of the developmental standard (including 4% with the assistance of the therapist).

Assessed tasks in active speech:

- ability to utter 5 words,
- ability to utter a word consisting of three vowels,
- ability to use autonomous child speech,
- ability to connect the words and gestures in social interactions,
- naming familiar things and persons,
- connecting words freely,
- ability to answer the question *Jak się nazywasz?* ‘What is your name?’,
- using approximately 20 words,
- naming familiar toys,
- ability to name several types of food (such as bread, cake, juice etc.),
- asking question using proper intonation,
- ability to verbally answer the question *Czego chcesz?* ‘What do you want?’

The boy showed no ability to use autonomous child speech; nor was he able to connect the words and gestures in social interactions. When assisted by the therapist, he performed the command to ask questions using appropriate intonation. The boy realized the other tasks unassisted. The result was 75% of the developmental standard.

Age 3 years

Assessed tasks in passive speech:

- understanding of personal pronouns, correct reactions to instructions (such as *daj to jej* ‘give it to her’),

- understanding of the following sentence, pointing out to proper items among many possible: *pokaż, na czym kroi się chleb* ‘show me what do you cut the bread with’, *pokaż, co wkładamy na nogi* ‘show me what do you put on your feet’, *czym się rysuje* ‘what do you draw with?’,
- proper reaction to the following commands: *włóż łyżeczkę do kubka* ‘put the spoon in the cup’, *połóż klocek na talerzu* ‘put the brick on the plate’, *posadź misia na krześle* ‘seat the teddy bear on a chair’,
- understanding the words: *mało* ‘little’, *dużo* ‘much’, *mały* ‘small’, *duży* ‘big’, *jeden* ‘one’, *daleko* ‘far’, *blisko* ‘near’ – correct indication on items or pictures,
- ability to show *mokre* ‘wet’ and *suche* ‘dry’ items,
- understanding the words ‘eating’ and ‘drinking’ with correct allocation of pictures or indication of items.

The boy performed all the tasks correctly and unassisted. The result was 100% of the developmental standard.

Assessed tasks in active speech:

- ability to repeat, after an adult, two numbers or two words in the same order,
- ability to verbally indicate physiological needs (such as the lavatory),
- using the word ‘please’ in an appropriate moment when an adult reminds him of it,
- naming 5 various pieces of clothing,
- counting to 10,
- ability to imitate the noises made by familiar toys or objects *Jak warczy ten samochód?* ‘How is this car whirring?’, *Jak uderza ten młotek?* ‘How is this hammer striking?’,
- ability to express a request using the word *chcę* ‘I want’, connecting it with another word (such as *Chcę pić* ‘I want a drink.’),
- ability to answer the question *gdzie...?* ‘where....?’ using a prepositional phrase (*w kubku* ‘in the cup’, *pod stołem* ‘under the table’, *na stole* ‘on the table’),
- ability to connect two words in order to specify the possessive state (such as *samochód taty* ‘daddy’s car’, *buty mamy* ‘mummy’s shoes’),
- using at least 10 words specifying items or places not in home,
- ability to correctly repeat, after an adult, the consonants: *p, b, m, n, w, h*,
- correct specification of his age – verbally or by raising a correct number of fingers,
- using the word *kciuk* ‘thumb’ and pointing it among his fingers on both hands,
- ability to imitate noises made by at least 5 familiar animals,
- starting to use the plural form (such as *piłki* ‘balls’, *lalki* ‘dolls’),
- ability to use the verb *jest/być* ‘to be’ in affirmative sentences (such as *Mama jest w domu?* ‘Mum is at home?’),

- ability to ask questions starting from the word *co...?* ‘what...’, *gdzie...?* ‘where...?’ (open questions),
- ability to repeat, after an adult, an utterance partly in a quiet voice and partly in a loud voice,
- ability to describe a picture using a four-word sentence containing a noun and a verb,
- using the pronouns *ja* ‘I’, *mi/mnie* ‘me’, *moje* ‘my’ instead of his own name,
- ability to correctly repeat, after an adult, the consonants: *k, g, t, d*,
- ability to answer to a question *Kto...?* ‘Who...?’ by naming other persons and the relationship (such as *ciocia Ola* ‘auntie Ola’) or the word *Pan* ‘Mr’ (such as *Pan Jacek* ‘Mr Jacek’),
- use of possessive forms of nouns (such as *szal tatusia* ‘daddy’s scarf’, *piłka Kasi* ‘Kate’s ball’),
- knowledge and ability of showing the words: *łokieć* ‘elbow’, *dłoń* ‘hand’, *ramię* ‘arm’, *kolano* ‘knee’ and ability to point concrete body parts,
- knowledge and ability of showing the words: *czubek głowy* ‘top of the head’, *podeszwa stopy* ‘sole of the foot’, *boki ciała* ‘sides of the body’, *przód i tył ciała* ‘front and back of the body’ and ability to point concrete body parts,
- ability to use the names of the following classes of objects – animals (*To są zwierzęta* ‘These are animals’ when pointing at for example dogs and cats), toys and food.

The boy correctly performed 13 tasks without assistance. 3 tasks which involve showing on himself parts of body are performed only partially (the child did not point to all of the mentioned parts). The same situation happened when the task involved the ability to answer the questions about relatives. The boy performed the tasks involving counting to 10 from memory and connecting two words regarding possessive state with assistance. The boy needed assistance with the command to imitate the noises made by at least 5 animals that he was familiar with and with making the questions starting with *co...?* ‘what...?’ and *gdzie...?* ‘where?’. He failed to execute the tasks with the expression *chcę* ‘I want’, failed to answer the questions *gdzie...?* ‘where...?’ by using a prepositional phrase, did not use plural form; nor did he use the verb ‘to be’ in affirmative sentences. The boy was not able to describe a picture using a four-word sentence including a noun and a verb, did not use pronouns *ja* ‘I’, *mi/mnie* ‘me’, *mój* ‘my’, possessive forms; nor did he use the elements of the class of objects: animals, toys and food. The result was 65% (including tasks executed without assistance – 50%, with assistance – 15%).

Age 4 years

Assessed tasks in passive speech:

- understanding of the word *zero* ‘zero’, when commanded *podaj zero klocków* ‘give me zero bricks’ – no bricks are given,

- understanding of the words: *nad* ‘above’, *pod* ‘under’, *przed* ‘in front’, *za* ‘behind’, *z dala od* ‘far away from’ – correct showing or executing the instruction,
- understanding of the words: *przed i za* ‘before’ and ‘after’ – correct showing or executing the instruction,
- understanding of the words: *z dala od* ‘far away from’ – correct showing or executing the instruction,
- understanding of the words: *więcej* ‘more’, *mniej* ‘less’ – correctly showing the bricks which have been named like that,
- understanding of the words: *największy* ‘the largest’, *najmniejszy* ‘the smallest’ – correctly showing the bricks in such a way,
- understanding of the term: *najkrótszy* ‘the shortest’, *najdłuższy* ‘the longest’ – correctly showing the bricks in such a way,
- understanding of the term: *najniższy* ‘the lowest’, *najwyższy* ‘the tallest’ – correctly showing the bricks in such a way,
- understanding of all of the following words, pointing to correct pictures: *gruszka* ‘pear’, *jabłko* ‘apple’, *bocian* ‘stork’, *kura* ‘hen’, *kogut* ‘rooster’, *sowa* ‘owl’, *ogon ptaka* ‘bird’s tail’, *dziób* ‘beak’, *pazur* ‘claw’, *koń* ‘horse’, *słoń* ‘elephant’, *zając* ‘hare’, *lis* ‘fox’,
- understanding of all of the following words, pointing to correct pictures: *lekarz* ‘doctor’, *nauczycielka* ‘teacher’, *kucharz* ‘cook’, *lotnik* ‘pilot’, *kierowca* ‘driver’,
- ability to show the following colours: *czerwony* ‘red’, *zielony* ‘green’, *niebieski* ‘blue’, *żółty* ‘yellow’, *biały* ‘white’, *czarny* ‘black’,
- understanding of the names of the following geometric figures and ability to point them: *kwadrat* ‘square’, *trójkąt* ‘triangle’, *prostokąt* ‘rectangle’, *koło* ‘circle’,
- understanding of the words: *szybki* ‘fast’, *wolny* ‘slow’, correctly pointing to pictures,
- understanding of the words: *ciężki* ‘heavy’, *lekki* ‘light’ correctly pointing to pictures.

Given 14 tasks, the boy executed correctly and in full only two, regarding the colours and geometric recognition, were fully completed. He was able to partially point pictures, such as *jabłko* ‘apple’, *gruszka* ‘pear’, *koń* ‘horse’, *zając* ‘hare’, *lis* ‘fox’, *słoń* ‘elephant’, however, in order to consider this task as correctly performed, all of the pictures must be named and indicated. Result was 14%.

Assessed tasks in active speech:

- ability to use word *dziękuję* ‘thank you’ when reminded by an adult,
- knowing the names of at least 4 peers,
- ability to use the demonstratives: *ten* ‘this’, *tamten* ‘that’, *ci* ‘these’, *tamci* ‘those’,
- use of adverbs: *szybko* ‘fast’, *wolno* ‘slowly’, *teraz* ‘now’,
- ability to ask a closed question,

- in response to question: *Jakie to jest?* ‘How is it?’ the ability to use words: *duże* ‘large’ and *małe* ‘small’,
- answer to the question about the boy’s full name (first name and surname),
- use of personal pronoun: *on* ‘he’, *ona* ‘she’,
- ability to answer questions such as: *którędy...?* ‘which way...?’, *jak* ‘how’, *jaka droga...?* ‘what way...?’,
- ability to repeat, after an adult, in the same order a string of three numbers or words,
- use the words: *ładny* ‘pretty’, *lepki* ‘sticky’ and *gładki* ‘smooth’ when describing items,
- ability to express an activity in the past tense,
- ability to describe recent events,
- ability to memorize a short (4–6 words) message and verbal transmittal of this message to another person after a while,
- ability to imitate, after an adult, the way of speaking in low and high tones and speaking fast and slowly,
- expressing an activity in the future tense,
- proper answer to the question: *Z czego jest to zrobione?* ‘What is it made of?’, when showing *szklanka* ‘a glass’ (glass), *nóż* ‘a knife’ (metal, iron, steel), *krzesło* ‘a chair’ (wood), *ubranie* ‘clothing’ (fabric, wool, cotton, linen).

Among 17 tasks, the boy completed 4 without assistance and one with assistance. He had no difficulties in performing the task involving the use of the word *dziękuję* ‘thank you’, knowing the names of at least 4 peers and his own first name/surname. With great difficulty, but unassisted, the boy memorized and repeated a short message. He needed some assistance with the task which involved the answer to the question *Jakie to jest...?* ‘How is it...?’ (small, large). The boy was not able to execute correctly any of the other instructions. The result was 29% (including unassisted work – 23%, assisted – 6%).

The last speech therapy assessment at the age of 4.4 years indicated continuous and dynamic increase of the boy’s vocabulary. The grammatical forms which were used are the sentence words (elliptical clauses), simple sentences. The boy less and less frequently used screams, from time to time there are squeals (very high pitch screams). He answered simple questions, names items, pictures, asks for help.

2.2. Twin 2

2.2.1. Case description

The other boy was born in 29 Hbd, with birth weight 960 g (birth weight greater than that of his brother by 360g), also scored 6 in Apgar scale. In the first 24 hours the baby

suffered from a brain haemorrhage (without symptoms of anoxia, as was in the case of the first baby); the baby spent 1.5 months in a neonatal incubator. The baby was fed through a tube for one month. Attempts to breastfeed were unsuccessful; the baby was fed from a feeding bottle with a teat – a standard teat, not a special teat as in the case of his brother. Hearing test revealed no abnormalities.

The first assessment in terms of neurology and speech therapy took place after 7 months (the corrected age – 4 months). The test for food intake competences determined that the baby – similarly as in the case of his brother – accepted a touch on his face; sensory feelings were at the correct level of tolerance. Occasionally the baby choked on his food or saliva, which could indicate incomplete coordination sucking-breathing-swallowing, or may point out to reduced muscular tension in articulation organs. The baby started to take food other than liquid three months earlier than the first baby – in his seventh month. In contrast to his brother, the baby tolerated lumpy food. As regards the feeding function development, new meals with various textures were introduced (bread, rice, corn, carrot).

In the assessment of linguistic behaviour the beginning of babbling was noted – melodious, correct when uttered, the stage of cooing *mmmm* as well as social laughter, which appeared earlier than in the case of his brother. The boy correctly reacted to sounds, turned his head towards an auditory stimulus. At the age of 5 months some sounds appeared *aa, ha, ho, a-bi, a-bi*, dynamic vibration of lips and loud screams. Two months later the first “dialogue” with his parents was observed, and intensified babbling. In his 10th month of life the boy uttered melodious vowels *aaa, eee*, could repeat sounds uttered by himself. He initiated contacts with the persons nearby (‘dialogue’ by babbling); replied with a smile on his face. Neurological and speech assessment in 12th month registered the first words: *dada, baba, mama, tete, gaga, dede* – active verbal communication; the boy willingly interacted socially, demanded attention and (‘dialogue’). Due to the fact that there were no grounds for starting speech therapy, the next diagnostics took place after 1,5 years, when the boy was 2.5 years old. The boy spoke a lot, using his own “language”. He used the elements of the linguistic code: *mama* ‘mummy’, *tata* ‘daddy’, *nie* ‘no’, *siedź* ‘sit’ when he wanted to get something. He was able to imitate the noises made by animals which he heard: cat (*miaow*), pig (*oink-oink*), cow (*mooo*). He understood simple commands, such as *włącz* ‘turn it on’, *zrób* ‘make’, *cześć* ‘hello’, *chodź* ‘come’, *idź* ‘go’, *napij się* ‘drink’, *jaki jesteś duży?* ‘how tall are you?’. Because of a rather small lexicon and no acquisition of vocabulary, the boy started speech therapy and psychological therapy. The Knill method was introduced, elements of verbotonal method, chewing training, sound imitation exercises, breathing exercises and exercising to improve the articulators. As a part of psychological therapy multisensory stimulation started (sonic, auditory, tactual), exercises of fine motor skills – hand therapy (play involving manipulation, such as using Play-Doh, kinetic sand), some exercises shaping and

perfecting the eye-hand coordination (such as building a tower, pyramid, domino), situation and relationship exercises as well as the Tomatis auditory training.¹⁹ At the age of 4, the speech therapy was supplemented by standard articulation exercises, verticalization of the tongue – due to reduced muscular capacity of lips and tongue. At the age of 4.4 years the boy demonstrated rich vocabulary pertaining to familiar situations. The sentences used by the boy were simple and compound ones, and the reception of verbal messages was adequate to the age range. Not all the phones and inflexion suffixes were properly performed.

2.2.2. Assessment method

The Kielin scale was also used to assess the boy's achievement in the development of passive and active speech. Due to the fact that in the scope of speech development the boy started speech therapy later than his brother, the diagnostic assessment was made only once, when he was 4 years old (test diagram see section 2.1.3 of this paper).

2.2.3. Results

Similarly as in the case of the first twin, the description presents the boy's achievements regarding the task in passive and active speech.

In the test of passive speech, the boy correctly completed 10 tasks out of 14. The boy three tasks were completed with assistance, involving the ability to understand the words *nad* 'above', *pod* 'under', *przed* 'before', *za* 'behind', *z dala od* 'far away from' and *przed/za* 'in front/behind'. The boy was not able understand the word 'zero' and did not understand the command *daj zero klocków* 'give me zero bricks'. The result was 92% (including the tasks completed without assistance – 71%, with assistance – 21%).

The boy correctly performed 12 out of 17 commands regarding active speech. With the assistance from the therapist – 4 tasks, regarding the use of pronouns (*ten* 'this', *tamten* 'that', *ci* 'these', *tamci* 'those'), regarding the answer to questions such as *którędy...?* 'which way...?', *jak...?* 'how...?', *jaka droga...?* 'what way...?', and the ability to imitate, after an adult, the way of speaking in low and high tones and speaking fast and slowly. The boy answered the questions *Z czego jest zrobione?* 'What is it made of?' (a glass, a knife, a chair, clothing) with assistance. The result was 88% (including the tasks executed without assistance – 70%, with assistance – 18%).

The last speech therapy assessment carried out at the age of 4.4 years showed that the boy communicated verbally using simple and compound sentences. Recommen-

19 The Tomatis method – auditory stimulation program (auditory training) used in the situation of auditory memory disorder and communication disorders in children and adults.

dations for further therapy were the improvement of articulators, improvement of auditory and visual perception, improvement of vocabulary, development of logical thinking, as well as the extension of knowledge regarding spatial terms, encouragement to ask questions (conducting a dialogue, discussion), learning the description of items using adjectives as well as attempts to talk about past events in the form of short utterances.

Comparison of the speech development level of the twins at the age of 4.

A comparison of the results in the following table (Tab. 1) shows high advantage of one of the twins (second twin described in this paper), in terms of the development of both passive speech and active speech.

Table 1. Results regarding the speech development for the twins at the age of 4

Twin 1		Twin 2	
Passive speech	Active speech	Passive speech	Active speech
14	29	92	88

As can be seen the difference is significant. The second twin shows achievements close to the developmental standard. The first twin shows clear deficits. The root cause of this difference is most probably perinatal issues, related to lower birth weight and anoxia as a result of brain haemorrhage. Also in the motor skill development there are noticeable disproportions between the twins. The boy also with anoxia requires more care from his parents in terms of daily care activities, attention and assistance in overcoming architectural barriers. The child stumbles frequently and has reduced movement coordination and balance.

CONCLUSIONS

The brothers are under constant care of a speech therapist and a psychologist. In spontaneous speech there are distinct differences in communicative competences. The boy born with lower birth weight, who spent more time in the neonatal incubator and started his speech therapy earlier due to much reduced tolerance to food intake has smaller vocabulary than his brother. In interaction with his peers, the boy is withdrawn and still uses screams to express his disapproval in conflict situations. In interaction with adults, the boy willingly starts a dialogue, nevertheless it is rather simple and the adult must to support the conversation. In the case of the second boy, the etiological factor in the speech development delay is most probably the reduced efficiency of the speech organs (such as reduced muscular tension of lips and tongue, the lack of tongue verticalization, reduced vertical tension of the body). His vocabulary is richer, he uses longer utterances than his brother and more eagerly initiates

dialogue with his peers. The speech therapy is based mostly on the improvement of articulation of phones and improvement of speech clarity. Both boys remain under the care of the early intervention centre to mitigate the current deficiencies in terms of speech development and interpersonal communication.

References

- Cieszyńska, Jagoda, Marta Korendo. *Wczesna interwencja terapeutyczna*. Kraków: Wydawnictwo Edukacyjne, 2007.
- Czaplewska, Ewa. „Diagnoza zaburzeń rozwoju artykulacji”. In: *Diagnoza logopedyczna*, eds. Ewa Czaplewska, Stanisław Milewski, 65–120. Gdańsk: Gdańskie Wydawnictwo Psychologiczne, 2012.
- Demel, Genowefa. *Minimum logopedyczne nauczyciela przedszkola*. Warszawa: Wydawnictwo Szkolne i Pedagogiczne, 1987.
- Kaczmarek, Leon. *Nasze dziecko uczy się mowy*. Lublin: Wydawnictwo Lubelskie, 1977.
- Kielar-Turska, Maria. „Rozwój sprawności językowych i komunikacyjnych”. In: *Diagnoza logopedyczna*, eds. Ewa Czaplewska, Stanisław Milewski, 15–64. Gdańsk: Gdańskie Wydawnictwo Psychologiczne, 2012.
- Stecko, Elżbieta. *Zaburzenia mowy dzieci – wczesne rozpoznawanie i postępowanie logopedyczne*. Warszawa: Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego, 1996.

Abstract

The proper forming of speech behaviour depends on the pre-natal and post-natal development optimum the brain structure and potential social and cultural factors affecting language acquisition in children. Any anomalies and disorders related to perinatal period may significantly affect any abnormal speech development and delayed speech development. Pre-term birth and extreme prematurity predisposes to developmental disorders connected with the shaping of communicative and linguistic competency in later years. The example of a pair of prematurely born twins highlights the impact of the perinatal period on the delayed speed development and the impact of extremely low birth weight and damage to cortex structure on the differences between the qualitative and quantitative language acquisition parameters of the brothers. The first symptoms of neurodevelopmental disorders are manifested as difficulties in food ingestion, execution of motoric movement of tongue, lips and jaw, as well as sensory reception of stimuli coming from the consistency of ingested food. The primary and pre-lingual skills predict the quality of children's linguistic behaviour. Neurological speech and language therapy started at an early age is able to mitigate the consequences of neurological damage and results in the improvement of development in terms of speech.

Keywords: linguistic competence, communicative competence, orofacial reflex reactions

KSZTAŁTOWANIE SIĘ KOMPETENCJI JĘZYKOWEJ I KOMUNIKACYJNEJ BLIŹNIĄT Z OPÓŹNIONYM ROZWOJEM MOWY W WIEKU 0–4 LAT

Abstrakt

Prawidłowe kształtowanie się zachowań językowych uzależnione jest od optymalnego rozwoju struktur mózgowych okresu prenatalnego i postnatalnego oraz potencjalnych czynników społeczno-kulturowych, wpływających na akwizycję języka u dziecka. Wszelkie anomalie i zaburzenia związane z okresem okołoporodowym mogą mieć znamieny wpływ na dysharmonie rozwoju mowy oraz opóźnienia rozwoju mowy. Przedwczesny poród oraz skrajne wcześniactwo predysponują do występowania zaburzeń rozwojowych w obrębie kształtowania się kompetencji komunikacyjnych oraz językowych w kolejnych latach. Przykład bliźniąt urodzonych przed czasem ukazuje aspekt wpływu okresu okołoporodowego na opóźnienie rozwoju mowy oraz wpływu ekstremalnie niskiej urodzeniowej masy ciała i uszkodzeń struktur kory mózgowej na różnice pomiędzy parametrami ilościowymi i jakościowymi nabywania języka między braćmi. Pierwsze symptomy zaburzeń neurorozwojowych demonstrują się w trudnościach poboru pokarmu, realizacji ruchów motorycznych języka, warg oraz żuchwy, a także odbioru sensorycznego bodźców płynących z konsystencji przyjmowanych pokarmów. Umiejętności prymarne (pierwotne) i prelingwalne prognozują jakość zachowań językowych dziecka. Wcześnie podjęta terapia neurologopedyczna jest w stanie zminimalizować skutki uszkodzeń neurologicznych oraz wpłynąć na poprawę ścieżki rozwojowej dotyczącej rozwoju mowy.

Słowa kluczowe: kompetencja językowa, kompetencja komunikacyjna, odruchowe reakcje orofacjalne

JĘZYKOZNAWSTWO

MARTYNA GIBKA*

Wydział Filologiczny Uniwersytetu Szczecińskiego

ANALIZA PORÓWNAWCZA FUNKCJI NAZW WŁASNYCH POSTACI W POWIEŚCI TERRY’EGO PRATCHETTA *GUARDS!* *GUARDS!* I JEJ POLSKIM TŁUMACZENIU *STRAŻ! STRAŻ!*

Uwagi wstępne

Nazwy własne postaci w powieści mogą pełnić wiele funkcji. Niektóre z tych funkcji pojawiają się już w momencie nazwania bohatera i trwają niezależnie od okoliczności, w jakich użyty jest pełniący je onim (funkcje stałe). Inne zaś pojawiają się i trwają jedynie w pojedynczym użyciu nazwy (funkcje chwilowe). Jednak czy funkcje pełnione przez przedmiotowe jednostki onimiczne w oryginale powieści są przez nie nadal pełnione w tłumaczeniu? Co wpływa na ich zachowanie lub utratę? Czy tak samo łatwo jest zachować funkcje stałe jak chwilowe? Czy w tłumaczeniu mogą pojawić się funkcje, które nie są pełnione w oryginale? Jak należy je interpretować? Celem niniejszego artykułu jest porównanie funkcji pełnionych przez nazwy własne postaci w oryginale i polskim tłumaczeniu powieści rozpoczynającej cykl o Straży Miejskiej autorstwa Terry’ego Pratchetta¹. Poza wskazaniem imion i funkcji, które

* Martyna Gibka – onomasta, adiunkt na Wydziale Humanistycznym Politechniki Koszalińskiej. Jej zainteresowania badawcze koncentrują się wokół onomastyki literackiej, martyna.gibka@gmail.com.

1 Cykl powieści Świat Dysku przyciągał niejednokrotnie uwagę badaczy. Powieść *The Amazing Maurice and his Educated Rodents* została zanalizowana w pracy Martyny Gibki, *The functions of characters’ proper names in a novel. A theoretical approach and its application* (Kindle Edition, 2017); język całości cyklu jest przedmiotem badania w w tekście Natalii Lemann, „Świat Dysku» Terry’ego Pratchetta jako kontrdyskurs rzeczywistości”, w: *Zrozumieć humor*, red. Alina Kwiatkowska i Sylwia Dżereń-Głowacka (Piotrków Trybunalski: Naukowe Wydawnictwo Piotrkowskie, 2009); studium porównawcze jednej z funkcji – stałej funkcji humorystycznej – w oryginale i przekładzie książki *Na glinianych nogach* zostało przedstawione w artykule Martyny Gibki i Mariusza Rutkowskiego, „Funkcja humorystyczna nazw osobowych w oryginale i przekładzie “Feet of Clay” Terry’ego Pratchetta”, w: *Funkcje nazw własnych w kulturze*

zostają zachowane, utracone i naddane, badanie będzie zmierzało do wskazania jakie czynności tłumacza zaowocowały owym zachowaniem, utratą czy naddaniem.

Analiza funkcji nazw własnych bohaterów w oryginale powieści (*Guards! Guards!*)² została oparta na stworzonej przez autora tej pracy teorii dwóch aktów³. Dlatego, aby możliwe było porównanie wyników obu badań, analiza polskiego tłumaczenia (*Straż! Straż!*) zostanie oparta na tej samej teorii. Każde studium oparte na teorii dwóch aktów składa się z dwóch części: (1) badania funkcji stałych opartego na akcie nazewniczym w analizowanej powieści, oraz (2) badania funkcji chwilowych opartego na akcie użycia nazwy własnej w analizowanym dziele. Ponieważ przedmiotowe akty nie są jednakowe dla każdego utworu literackiego, niniejsza analiza została rozpoczęta od stworzenia modeli wymienionych aktów (zobacz diagram 1 i diagram 2).

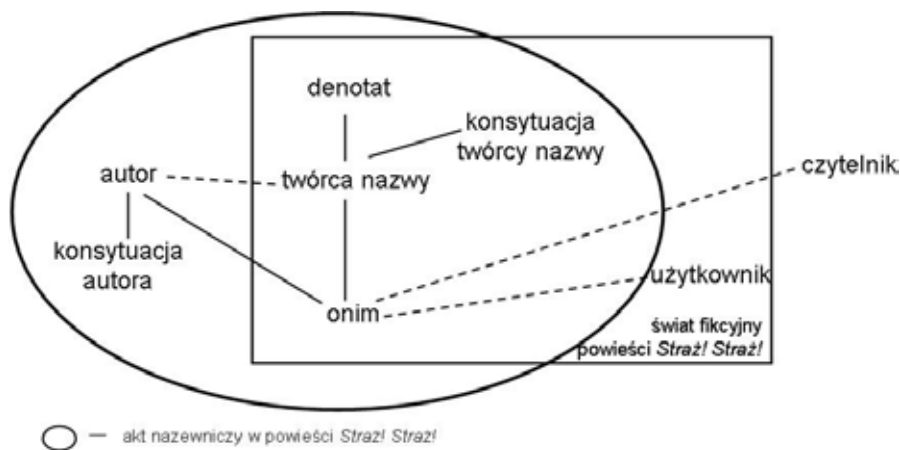

Diagram 1 – akt nazewniczy w powieści *Straż! Straż!*

Poszczególne elementy powyższego aktu można zdefiniować następująco: autor to pisarz, który stworzył dzieło wybrane do badania, jego konsytuacja to zespół wszelkich okoliczności, jakie towarzyszyły pisaniu powieści oraz nazywaniu bohaterów, czytelnik to wszystkie osoby, które przeczytają powieść. Natomiast wewnątrz świata fikcyjnego utworu wyróżnione zostały: onim – nazwa własna nadawana postaci; denotat – postać, która jest nazywana; twórca nazwy – postać w świecie fikcyjnym, która nadaje nazwę; konsytuacja twórcy nazwy – wszelkie okoliczności towarzyszące nazwaniu oraz użytkownik – wszystkie postacie fikcyjne, które będą używać

i komunikacji, red. Irena Sarnowska-Gieffing, Mieczysław Balowski, Magdalena Graf (Poznań: Uniwersytet im. Adama Mickiewicza w Poznaniu. Wydział Filologii Polskiej i Klasycznej, 2015).

2 Wyniki tego badania zostały przedstawione w artykule autorki zatytułowanym „The Functions of Characters’ Proper Names in *Guards! Guards!* by Terry Pratchett” (w druku).

3 Teoria dwóch aktów została szczegółowo przedstawiona i wyjaśniona w Gibka, *Functions*, 39–79.

onimu⁴. Zaś funkcja stała nazwy własnej postaci jest rozumiana jako rola, którą onim pełni w relacji do elementu aktu nazwicznego⁵. Ponieważ powyższy model składa się z ośmiu elementów, nazwa własna postaci może wejść w osiem relacji, w których może pełnić funkcje stałe.

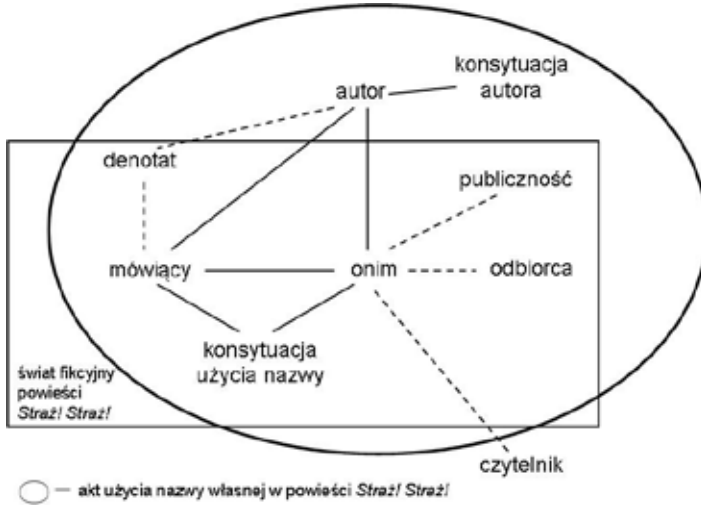

Diagram 2 – akt użycia nazwy własnej w powieści *Straż! Straż!*

W akcie użycia nazwy własnej w powieści zmieniają się elementy wyróżnione wewnątrz świata fikcyjnego dzieła, natomiast autor, jego konsytuacja oraz czytelnik zachowują swoje definicje przedstawione powyżej. Onim to jednostka onimiczna, która jest użyta, mówiący to bohater, który używa onimu, konsytuacja użycia nazwy to zespół wszelkich okoliczności, które towarzyszą użyciu onimu, denotat to postać, którą nazywa onim, odbiorca to bohaterowie, do których skierowany jest akt, a publiczność to wszyscy świadkowie aktu. Funkcja chwilowa nazwy własnej postaci jest więc rozumiana jako rola, którą *nomen proprium* pełni w relacji do elementu aktu użycia nazwy własnej w powieści. Ponieważ model tego aktu składa się z dziewięciu elementów, onim może pełnić funkcje chwilowe w dziewięciu relacjach.

Analiza oryginału powieści wykazała, że pojawia się w niej sześćdziesiąt sześć nazwanych bohaterów oraz ich sto osiem nazw. Denominacje te pełnią osiem stałych funkcji w pięciu relacjach oraz pięć funkcji chwilowych w czterech relacjach. Z drugiej strony w polskim tłumaczeniu przedstawionych jest sześćdziesiąt sześć nazwanych postaci oraz ich sto sześć nazw. Niemniej jednak różnica nie wynika z odjęcia dwóch onimów. Orangutan (wcześniej mag) znany w oryginale powieści

4 Por. ibidem.

5 Por. Martyna K. Gibka, „The Functions of Proper Names in the Literary Work of Art”, *Symbolae Europaeae* 8 (2015): 82.

jako *the Librarian*, w polskim tłumaczeniu określany jest apelatywem *bibliotekarz*. Natomiast jeden ze smoków bagiennych w oryginale nazwany *Moonpenny Duchess Marchpaine* w tłumaczeniu staje się dwoma smokami o imionach *Księżycowy Miedzianak* oraz *księżna Marchpaine*. W polskim tłumaczeniu nie pojawia się również pięć nazw własnych postaci przejętych do tłumaczenia: *Lady Rodley*, *VINNY*, *Sgt Colon*, *Detector Sergeant Colon*, *Mr Secretary* (ostatnie dwa stają się apelatywami: *detektor sierżant* i *pan sekretarz*). Dodane natomiast zostają trzy nazwy własne bohaterów: *Lupin Wonse*, *Dibbler* oraz *Jarl*. Powyższe zmiany w grupach rzeczonych onimów w oryginale i tłumaczeniu nie są jednak jedyną przyczyną zmian w zestawach funkcji pełnionych przez te jednostki onimiczne.

1. Funkcje zachowane

1.1 Funkcje stałe

Nazwy własne bohaterów w oryginale powieści pełnią funkcje stałe w relacjach do denotatu, onimu, twórcy nazwy, użytkownika oraz czytelnika.

1.1.1 Funkcje nazw własnych postaci w *Guards! Guards!* i *Straż! Straż!* w relacji do denotatu

W tej relacji badane onimy pełnią w oryginale trzy funkcje: konatywną, semantyczną oraz socjologiczną. Wszystkie z tych ról są pełnione również przez nazwy własne postaci w tłumaczeniu, jednak nie przez taką samą liczbę denominacji.

Pierwsza funkcja – konatywna⁶ – zachodzi, gdy denotat reaguje na nazwę, która zostaje mu nadana. W oryginale funkcja ta jest pełniona przez jeden onim – *Captain Slimes* – który sprawia, że kapitan Vimes (denotat) poprawia twórcę nazwy. Dokładnie taką samą reakcję wywołuje odpowiednik analizowanej jednostki onimicznej w tłumaczeniu – *kapitan Ślimes*. Zatem rola konatywna w relacji do denotatu zostaje całkowicie zachowana w polskim tłumaczeniu badanej powieści.

Funkcja semantyczna, którą pełnią nazwy własne postaci charakteryzujące denotaty „zgodnie z[e swoim] metaforycznym lub dosłownym znaczeniem”⁷, jest w oryginale pełniona przez piętnaście onimów, natomiast w tłumaczeniu jedynie przez trzynaście. Są to: *brat Palcy* (oryg. *Brother Fingers*), *brat Odźwierny* (oryg. *Brother Doorkeeper*), *brat Tynkarz* (oryg. *Brother Plasterer*), *Marchewa* (oryg. *Carrot*),

6 Nazwa tej funkcji została przejęta za analogiczną funkcją języka wyróżnioną przez Jakobsona (zob. na przykład Tom Furniss, Michael Bath, “Roman Jakobson: The Poetic Function”, w: *Reading poetry: an introduction*, red. Tom Furniss, Michael Bath (London: Prentice Hall, 1996)).

7 Aleksander Wilkoń, *Nazewnictwo w utworach Stefana Żeromskiego* (Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1970), 83.

Śmierć (oryg. *Death*), *Nersh Obląkaniec* (oryg. *Nersh the Lunatic*), *lord Chichot Smince* (oryg. *Giggling Lord Smince*), *Psychoneurotyczny Lord Snapcase* (oryg. *Psychoneurotic Lord Snapcase*), *Wielki A'Tuin, Niebiański Żółw* (oryg. *Great A'Tuin the Sky Turtle*), *Errol* (oryg. *Errol*), *Gardło Sobie Podrzynam Dibbler* (oryg. *Cut-me-own-Throat Dibbler*), *pan Butem w Krocze* (oryg. *Mr Steel-toecaps-in-the-groin*) oraz *pan Sprawdzalem Tylko Drzwi i Same Się Otworzyły* (oryg. *I-was-just-checking-the-doorhandle-and-it-opened-all-by-itself*). Pierwsze dziewięć zawiera w sobie cechę wyglądu lub osobowości denotatu. Następnie *Errol* to imię smoka, który wyglądem przypomina Errola, brata kaprała Nobbsa, a więc onim ten charakteryzuje swój denotat metaforycznie. A ostatnie trzy jednostki onimiczne odnoszą się odpowiednio do powiedzenia używanego przez sprzedawcę Dibblera („gardło sobie podrzynam”⁸) oraz do zachowania kaprała Nobbsa na służbie.

Wreszcie ostatnia funkcja – socjologiczna – która zachodzi gdy nazwy własne postaci wskazują przynależność społeczną, środowiskową czy narodową swoich denotatów⁹ lub wyrażają (lub sugerują) społeczną wyższość lub niższość postaci¹⁰, jest pełniona zarówno w oryginale, jak i tłumaczeniu przez czternaście onimów. Nie są to jednak te same jednostki onimiczne, tych samych onimów (ich tłumaczeń) pełniących tę funkcję jest trzynaście: *Lord Vetinari*, *Patrycjusz Ankh-Morpork* (oryg. *Lord Vetinari, the Patrician of Ankh-Morpork*), *Brenda, lady Rodley* (oryg. *Brenda, lady Rodley*), *lady Ramkin* (oryg. *Lady Ramkin*), *Sybil Deirdre Olgivanna Ramkin* (oryg. *Sybil Deidre Olgivanna Ramkin*), *lord Mountjoy Wesoluski Szponoszych III z Ankh* (oryg. *Lord Mountjoy Gayscale Talonhurst III of Ankh*), *Szponoszych Vincent Wunderkind z Quirmu* (oryg. *Talonhurst Vincent Wonderkind of Quirm*), *Rosik Mabelle Szponoszych Pierwszy* (oryg. *Dewdrop Mabelle Talonhurst the First*), *Wesołek Szponoszych z Ankh* (oryg. *Gayheart Talonhurst of Ankh*), *Księżycowy Miedziak* (oryg. *Moonpenny Duchess Marchpaine*), *Księżycowy Zmierzch Szponoszych II* (oryg. *Moonmist Talonhurst II*), *Zuch Bindle Puchogłaz z Quirmu* (oryg. *Goodboy Bindle Featherstone of Quirm*), *lord Mountjoy Szybkokieł Winterforth IV* (oryg. *Lord Mountjoy Quickfang Winterforth IV*) i *kapitan Ślimes* (oryg. *Captain Slimmes*). Wszystkie te nazwy wyrażają pozycję społeczną swoich denotatów. Pierwsze trzy czynią to po prostu przez zawarcie w nich tytułu, a kolejna ze względu na liczbę imion. Następnym osiem to nazwy własne smoków, w których odzwierciedla się ich pozycja społeczna widziana z perspektywy ich właścicielki – lady Ramkin. Ostatni zaś to pomyłone nazwisko kapitana Vimesa wskazujące, jaką pozycję zajmuje on w oczach twórcy nazwy – strażnika pałacowego.

8 Terry Pratchett, *Straż! Straż!* (Warszawa: Prószyński i S-ka, 2005), 147.

9 Wilkoń, *Nazewnictwo*, 83.

10 Katarzyna Kuffner-Obrzut, „Nazwy osobowe w wybranych utworach Małgorzaty Musierowicz”, w: *Metodologia badań onomastycznych*, red. M. Biulik (Olsztyn: Towarzystwo Naukowe : Ośrodek Badań Naukowych im. Wojciecha Kętrzyńskiego, 2003), 493.

1.1.2 Funkcje nazw własnych postaci w *Guards! Guards! i Straż! Straż!* w relacji do twórcy nazwy

W relacji do twórcy dwie nazwy własne –*Mad Sybil Ramkin* i *Vinny* – w oryginale badanej powieści pełnią rolę ekspresywną, ponieważ „wyrażają określone emocje i zabarwienie uczuciowe”¹¹ twórcy nazwy. Funkcja tych jednostek onimicznych zostaje zachowana w tłumaczeniu, pierwszy onim jest częściowo przetłumaczony – *Zwariowana Sybil Ramkin* – a więc nadal wyraża uczucia sierżanta Colona, natomiast drugi – *Vinny* – zostaje przejęty bez zmian (jako hipokorystyk) i nadal odzwierciedla emocje Lady Ramkin.

1.1.3 Funkcje nazw własnych postaci w *Guards! Guards! i Straż! Straż!* w relacji do siebie samych

W tej relacji jeden onim w oryginale pełni rolę poetycką, która pojawia się, gdy jednostki onimiczne „nie odsyłają do innych elementów aktu nominacyjnego, zatrzymując uwagę odbiorcy na swej strukturze”¹². Jest to imię *Skrp* denotujące szczura, który pomagał uwięzionemu Lordowi Vetinari. W polskim tłumaczeniu onim ten pojawia się bez zmian i podobnie jak w języku angielskim jest nietypową dla nazw własnych zbitką spółgłosek, a więc posiada „szczególnego rodzaju wewnętrzne zorganizowanie, zwracające w pierwszym rzędzie uwagę na formę językową”¹³.

1.1.4 Funkcje nazw własnych postaci w *Guards! Guards! i Straż! Straż!* w relacji do użytkownika

W oryginale powieści pojawiają się dwa onimy, które wzbogacają lub utrwalają wiedzę¹⁴ użytkownika, a zatem pełnią funkcję dydaktyczną. Są to: *Tubal de Malachite* oraz *Sybil Deidre Olgivanna Ramkin*. Pierwszy jest przedstawiony jako autor książki zatytułowanej *Przywoływanie smoków*, a druga jako autorka dzieła *Smocze choroby*. Obie nazwy własne postaci jak również ich osiągnięcia pojawiają się w polskim tłumaczeniu powieści bez zmian, a więc również pełnią funkcję dydaktyczną w relacji do użytkownika.

11 Wilkoń, *Nazewnictwo*, 105.

12 Mariusz Rutkowski, *Mikrotoponimia przestrzeni wspinaczkowej. Studium socjoonomastyczne* (Olsztyn: Wydaw. Uniwersytetu Warmińsko-Mazurskiego, 2001), 100.

13 Ibidem, s. 100–101.

14 Urszula Kęsikowa, „Funkcja dydaktyczna nazewnictwa w powieściach dla młodzieży”, w: *Onomastyka w dydaktyce szkolnej i społecznej. Materiały z VI Konferencji Onomastycznej*, red. Edward Homa (Szczecin: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Szczecińskiego, 1988), 81.

1.1.5 Funkcje nazw własnych postaci w *Guards! Guards!* i *Straż! Straż!* w relacji do czytelnika

W tej relacji analizowane nazwy własne pełnią w oryginale dwie role: kamuflażową i humorystyczną. Te same funkcje są pełnione przez onimy denotujące bohaterów w tłumaczeniu, jednak liczba kamuflujących i humorystycznych *nomina propria* w przekładzie jest mniejsza. W *Straż! Straż!* rola kamuflażowa jest zachowana przez jedynie pięć z sześciu nazw pełniących tę rolę w oryginale: *brat Palcy*, *brat Odźwierny*, *brat Strażnica*, *brat Tynkarz* i *brat Szambownik*. Wszystkie te jednostki onimiczne nazywają członków sekretnego stowarzyszenia i poza *bratem Palcy* ich tożsamość pozostaje nieznana czytelnikowi przez całą powieść.

Do zbadania drugiej funkcji pełnionej w tej relacji (humorystycznej) wykorzystano typologię humorystycznych nazw własnych zaproponowaną przez Gibką i Rutkowskiego.¹⁵ Postulują oni istnienie pięciu grup humorystycznych onimów: (1) nazwa własna brzmiąca identycznie jak nazwa pospolita (humor może wynikać z niespójności brak znaczenia-znaczenie); (2) onim z grupy 1 pojawiający się w kontekście, który wzmacnia element humorystyczny; (3) jednostka onimiczna, której niespójność należy do kategorii nieneutralnych (np. nawiązuje do tematów seksualnych czy fizjologicznych); (4) onim deprecjonujący denotat; (5) zgrupowania nazw należących do poprzednich grup¹⁶. Funkcja humorystyczna została zachowana jedynie przez cztery spośród dziewięciu imion pełniących ją w oryginale. Są to: *Blaszka Skalokruszkówna*, *Bjorn Wręcemocny*, *brat Szambownik* i *Czterech Jeźdźców Apokralipsy*. Pierwsze dwa zachowują podstawową dla onimów niespójność brak znaczenia-znaczenie (są zoni-mizowanymi apelatywami), trzecia nazwa deprecjonuje denotat, a czwarta jednostka onimiczna jest nazwą intertekstualną nieznacznie zmienioną. Zmiana ta jednak wystarczy, aby pojawiła się niespójność typu poprawne-błędne (w oryginale niespójności tej towarzyszy również znajdujące się w nazwie słowo *crap* – ang. bzdury, ale również wulgarne wyrażenie oznaczające wypróżnić się).

15 Martyna K. Gibka, Mariusz Rutkowski, „Funkcja humorystyczna nazw osobowych w oryginale i przekładzie „Feet of Clay” Terry’ego Pratchetta”, w: *Funkcje nazw własnych w kulturze i komunikacji*, red. I. Sarnowska-Gieffing, M. Balowski, M. Graf, 169–182 (Poznań: Uniwersytet im. Adama Mickiewicza w Poznaniu. Wydział Filologii Polskiej i Klasycznej, 2015).

16 Więcej na temat humoru nazw własnych i typów niespójności jakie się w nich pojawiają zob. Mariusz Rutkowski, „Humor w nazwach własnych”, w: *Munuscula Linguistica. In honorem Alexandra Cieślíkowa oblata*, red. Kazimierz Rymut (Kraków: Wydawnictwo Instytutu Języka Polskiego Polskiej Akademii Nauk, 2006); Martyna K. Gibka, „Hooch, Filch, i Puszek, czyli jak polskie tłumaczenie Harry’ego Pottera wpływa na funkcję humorystyczną nazw własnych postaci”, w: *Emocje w językach i kulturach świata*, red. Ewa Komorowska, Agnieszka Szlachta (Szczecin: Volumina.pl Daniel Krzanowski, 2016); oraz Gibka, Rutkowski, „Funkcja humorystyczna nazw osobowych.

1.2 Funkcje chwilowe

Funkcje chwilowe są pełnione przez nazwy własne bohaterów w oryginale analizowanego dzieła w relacjach do mówiącego, onimu, denotatu i odbiorcy.

1.2.1 Funkcje nazw własnych postaci w *Guards! Guards!* i *Straż! Straż!* w relacji do mówiącego

W tej relacji nazwy własne zarówno w oryginale, jak i polskim przekładzie powieści pełnią dwie role: konatywną i ujawniającą. Pierwsza z nich w obu wersjach utworu jest pełniona przed dokładnie jeden onim: *Marchewa* (oryg. *Carrot*). Imię to użyte przez kapitana Vimesa wywołuje u niego wątpliwości co do istnienia takiej nazwy własnej¹⁷ i jest to dokładnie taka sama reakcja jak w oryginale powieści¹⁸.

Natomiast funkcja ujawniająca (która zachodzi, gdy użyty onim ujawnia informacje o mówiącym) w oryginale pełniona przez dwie jednostki onimiczne denotujące bohaterów (*Detector Sergeant Colon* i *Rex Vivat*), w przekładzie jest pełniona przez tylko jeden onim – *Rex Vivat*. Denominacja ta ujawnia informację o mówiącym dokładnie w ten sam sposób, co w oryginale. Na pytanie kapitana Vimesa o imię nowego króla, którego Sham Harga chciałby ugościć w swojej restauracji, właściciel odpowiada: „Oczywiście, że wiem. Widziałem na dekoracjach i wszędzie. Nazywa się *Rex Vivat*”¹⁹ zdradzając tym samym, jak mało wie o władcy, którego wita z wielką radością oraz jak słabo zna język łaciński.

1.2.2 Funkcje nazw własnych postaci w *Guards! Guards!* i *Straż! Straż!* w relacji do siebie samych

W tej relacji jeden onim w oryginale pełni rolę poetycką, ponieważ zbudowany w oparciu o powiedzenie często używane przez handlarza po raz pierwszy pojawia się w jego bezpośrednim sąsiedztwie: „And you’re cutting your own *throat*, *Throat?*”²⁰. Funkcja poetycka imienia *Throat* jest zatem bardzo wyraźna, gdyż w tym kontekście zostaje podkreślona nietypowa etymologia onimu. W polskim przekładzie to użycie przedmiotowej jednostki onimicznej nie zanika, lecz składnia języka polskiego sprawia, że jednakowo brzmiący apelatyw i onim nie znajdują się bezpośrednio obok siebie, a więc i rola poetycka imienia *Gardło* jest mniej wyraźna niż nazwy *Throat*: „I *gardło* sobie przy tym podrzynasz, co, *Gardło?*”²¹.

17 Pratchett, *Straż!*, 52.

18 Terry Pratchett, *Guards! Guards!* (London: Corgi Books, 1990), 72.

19 Pratchett, *Straż!*, 190.

20 Pratchett, *Guards!*, 152.

21 Pratchett, *Straż!*, 108.

1.2.3 Funkcje nazw własnych postaci w *Guards! Guards!* i *Straż! Straż!* w relacji do denotatu

W tej relacji zarówno w oryginale jak i przekładzie trzy nazwy własne bohaterów pełnią rolę konatywną. Użycie imienia *Lupin Zygzak, Sekr., w/z* wywołuje u jego denotatu zdziwienie²², a onim *Fryderyk* wypowiedziane przez Kaprala Nobbsa sprawia, że nazwany przez imię sierżant mówi: „Dla ciebie: sierżancie Colon, Nobby”²³. Wreszcie gdy kapitan Vimes zwraca się do Sybil Ramkin mówiąc *lady Ramkin*, ta mówi, aby zwracał się do niej po imieniu²⁴. Wszystkie te reakcje są tożsame do reakcji wywołanych przez analogiczne *nomina propria* w oryginale.

1.2.4 Funkcje nazw własnych postaci w *Guards! Guards!* i *Straż! Straż!* w relacji do odbiorcy

Podobnie do oryginału powieści sześć jednostek onimicznych denotujących postaci w *Straż! Straż!* pełni rolę konatywną. Gdy *Samuel Vimes* przedstawia się Brendzie Rodley, ta reaguje mówiąc: „Mój ojciec też był Sam (...) Zawsze możesz zaufać Samowi, mawiał”²⁵. Następnie onim *Lupin Zygzak, Sekr., w/z* pełni funkcję konatywną wywołując u odbiorcy zdziwienie:

- Myślę, że powinienem znaleźć pana *Lupina Zygzaka, Sekr. w/z* – odparł Marchewa.
- A co to znaczy „w/z”? – zapytał podejrzliwie strażnik.
- Może „Wskazany Zapał”? – Marchewa sam się nad tym zastanawiał²⁶.

Kolejne dwie jednostki onimiczne: *Marchewa* i *młodszy funkcjonariusz Marchewa* wywołują odpowiednio zdziwienie i niepewność czy nazwa została właściwie zapamiętana²⁷ oraz chęć odkrycia tożsamości osoby, którą onim nazywa²⁸. Natomiast *lord Mountjoy Wesoluski Szponosztých III z Ankh* sprawia, że Vimes myśli, że denotat nazwy jest człowiekiem, gdy w rzeczywistości jest on smokiem bagiennym²⁹. Wreszcie jedno z użyc imienia *Errol*, które należy do brata kaprala Nobbsa, sprawia, że obecni przy tym strażnicy nazywają swojego nowego zwierzaka tą nazwą³⁰. Wszystkie powyższe reakcje pozostały niezmienione względem oryginału powieści.

22 Ibidem, s. 281.

23 Ibidem, s. 171.

24 Ibidem, s. 175.

25 Ibidem, s. 294.

26 Ibidem, s. 35.

27 Ibidem, s. 48.

28 Ibidem, s. 284.

29 Ibidem, s. 89–90.

30 Ibidem, s. 138.

2. Funkcje utracone

2.1 Funkcje stałe

2.1.1 Funkcje nazw własnych postaci jedynie w *Guards! Guards!* w relacji do denotatu

W tej relacji utracone zostają dwie nazwy własne pełniące rolę semantyczną oraz jedna denominacja pełniąca funkcję socjologiczną w oryginale. *Mr Secretary* i *the Librarian* opisujące pracę swoich denotatów w tłumaczeniu zostają zapelatywizowane i pojawiają się jako *pan sekretarz* oraz *bibliotekarz*. Natomiast jedna z nazw użyta do określenia Brendy Rodley – *Lady Rodley* – zostaje pominięta w tłumaczeniu.

2.1.2 Funkcje nazw własnych postaci jedynie w *Guards! Guards!* w relacji do czytelnika

W relacji do czytelnika utracona zostaje jedna jednostka onimiczna pełniąca rolę kamuflażową oraz pięć pełniących funkcję humorystyczną w oryginale badanego utworu. Onim *the Librarian* nie pełni już roli kamuflażowej, ponieważ traci swój status nazwy własnej stając się w przekładzie *bibliotekarzem*. Natomiast funkcji humorystycznej w polskim tłumaczeniu nie pełnią już onimy: *sierżant Colon*, *pani Colon*, *pani Garlick* i *Jimkin Bearhugger* oraz wyrażenie *detektor sierżant*. Pierwsze cztery tracą swoją rolę, ponieważ niespójność nazwa własna-nazwa pospolita, jaka się w nich pojawia, jest ograniczona jedynie do języka oryginału powieści. A wyrażenie *detektor sierżant* (org. *Detector Sergeant Colon*) przestaje w przekładzie być jednostką onimiczną, a zatem nie może już pełnić żadnych funkcji onimicznych.

2.2 Funkcje chwilowe

2.2.1 Funkcje nazw własnych postaci jedynie w *Guards! Guards!* w relacji do mówiącego

Jak zaznaczono wcześniej, imię *Detector Sergeant Colon*, które w oryginale analizowanej powieści zdradza wysoki stan upojenia alkoholowego kaprała Nobbsa, w polskim przekładzie traci tę funkcję ponieważ zostaje zapelatywizowane do formy *detektor sierżant*.

3. Funkcje naddane

3.1 Funkcje stałe

3.1.1 Funkcje nazw własnych postaci jedynie w *Straż! Straż!* w relacji do denotatu

W polskim tłumaczeniu znajdują się dwa imiona, które w przeciwieństwie do oryginału pełnią rolę socjologiczną. Pierwsze z nich to *Błaszka Skalokruszkówna* (org. *Minty Rocksmacker*), której nazwisko informuje o jej panieństwie. Następnie jeden ze smoków bagiennych przedstawionych w oryginale – *Moonpenny Duchess Marchpaine* – w polskim tłumaczeniu staje się dwoma smokami – *Księżycowy Miedziak* i *księżna Marchpaine*. Zatem zamiast jednego *nomen proprium* pełniącego funkcję socjologiczną poprzez wyrażenie pozycji społecznej (z subiektywnego punktu widzenia Lady Ramkin), pojawiają się dwa onimy pełniące tę funkcję.

Uwagi końcowe

Analiza porównawcza funkcji nazw własnych postaci w powieści *Guards! Guards!* oraz jej polskim przekładzie *Straż! Straż!* wykazała, że pomiędzy tymi utworami pojawiają się pewne rozbieżności. Po pierwsze już zbiory onimów tworzących analizowane grupy są od siebie różne. Jedna z postaci, która w oryginale utworu posiada nazwę, nie otrzymuje żadnej nazwy w tłumaczeniu. W przekładzie pojawia się również jedna nowa postać zidentyfikowana i odróżniona od innych za pomocą jednostki onimicznej. Ponadto zanika pięć nazw własnych postaci, które w oryginale posiadają więcej niż jeden onim oraz pojawiają się trzy nowe *nomina propria*. Jest to jedna z przyczyn wystąpienia między badanymi powieściami rozbieżności w funkcjach onimów denotujących bohaterów. Nie jest to jednak jedyne źródło tych różnic. Pozostałe wynikają z działań tłumacza. Niemniej jednak istotne jest, iż żadna z funkcji stałych czy chwilowych pełnionych w oryginale nie zanika w przekładzie, nie pojawia się również żadna nowa rola. Różnice ograniczają się do liczby jednostek onimicznych pełniących poszczególne funkcje. Zdecydowana większość zbadanych denominacji bohaterów zachowuje swoje role, jednak kilka z nich je traci. Przyczynami tych strat są zmiana onimów na apelatywy ('pan sekretarz' i 'bibliotekarz') oraz brak tłumaczenia nazwisk utworzonych z angielskich wyrazów pospolitych (*sierżant Colon, pani Colon, pani Garlick* oraz *Jimkin Bearhugger*). Natomiast funkcje dodane wynikają ze zmiany nazwiska przez wzbogacenie go o sufiks informujący o stanie cywilnym denotatu (*Błaszka Skalokruszkówna*) oraz z dodania nowej nazwanej postaci (*księżna Marchpaine*).

Poza udzieleniem odpowiedzi na pytania zawarte we wstępie artykułu, powyższa analiza zaowocowała jeszcze jednym wnioskiem. Mianowicie teoria dwóch aktów³¹ okazała się niekompletna. Analiza funkcji pełnionych w oryginale i przekładzie pierwszej części cyklu o Straży Miejskiej ujawniła, iż chwilowa funkcja konatywna może być pełniona również w relacji do mówiącego (wcześniej została zidentyfikowana jedynie w relacjach do konsytuacji użycia nazwy, denotatu, odbiorcy, publiczności oraz czytelnika).

Wreszcie, powyższa praca może być użyta do analizy zarówno oryginałów jak i polskich przekładów pozostałych części cyklu o Straży.

Bibliografia:

- Furniss, Tom, Michael Bath. "Roman Jakobson: The Poetic Function". W: *Reading poetry: an introduction*, red. Tom Furniss, Michael Bath, 86–89. London: Prentice Hall, 1996.
- Gibka, Martyna K. „The Functions of Proper Names in the Literary Work of Art”. *Symbolae Europaeae* 8 (2015): 79–90.
- Gibka, Martyna K. „Hooch, Filch, i Puszek, czyli jak polskie tłumaczenie »Harry’ego Pottera« wpływa na funkcję humorystyczną nazw własnych postaci”. W: *Emocje w językach i kulturach świata*, red Ewa Komorowska, Agnieszka Szlachta, 93–104. Szczecin: Volu-mina.pl Daniel Krzanowski, 2016.
- Gibka, Martyna K. *The functions of characters’ proper names in a novel. A theoretical approach and its application*. Kindle Edition, 2017.
- Gibka, Martyna K. Mariusz Rutkowski. „Funkcja humorystyczna nazw osobowych w oryginale i przekładzie „Feet of Clay” Terry’ego Pratchetta”. W: *Funkcje nazw własnych w kulturze i komunikacji*, red. Irena Sarnowska-Giefing, Mieczysław Balowski, Magdalena Graf, 169–182. Poznań: Uniwersytet im. Adama Mickiewicza w Poznaniu. Wydział Filologii Polskiej i Klasycznej, 2015.
- Kęsikowa, Urszula. „Funkcja dydaktyczna nazewnictwa w powieściach dla młodzieży”. W: *Onomastyka w dydaktyce szkolnej i społecznej. Materiały z VI Konferencji Onomastycznej*, red. Edward Homa, 81–86. Szczecin: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Szczecińskiego, 1988.
- Kuffner-Obrzut, Katarzyna. „Nazwy osobowe w wybranych utworach Małgorzaty Musierowicz”. W: *Metodologia badań onomastycznych*, red. Maria Biolik, 485–498. Olsztyn: Towarzystwo Naukowe: Ośrodek Badań Naukowych im. Wojciecha Kętrzyńskiego, 2003.
- Lemann, Natalia K. „»Świat Dysku« Terry’ego Pratchetta jako kontrdyskurs rzeczywistości”. W: *Zrozumieć humor*, red. Alina M. Kwiatkowska, Sylwia Dżereń-Głowacka, 271–280. Piotrków Trybunalski: Naukowe Wydawnictwo Piotrkowskie, 2009.
- Pratchett, Terry. *Guards! Guards!*. London: Corgi Books, 1990.
- Pratchett, Terry. *Straż! Straż!*. Warszawa: Prószyński i S-ka, 2005.

31 Przedstawiona w Gibka, *Functions*.

- Rutkowski, Mariusz. *Mikrotoponimia przestrzeni wspinaczkowej. Studium socjoonomastyczne*. Olsztyn: Wydaw. Uniwersytetu Warmińsko-Mazurskiego, 2001.
- Rutkowski, Mariusz. „Humor w nazwach własnych”. W: *Munuscula Linguistica. In honorem Alexandrae Cieślakowa oblata*, red. Kazimierz Rymut, 397–409. Kraków: Wydawnictwo Instytutu Języka Polskiego Polskiej Akademii Nauk, 2006.
- Wilkoń, Aleksander. *Nazewnictwo w utworach Stefana Żeromskiego*. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1970.

A COMPARATIVE ANALYSIS OF FUNCTIONS SERVED BY CHARACTERS' PROPER NAMES IN TERRY PRATCHETT'S *GUARDS! GUARDS!* AND ITS POLISH TRANSLATION

Abstract

The main aim of this article is to compare the permanent and momentary functions served by characters' proper names in Terry Pratchett's *Guards! Guards!* and in its Polish translation. The study is based on the theory of Two Acts; thus the naming act and the act of using a character's proper name in the novel are created. Both the names that lost their functions and those which acquired new functions are indicated and the activities of the translator that led to these changes are identified. The most important findings include: the two sets of characters' proper names (in the original and the translation) being different, a few names acquiring in the translation functions they do not serve in the original, and a few more nomina propria losing their functions in the translation. However, it is important that no role (permanent or momentary) is lost completely.

Keywords: linguistics, onomastics, literary onomastics, functions of proper names, Terry Pratchett

Abstrakt

Głównym celem artykułu jest analiza porównawcza stałych i chwilowych funkcji pełnionych przez nazwy własne postaci w powieści *Guards! Guards!* Terry'ego Pratchetta i w jej polskim przekładzie. Studium zostało oparte na teorii dwóch aktów, a więc stworzony został akt nazewniczy i akt użycia nazwy własnej w powieści. Wskazane zostały zarówno onimy, które straciły w tłumaczeniu funkcje pełnione w oryginale, jak i te, które w przekładzie zyskały nowe funkcje. Ponadto zidentyfikowano czynności tłumacza, które były przyczyną tych zmian. Wśród najważniejszych wniosków można wymienić: rozbieżność zbiorów nazw własnych postaci oryginału i tłumaczenia; fakt zyskania przez kilka onimów funkcji niepeł-

nionych przez nie w oryginale oraz utratę swoich ról przez większą liczbę jednostek onimicznych. Niemniej jednak warty podkreślenia jest brak całkowitego zaniku jakiegokolwiek funkcji pojawiającej się w oryginale.

Słowa kluczowe: językoznawstwo, onomastyka, onomastyka literacka, funkcje nazw własnych, Terry Pratchett

JĘZYKOZNAWSTWO

НАТАЛЬЯ ИВАНОВА / NATALIA IVANOVA*

Московский государственный областной университет, Москва, Россия

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ СОДЕРЖАНИЯ КОНЦЕПТОВ “DANCE” И «ТАНЕЦ» В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

В лингвистический обиход прочно вошли такие понятия как «языковая картина мира», «языковое видение мира» и т.д. Любой естественный язык отражает определенный способ концептуализации мира, т.е. способ его восприятия и организации. Поэтому все существующие в нем значения складываются в определенную единую систему взглядов, некую коллективную философию, отражающую менталитет носителей данного языка. Существенной представляется идея о том, что «свойственный языку способ концептуализации действительности (взгляд на мир) отчасти универсален, отчасти национально специфичен, так что носители разных языков могут видеть мир немного по-разному, через призму своих языков»¹.

На современном этапе развития лингвистики изучение концептов является крайне важным для процессов представления знаний об окружающем нас мире и процессов категоризации.

Являясь разноуровневым явлением, концепт одновременно используется в различных сферах – в интуитивной и логической, в индивидуальной и социальной, в бессознательной и сознательной. Все это и объясняет не только произвольность, но и субъективизм при построении рядов концептов. Принадлежащие разным рядам концепты могут содержать в себе разный объем информации.

* Наталья Иванова, кандидат филологических наук, преподаватель Лингвистического факультета Московского государственного областного университета; e-mail: ivanata22@yandex.ru

1 Юрий Апресян, „Образ человека по данным языка: попытка системного описания”, *Вопросы языкознания* 1 (1995): 37–66.

Изучение и осмысление концептов как когнитивных категорий многоаспектны. Неподдельный интерес для исследователей представляют поиски способов выявления их реализации в языке. Методы и процедуры изучения концептов на современном этапе остаются в значительной степени индивидуально-авторскими, а иногда и интуитивными. Исследования в области содержания концептов могут проводиться как на материале одного языка, и в синхронии, и в диахронии (например, при толковании текстов, анализе литературно-художественных произведений или лексикографических источников), так и на материале различных языков (например, при их сравнительном и сопоставительном изучении, при создании двуязычных словарей, при переводах и интерпретациях иноязычных текстов).

Однако нельзя не согласиться, что исследование содержания концептов было бы не совсем полным, если бы в качестве основы рассматривались только приемы и способы вербализации той или иной лингвокультуры в словарях или художественных текстах. Поиск новых способов исследования содержания того или иного концепта привел к появлению различных экспериментальных методов², важное место среди которых занимают психолингвистические методы анализа речевой коммуникации³.

В основе психолингвистических методов широкое распространение получили ассоциативные эксперименты, позволяющие вычлнить значимые эмоциональные и оценочные элементы того или иного концепта. Экспериментальные методики включают свободный ассоциативный эксперимент, эксперимент на основе метода субъективных дефиниций и эксперимент с использованием метода шкалирования⁴.

Одним из наиболее часто применяемых в настоящее время в психологии и психолингвистике способов исследования концептов является метод субъективного шкалирования. В основе данного метода лежит сбор определенных субъективных оценок, которые согласно Большому психологическому словарю позволяют применять количественные показатели «...для оценки отношения к определенным объектам, в качестве которых могут выступать физические или социальные процессы. Для осуществления процесса субъективного шка-

2 Robert J. Podesva, Devyani Sharma, eds., *Research Methods in Linguistics* (Cambridge: Cambridge University Press, 2013); David Eddington, ed., *Quantitative and Experimental Linguistics* (Muenchen: Lincom Europa, 2009).

3 Eva M. Fernández, Helen Smith Cairns, *Fundamentals of Psycholinguistics* (Malden, MA: Wiley-Blackwell, 2010); Robert S. Woodworth, Harold Schlosberg, *Experimental Psychology* (New York: Holt, Rinehart and Winston Inc., 1972).

4 James Deese, *The Structure of Associations in Language and Thought* (Baltimore, MD: The Johns Hopkins Press, 1965); Phebe Cramer, *Word Association* (New York: Academic Press, 1968); James J. Jenkins, David S. Palermo, *Word Association Norms* (Minneapolis: University of Minnesota Press, 1964).

лирования существует ряд методик, характеризующихся определенными правилами, по которым числа приписываются тем или иным качествам объектов»⁵.

Метод субъективного шкалирования предполагает применение градуальной шкалы. Построенное пространство является не только компактной формой описания и дифференциации анализируемой лексики, но и обладает, по замечанию В.Ф. Петренко, «...статусом модельного представления вербальной семантической памяти, позволяющего предсказать некоторые закономерности ее функционирования»⁶.

Метод субъективных дефиниций позволяет выявить реальное содержание значения того или иного понятия. Экспериментальное исследование знания (понимания) значения языковой единицы носителями языка позволяет понять, насколько точно оно коррелируется с дефиницией того или иного слова, зафиксированной в словарях.

Таким образом, использование вышеописанного метода позволяет провести психолингвистический анализ семантических полей слов, формируемых и функционирующих в сознании человека для того, чтобы более точно сформулировать содержание концептов “dance” и «танец» в английском и русском языках.

В данной работе все эксперименты проводились с использованием основных методов анализа значения слова и отдельных его компонентов в семной семиологии, предложенных и описанных И.А. Стерниным и соавторами⁷ в различных публикациях.

Для выявления содержания концепта «dance/танец» нами был составлен опросник для англоязычных и русскоязычных респондентов, который включал в себя следующие дополнительные пункты: пол респондента, его возраст, национальность, образование.

В ходе эксперимента опросы осуществлялись адресно, путем рассылки писем друзьям и знакомым с просьбой поучаствовать в опросе, и через социальные сети, путем репостов ссылки на опросник. Таким образом, было опрошено 135 русскоязычных и 35 англоязычных респондентов.

5 Борис Г. Мещерякова, Владимир П. Зинченко, ред., *Большой психологический словарь* (Москва: Просвещение, 2004).

6 Виктор Ф. Петренко, *Психосемантика сознания* (Москва: Изд-во МГУ, 1988).

7 См., например, Иосиф А. Стернин, Александра В. Рудакова, *Психолингвистическое значение слова и его описание. Теоретические проблемы* (Saarbrücken: LAP Lambert Academic Publishing, 2011); Иосиф А. Стернин, *Значение слова и его компоненты: методологическое пособие* (Москва–Берлин: Директ-Медиа, 2015); Иосиф А. Стернин, *Методы описания семантики слова* (Ярославль: Истоки, 2013); Иосиф А. Стернин, Марина Я. Розенфельд, *Слово и образ: Монография* (Москва–Берлин: Директ-Медиа, 2015); Иосиф А. Стернин, Марина С. Саломатина, *Семантический анализ слова в контексте* (Воронеж: Истоки, 2011).

Столь небольшое количество иностранных респондентов объясняется тем, что при опросах иностранцев мы столкнулись со значительными трудностями: они крайне неохотно соглашались на участие в опросе, несмотря на личное знакомство. Поэтому пришлось обращаться к каждому респонденту отдельно, объясняя, зачем это нужно и почему их участие столь важно для понимания культурных различий между нашими странами.

Все русскоговорящие и англоговорящие респонденты по гендерной принадлежности распределились следующим образом: 21% мужчин и 79% женщин среди русскоязычных респондентов и 42% мужчин и 58% женщин среди англоязычных респондентов.

В качестве возрастного критерия нами использовалась возрастная периодизация, принятая Академией педагогических наук СССР в 1965 г.⁸ Согласно опросам, возраст респондентов распределился следующим образом (см. Рисунок 1 и 2). Сразу стоит отметить, что основную массу опрошенных составили респонденты трех возрастных групп: от 17 до 21 года, от 22 до 35 лет и от 36 до 60 лет. Это вполне объяснимо тем фактом, что респонденты данных возрастных групп являются наиболее активными участниками общественной жизни, умеющими пользоваться компьютерами и социальными сетями.

Стоит отметить, что в ходе экспериментов не удалось выявить зависимости ответов от половой принадлежности респондентов, но были замечены незначительные расхождения в реакциях исходя из возрастной характеристики испытуемых.

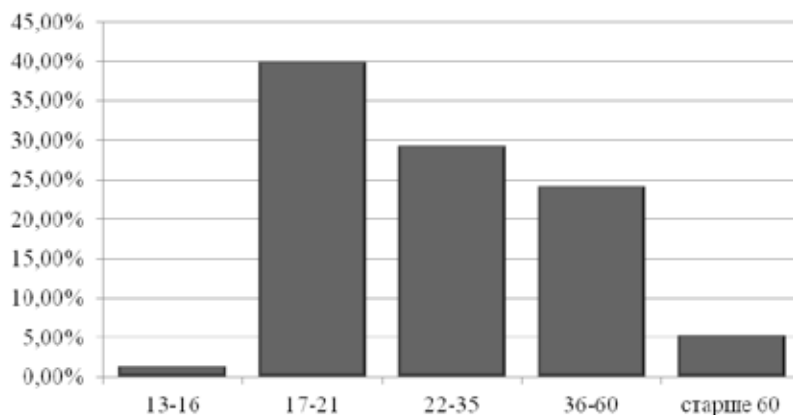

Рисунок 1 – Возрастная периодизация русскоязычных респондентов

8 *Малая медицинская энциклопедия* (Москва: Медицинская энциклопедия, 1991–1996), ресурс 15.06.2017, http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_medicine.

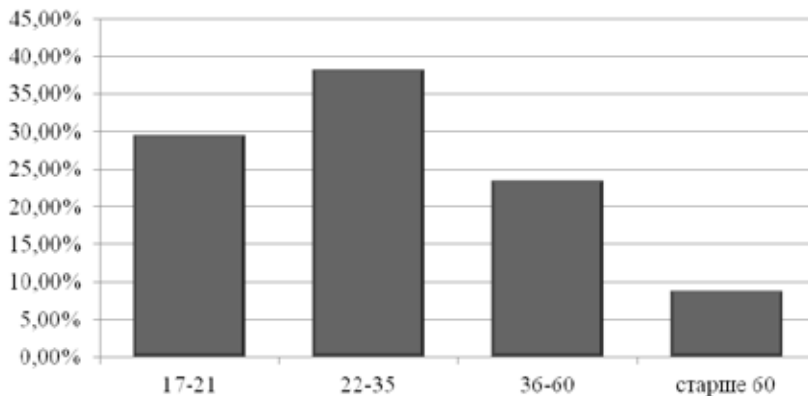

Рисунок 2 – Возрастная периодизация англоязычных респондентов

Все русскоязычные опрошенные имеют гражданство Российской Федерации и проживают в основном в Москве и Московской области, а среди англоязычных респондентов оказалось 10 англичан из Лондона, Стратфорда-на-Эйвоне, Кентербери и Оксфорда и 25 американцев из Бостона (штат Массачусетс), Далласа (штат Техас) и Сан Антонио (штат Техас).

Поскольку мы считали, что образование может сказаться на результатах эксперимента, то при составлении опросника данный фактор был учтен. Выяснилось, что все респонденты или имеют высшее образование, или получают его в высших учебных заведениях России, Великобритании и США.

В первом эксперименте с помощью метода субъективного шкалирования приняли участие 135 носителей русского и 35 носителей английского языка. Эксперимент проводился путем заполнения размещенного в социальных сетях опросника. Испытуемым предлагался один и тот же список из шести дефиниций. Их задача заключалась в выражении своего отношения к этим дефинициям с помощью количественных показателей. Респонденты должны были расставить определения концептов “dance” и «танец» из списка по принципу «от более важного к менее важному». При этом использовались показатели от 6 (самое важное) до 1 (наименее важное).

При анализе словарных дефиниций лексем “dance” и «танец» были отобраны шесть, наиболее часто встречающиеся во всех типах словарей, включая энциклопедические и словари сленгов (при изучении концепта «танец» в русском языковом сознании было проанализировано семнадцать толковых словарей и тринадцать энциклопедий, а при изучении концепта “dance” было проанализировано двадцать толковых словарей на английском языке и четыре энциклопедии). Среди них оказались следующие дефиниции, характерные как для русского, так и английского языков: 1) вид искусства, в котором художественный образ создается средствами пластических и ритмических движений

человеческого тела (an art form in which an artistic image is created by plastic and rhythmic movements of the human body); 2) вертикальное воплощение горизонтальных желаний (a vertical expression of horizontal desires); 3) музыкальный отрывок, подходящий для танца (a piece of music suited in rhythm to a particular form of dancing); 4) тур, фигура (танца) (an act of round of dancing); 5) определенный вид танца, например, вальс, танго и т.д. (a certain kind of dance, for example, waltz, tango, etc.); 6) ритмические однотипные движения некоторых видов птиц, насекомых, выполняющие информативную функцию (a body language of birds and insects that performs an informative function).

Во всех рассмотренных англо-английских словарях, концепт “dance” означает *ритмические движения под музыку*, а в русских толковых словарях концепт «танец» рассматривается как *искусство или вид искусства*, и только после этого как *ряд телодвижений, исполняемых в определенном темпе и ритме в такт музыке*.

Рисунок 3 – Шкалирование дефиниций концепта «танец» русскоязычными респондентами (135 опрошенных)

В ходе эксперимента данные факты, касающиеся русского концепта «танец», нашли широкое подтверждение (Рисунок 3). Так, при шкалировании дефиниций подавляющее большинство опрошенных русскоязычных респондентов (64%) на первое место поставили определение, в котором танец рассматривается прежде всего как *вид искусства*, что полностью соответствует результатам анализа словарных дефиниций толковых словарей. Приблизительно одинаковое количество голосов набрали такие словарные определения, как *подходящий для танца музыкальный отрывок* (13% опрошенных поставили данное определение на первое место) и *вид танца*, например *вальс, танго и т.д.* (10% опрошенных дали данному определению высший балл). Наименьший интерес респонденты проявили к таким дефинициям, как *тур, фигура танца*

(6%), *ритмические движения птиц и насекомых* (4%) и *вертикальное воплощение горизонтальных желаний* (3%).

Таким образом, необходимо отметить, что в ходе исследования с помощью метода субъективного шкалирования удалось выяснить следующее: в русском сознании концепт «танец» чаще всего ассоциируется с *видом искусства*, и это полностью совпадает с теми выводами, к которым мы пришли в результате анализа словарных определений русских толковых словарей.

Несколько по-иному выглядят данные, полученные от 35 носителей английского языка (Рисунок 4).

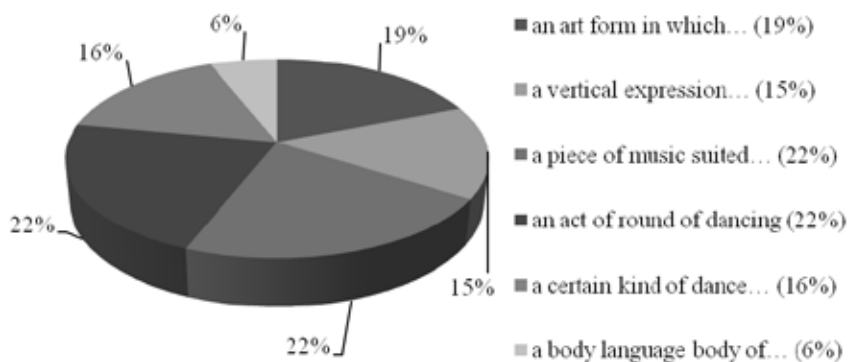

Рисунок 4 – Шкалирование дефиниций концепта “dance” англоязычными респондентами (35 опрошенных)

Анализ полученных ответов выявил достаточно интересные результаты. Так, три дефиниции, а именно *an act of round of dancing*, *a piece of music suited in rhythm to a particular form of dancing*, а также *an art form in which an artistic image is created by plastic and rhythmic movements of the human body* набрали 22%, 22% и 19% соответственно. И хотя определение, в котором танец трактуется как *вид искусства (an art form)*, стоит на третьем месте, мы можем видеть, что все три дефиниции достаточно близки друг к другу, в отличие от результатов опроса русских респондентов. Такие определения слова *dance*, как *a vertical expression of horizontal desires* и *a certain kind of dance, for example, waltz, tango, etc.*, были поставлены на первое место в 16% случаев, тогда как русскоязычные респонденты отдали определению *вертикальное воплощение горизонтальных желаний* всего 3% голосов. Данный факт достаточно примечателен тем, что в русском сознании концепт «танец», в отличие от концепта “dance”, практически не ассоциируется с сексуальностью. Мы считаем, что в силу большей эмоциональной скованности, присущей русскому народу, или длительному запрету проявления сексуальности в обществе в советский период, данная дефиниция не нашла похожего отражения в русском сознании.

Компонента, описывающая сексуальность в составе концепта «танец», хорошо прослеживается в словарях сленга, где слова «танец» и «танцевать» зачастую трактуются как *сексуальный акт*.

Таким образом, проведенный с помощью метода субъективного шкалирования анализ концептов “dance” и «танец» в английской и русской концептосферах показал достаточно хорошую коррелированность понятия «танец» с определениями, приводимыми в русских толковых словарях. Данные, полученные для английского концепта “dance”, несколько отличаются от результатов, полученных при анализе словарных статей английских толковых словарей. Пять дефиниций из шести получили практически одинаковые результаты от (22% до 15%), и это свидетельствует о том, что концепт “dance” в англоязычном сознании не обладает одной ярко выраженной характеристикой.

На втором этапе эксперимента методом субъективных дефиниций была сделана попытка выявить реальное содержание исследуемого понятия в сознании англоязычных и русскоязычных респондентов.

Испытуемым предлагалось продолжить фразу «Танец – это .../Dance is ...» на английском и русском языках для англоязычных и русскоязычных респондентов.

В результате анализа субъективных дефиниций получены достаточно ожидаемые компоненты значения английского слова “dance”. Из 35 опрошенных 25 респондентов выделили в составе слова “dance” такой компонент, как *движение (movement)*, чаще всего *ритмическое (rhythmic)* и *под музыку (to music)*. Семь респондентов определяют концепт “dance” как *язык тела (body language)*, позволяющий выражать чувства и эмоции. Оставшиеся три респондента интерпретируют данный концепт как *художественное выражение (artistic expression) эмоций*.

Данные компоненты позволяют сконструировать содержание концепта “dance” в языковом сознании англоязычных респондентов. Участники эксперимента дали определения, достаточно близкие к зарегистрированным в толковых словарях, т.е. *движения в определенном ритме или под музыку*.

Из 135 русскоязычных опрошенных 35 респондентов определили слово «танец» как *искусство*, что несколько расходится с результатами субъективного шкалирования, в результате которого большинство опрошенных русских респондентов (64%) поставили слово «танец» в качестве *искусства* на первое место. Среди опрошенных 31 человек основным компонентом концепта «танец» считает *выражение чувств, эмоций и внутренних переживаний посредством движения под музыку*. Большинство русских респондентов (61 человек) видят в основе танца *движение*, чаще всего *ритмичное, под музыку*. При этом только один из 61 опрошенного рассматривает танец как *синхронное движение партнеров под музыку*. Несколько респондентов (6 человек) определили танец как

язык и песню тела, и один респондент определил танец как *прелюдию любви*, придав данному понятию некоторый сексуальный оттенок.

Данные компоненты выявляют содержание концепта «танец» в языковом сознании русскоязычных респондентов. Участники эксперимента поставили на первое место определение, в котором танец рассматривается как *ритмичное движение под музыку*, хотя при анализе русских толковых словарей нами было обнаружено, что чаще всего данное понятие определяется в них как *вид искусства*. Таким образом, налицо некоторое противоречие. Вторым по значимости является определение, в котором танец рассматривается как *вид искусства*, что свидетельствует о смещении значимости данного понятия в сознании русскоязычных испытуемых.

Следует отметить, что экспериментальное исследование значения концепта «танец» с помощью метода субъективных дефиниций позволяет понять, насколько точно оно коррелируется с дефиницией того или иного слова, зафиксированной в словарях.

Исходя из полученных данных, можно сделать вывод, что концепты “dance” и «танец», имея очевидное сходство, не являются тождественными. Различия между отдельными значениями этих лексем не дают оснований для их отождествления. Следовательно, концепты «танец» и “dance” являются самостоятельными, отдельными концептами в сравниваемых языковых картинах мира.

Экспериментальное исследование понимания значения концепта «dance/танец» с помощью метода субъективных дефиниций позволяет понять, что в русском сознании концепт «танец» чаще всего ассоциируется с видом искусства (64%), что полностью совпадает с теми выводами, к которым мы пришли в результате анализа словарных определений русских лексикографических источников. Полученные для английского концепта «dance» данные несколько отличаются от результатов, полученных в ходе анализа словарных статей английских толковых словарей. Установлено, что концепт «dance» в англоязычном сознании не обладает одной, ярко выраженной характеристикой, а имеет многомерную структуру.

Результаты анализа субъективных дефиниций выявляют следующие компоненты значения слова «танец/dance»: большинство англо и русскоязычных респондентов выделяют в составе слова «танец/dance» такой компонент, как движение (movement) чаще всего ритмическое (rhythmic) и под музыку (to music). Часть русскоязычных респондентов определяют слово «танец», как искусство, в то время, как англоязычные респонденты такой дефиниции не выделяют. Выражение чувств, эмоций и внутренних переживаний посредством движения под музыку является одним из главных определений для русского сознания, а видение танца как языка тела характерно для сознания англичан и американцев.

Таким образом, психолингвистические методы исследования содержания концептов позволяют существенно дополнить семантическое описание лексических единиц.

Библиография

- Апресян, Юрий. “Образ человека по данным языка: попытка системного описания”. *Вопросы языкознания* 1 (1995): 37–66.
- Мещерякова, Борис, Владимир Зинченко, ред. *Большой психологический словарь*. Москва: Просвещение, 2004.
- Малая медицинская энциклопедия*. Доступ http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_medicine.
- Петренко, Виктор. *Психосемантика сознания*. Москва: Изд-во МГУ, 1988.
- Стернин, Иосиф, Александра Рудакова. *Психолингвистическое значение слова и его описание. Теоретические проблемы*. Saarbrücken: LAP Lambert Academic Publishing, 2011.
- Стернин, Иосиф. *Значение слова и его компоненты: методологическое пособие*. Москва–Берлин: Директ-Медиа, 2015.
- Стернин, Иосиф. *Методы описания семантики слова*. Ярославль: Истоки, 2013.
- Стернин, Иосиф, Марина Розенфельд. *Слово и образ: Монография*. Москва–Берлин: Директ-Медиа, 2015.
- Стернин, Иосиф, Марина Саломатина. *Семантический анализ слова в контексте*. Воронеж: Истоки, 2011.
- Cramer, Phebe. *Word Association*. New York: Academic Press, 1968.
- Deese, James. *The Structure of Associations in Language and Thought*. Baltimore, MD: The Johns Hopkins Press, 1965.
- Eddington, David, ed. *Quantitative and Experimental Linguistics*. Muenchen: Lincom Europa, 2009.
- Fernández, Eva, Helen Smith Cairns. *Fundamentals of Psycholinguistics*. Malden, MA: Wiley-Blackwell, 2010.
- Jenkins, James, David Palermo. *Word Association Norms*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1964.
- Podesva, Robert, Devyani Sharma, eds. *Research Methods in Linguistics*. Cambridge: Cambridge University Press, 2013.
- Woodworth, Robert, Harold Schlosberg. *Experimental Psychology*. New York: Holt, Rinehart and Winston Inc., 1972.

EXPERIMENTAL STUDY OF THE CONTENT OF THE CONCEPT “DANCE”
AND “ТАНЕЦ” IN RUSSIAN AND ENGLISH

Abstract

We report an analysis of the content of the concept “dance” in Russian and English, based on the results of an experimental study carried out using the method of subjective definitions and the scaling method. The real meaning of the concept of “dance” in the consciousness of English and Russian native speakers is revealed, which makes it possible to understand how accurately it correlates with the definition of the word “dance” in explanatory dictionaries. It is shown that psycholinguistic methods allow the semantic description of lexical units to be significantly supplemented. The methods used in the paper make it possible to identify the core and the near periphery of the concept “dance”, as well as uncommon characteristics in English and Russian.

Keywords: concept, experiment, method of subjective definitions, scaling method, psycholinguistic methods

BADANIA EKSPERYMENTALNE KONCEPTU „DANCE” I „ТАНЕЦ”
W JĘZYKU ANGIELSKIM I ROSYJSKIM

Abstrakt

W niniejszym artykule autorka próbuje ujawnić treść konceptu „dance” i „танец” na podstawie wyników badań eksperymentalnych przeprowadzonych metodą subiektywnych definicji oraz metodą skalowania. Zidentyfikowane zostało rzeczywiste znaczenie pojęcia „dance/танец” przez native speakerów języka angielskiego i rosyjskiego, co pozwala zrozumieć, jak dokładnie jest ono skorelowane z definicją słowa „dance/танец”, zaproponowanej w słownikach. Wykazano, że metody psycholingwistyczne pozwalają na znaczące uzupełnienie semantycznego opisu jednostek leksykalnych. Metody zastosowane w pracy pozwoliły zidentyfikować rdzeń i bliskie peryferie pojęć „dance” i „танец”, a także ich nietypowe cechy w języku angielskim i rosyjskim.

Słowa kluczowe: koncept, eksperyment, metoda subiektywnych definicji, metoda skalowania, metody psycholingwistyczne

JĘZYKOZNAWSTWO

SYLWESTER JAWORSKI*
Wydział Filologiczny
Uniwersytetu Szczecińskiego

ACOUSTIC ANALYSIS OF THREE MARKED TRILLS: WELSH R^h, SLAVIC R^j AND CZECH R

Introduction¹

Trills are relatively common sounds in the world's languages. According to the UCLA Phonological Segment Inventory Database (UPSID) that lists the phonemic inventories of 451 languages, the plain dental/alveolar trill /r/ can be regarded as a prototype as it is found in 155 of them. Trills that have secondary articulatory features are much less frequent. For instance, the UPSID database does not list any languages that have a spirantised trill in their inventory, nor does it offer any information regarding fricated trills. With respect to the palatalised trill /r^j/, the database includes only five languages that have the sound (Bulgarian, Lithuanian, Nenets, Saami and Russian).

A trilled sound is produced when the active articulator, either the apex or the uvula, is set in vibration by the airstream in the oral cavity. It follows that, rather than being controlled by muscular action, the vibration results from the aerodynamic conditions created by the airstream passing through the aperture between the active and passive organ². As trilling crucially depends on the size and shape of the aperture, as well as on the volume of airflow, minimal changes to one of the factors can result in a non-

* Sylwester Jaworski – językoznawca, adiunkt w Instytucie Anglistyki Uniwersytetu Szczecińskiego. Tytuł doktora nauk humanistycznych uzyskał w 2008 roku w Instytucie Filologii Angielskiej Uniwersytetu im. A. Mickiewicza w Poznaniu. Prowadzi zajęcia z fonetyki i fonologii oraz morfologii. Jego zainteresowania badawcze koncentrują się na procesach mowy szybkiej oraz zmianie językowej. Autor kilkunastu publikacji z zakresu fonetyki i fonologii.

1 I would like to thank two anonymous reviewers for their comments on an earlier draft of the paper.
2 Peter Ladefoged, Ian Maddieson, *The Sounds of the World's Languages*, 217 (Oxford: Blackwell Publishers); Maria-Josep Solé, "Aerodynamic characteristics of trills and phonological patterning", *Journal of Phonetics* 30 (2002): 655–688.

trilled realisation. It is for this reason that trills are highly prone to phonetic change as the utmost degree of articulatory precision can hardly be achieved in connected speech. Following this line of reasoning, trills with secondary features should exhibit a greater susceptibility to phonetic change due to involving an additional gesture that further enhances the inherent complexity of trills.

This paper reports the results of an acoustic study aimed at providing a comprehensive description of the phonetic properties of three cross-linguistically rare trills: (i) Welsh spirantised /r^h/, (ii) Russian and Ukrainian palatalised /rⁱ/ and (iii) Czech fricated /r^β/. Since the rhotics have a secondary articulatory feature, they are said to be marked and as such they should exhibit a considerable amount of variation in speech. Therefore, a secondary objective of the investigation is to ascertain the extent to which the trills undergo phonetic reduction in prosodically strong, word-initial position.

The article is structured as follows. Section 2 is meant to familiarise the reader with the difficulties involved in producing a trilled sound. Section 3 presents a detailed account of the acoustic characteristics of /r^h/, /rⁱ/ and /r^β/. Section 4 introduces the data collection method of the current study, which includes a phonetic experiment involving 35 native speakers of the above-mentioned languages, and presents the results of the investigation. Finally, several concluding remarks are formulated in Section 5.

1. The articulation of a trill

As noted above, the production of a trill constitutes an articulatory difficulty as it involves creating the appropriate aerodynamic conditions within the oral cavity. It implies that the physical properties of the aperture as well as the volume of airflow must fall within specified narrow limits if trilling is to be maintained. This assumption was fully confirmed by the results of an experiment conducted by Solé 2002 which indicate that a pressure drop across the lingual constriction within the range of 2.5–3.5 cm H₂O is sufficient to impair trilling (see Figure 1)⁴. It has also been established that excessive airflow results in fricativisation irrespective of the place of articulation of a trill⁵. This finding may account for the sound's susceptibility to phonetic change as evidenced by synchronic and diachronic alterations of the phoneme /r/

3 In Slavic linguistics, the fricated trill is represented by the symbol [r̥], which also happens to be a letter of the Czech alphabet. However, throughout this work, the IPA symbol [r̥] is consistently used to stand for this sound.

4 Maria-Josep Solé, "Aerodynamic characteristics of trills and phonological patterning", *Journal of Phonetics* 30 (2002): 672.

5 See also Ryan Shosted, "An aerodynamic explanation for the uvularization of trills", in: *Proceedings of the 8th International Seminar on Speech Production 2008*, eds. Rudolph Sock, Susanne Fuchs, Yves Laprie, 421–424 (Strasbourg, INRIA, 2008).

to [ɹ] or [ɹ̥] that have been attested in many languages that have a trill in their sound inventory⁶.

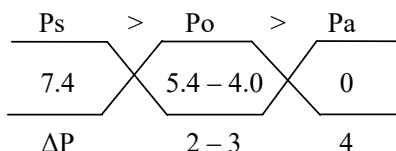

Figure 1. Values of subglottal pressure (Ps), oropharyngeal pressure (Po) and atmospheric pressure (Pa), expressed in cm H₂O, across the lingual constriction required for trilling and voicing. The ΔP parameter indicates the minimal pressure difference at the glottal and lingual constrictions⁷

The articulation of a plain trill proves difficult, yet the difficulty seems to be doubled or even tripled when a trill with a secondary feature needs to be produced. Secondary features can be thought of as additional gestures that either change the internal configuration of the speech apparatus and/or affect the amount of airflow. The former scenario takes place in the articulation of the palatalised trill, while the latter occurs when spirantised and fricated trills are pronounced. The following sections provide basic information regarding the articulatory and acoustic properties of three unusual trills with secondary features.

1.1. The spirantised trill of Welsh

The spirantised trill /r^h/ of Welsh is something of a rarity cross-linguistically as, to the best of our knowledge, no other languages having such a speech sound have been reported in the phonetic literature. In the orthography of that language, the articulatory features of the sound are reflected, to a certain extent, in the spelling as it is represented by the digraph <rh>. As suggested by the digraph, the sound can be thought of as an apical trill pronounced simultaneously with audible glottal fric-

6 Beatriz Blecua, *Las vibrantes del Español: manifestaciones acústicas y procesos fonéticos* (Universidad Autónoma de Barcelona, 2005); Laura Colantoni, “Increasing periodicity to reduce similarity: An acoustic account of deaspiration in rhotics”, in: *Selected Proceedings of the 2nd Conference on Laboratory Approaches to Spanish Phonetics and Phonology*, ed. Manuel Diaz-Campos, 22–34 (Somerville, MA: Cascadilla Proceedings Project, 2005); Richard Wiese, “The unity and variation of (German) /r/”, in: *R-atics: Sociolinguistic, phonetic and phonological characteristics of /r/*, eds. Hans Van de Velde, Roeland van Hout, 11–26 (Brussels, Université Libre de Brussels, 2001); Daniel Recasens, Aina Espinosa, “Phonetic typology and positional allophony for alveolar rhotics in Catalan”, *Phonetica* 63 (2007): 1–28; Marzena Żygis, “(Un)markedness of trills: the case of Slavic r-palatalisation”, *Zeitschrift für Slawistik* 50 (2005): 383–407; Sylwester Jaworski, Edward Gillian, “On the phonetic instability of the Polish rhotic /r/”, *Poznań Studies in Contemporary Linguistics* 47 (2011), 2: 380–398.

7 Maria-Josep Solé, “Aerodynamic characteristics of trills and phonological patterning”, *Journal of Phonetics* 30 (2002): 675.

tion. The inherent complexity of the sound is the primary reason for which speakers of Welsh replace it with other sounds to the extent that some may not have it in their consonant inventory. As a result, the phonemic status of /r^h/ in Welsh is sometimes questioned⁸.

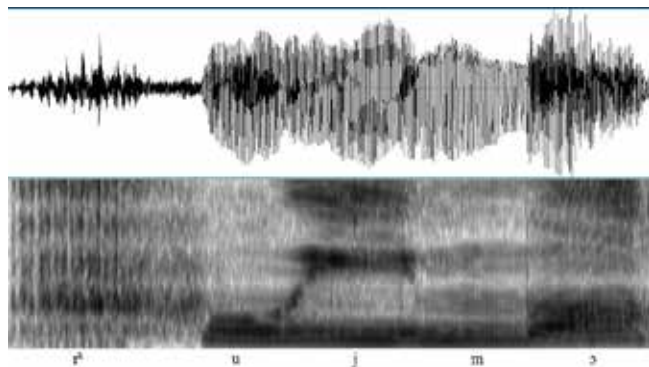

Figure 2. A hyperarticulated token of the spirantised trill of Welsh produced in the word *rhywmo* ‘bind’

A hyperarticulated token of a spirantised trill, pronounced in the Welsh word *rhwymo* [r^huj'mɔ] ‘bind’, is presented in Figure 2. In the spectrogram, the initial part of the sound is represented by a sequence of as many as seven incomplete constrictions (the light vertical stripes) separated by periods of friction. The final part of the sound, on the other hand, consists of a period of glottal friction, which is relatively strong in the low-frequency region. On average, the duration of the constrictions is on the order of 10 ms, with each consecutive constriction being slightly shorter than the previous one. As for the periods of friction, for this speaker, they are on average 18 ms long. In the light of the temporal data, it can be stated that this token has a vibration rate of 37 Hz.

From an articulatory point of view, trills of this type are certainly highly marked as gestures produced with different organs must be executed with perfect timing. In addition to that, throughout the sound, the critical difference between subglottal pressure and oropharyngeal pressure must be maintained to allow for the repetitive movements of the apex to be made. Given the inherent articulatory difficulty of the sound, it is hardly surprising that spirantised trills tend to undergo phonetic reduction in speech. This claim is substantiated by the results of an acoustic study performed by Asmus and Jaworski (2016) which point out that, even in read careful speech, a majority of Welsh spirantised trills are pronounced as fricatives.

8 Martin Ball, “How many rhotic phonemes does Modern Welsh have?”, in: *Representations and Interpretations in Celtic Studies*, eds. Tomasz Czerniak et al., 49–61 (Lublin: Wydawnictwo KUL, 2015).

1.2. The palatalised trill of East Slavic

Ladefoged and Maddieson argue that the difficulty speakers have in pronouncing /rⁱ/ may stem from the fact that “the raising of the blade and front of the tongue that is required for the palatalisation may make it more difficult to maintain the aerodynamic conditions for trilling”⁹. As shown in the two panels of Figure 3, while pronouncing /rⁱ/, the apex is usually used as the active articulator, the same as in the case of the plain /r/¹⁰. Judging from the position of the dorsum for /r/ and /rⁱ/, the articulation of the latter sound requires a greater muscular effort than the former, which is not only due to the considerable mass of the dorsum that needs to be raised, but also to the increased stiffness of the tongue tip which cannot vibrate freely when it is accompanied by the raised pre-dorsum. As noted by Recasens and Pollarès, it is the antagonistic gestures that make palatalised trills difficult to pronounce¹¹.

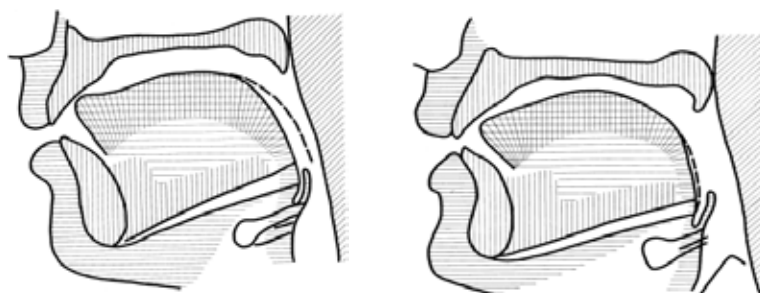

Figure 3. Articulation of Russian /r/ (left-hand panel) and /rⁱ/ (right-hand panel)

As regards the acoustic properties of [rⁱ], they typically consist of two closures separated by a vocalic element. A representative example of a fully voiced trill, produced in the word *рiзко* [ˈriskə] ‘sharply’, is presented in Figure 4. This particular token consists of two taps and a vocalic element¹². The duration of the first tap is 18 ms, whereas the other is 2 ms shorter. The separating vocalic element is 20 ms long.

9 Ladefoged, Maddieson, *The Sounds of the World’s Languages*, 221; see also Żygis, “(Un)markedness of trills”, 383–407; Daria Kavitskaya, Khali Iskarous, Aude Noiray, Michael Proctor, “Trills and palatalisation: Consequences for sound change”, in: *Proceedings of the Formal Approaches to Slavic Linguistics 17*, eds. Justin Reich, Maria Babyonyshev, Daria Kavitskaya, 97–110 (Ann Arbor: Michigan Slavic Publications, 2009).

10 It is claimed that, in Polish, contextually palatalised /r/ is articulated with the blade rather than with the apex (see Bożena Wierzchowska, *Fonetyka i fonologia języka polskiego*, (Wrocław: Ossolineum, 1980).

11 Recasens, Pollarès, „Phonetic typology and positional allophones for alveolar rhotics in Catalan”, *Phonetica* 63(2007): 1–28; Ladefoged, Maddieson, *The Sounds of the World’s Languages*; Solé, *Aerodynamic characteristics of trills*, 655–688.

12 As shown in the spectrogram, the vowel following the second constriction contains a substantial amount of friction that also results from the raised position of the dorsum.

One full cycle of vibration lasts approximately 38 ms, which translates into a vibration rate of 26.3 Hz. The values of the formants of the vocalic element measured at mid point are 460 Hz and 2040 Hz for F1 and F2, respectively. Judging from these acoustic parameters, the vocalic element should be labelled as a mid high front vowel. However, this finding is hardly surprising given that the trill is pronounced with the dorsum held close to the palate.

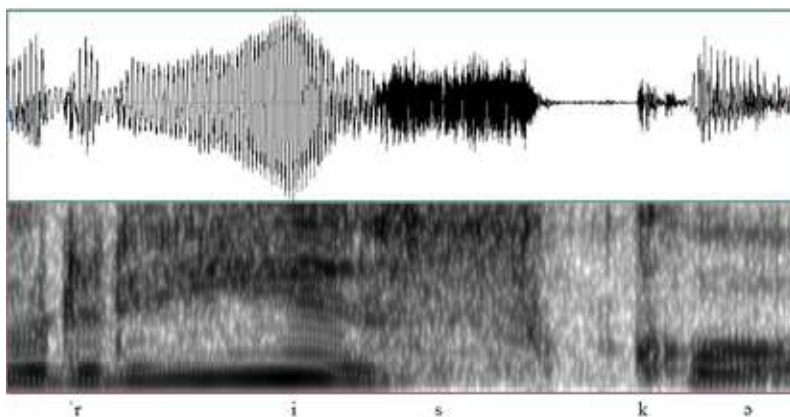

Figure 4. A trilled variant of the Ukrainian /ri/ produced in the word пірко ‘sharply’

1.3. The fricated trill of Czech

The fricated trill that constitutes a phoneme of the Czech language definitely belongs to the rarest speech sounds and, therefore, must be regarded as marked. Ladefoged and Maddieson claim that Czech is the only language they know of that is produced with the blade of the tongue¹³. However, conservative speakers of Kashubian are also said to produce fricated trills which tend to be replaced with plain trills in running speech¹⁴. Also, according to the *Multimedial Handbook of Polish Dialects* published online by a group of scholars at Warsaw University and available at www.gwarypolskie.uw.edu.pl, the fricated trill can still be heard in several regions including southern Silesia, the South-West of Minor Poland and the North of Great Poland.

Figure 5 depicts a fricated trill produced by a native speaker of Czech in the word řekl ‘he said’. The spectrogram shows clearly that the informant managed to produce one complete closure that is followed by a certain amount of friction. This realisation is consistent with descriptions of the segment in the phonetic literature. For example,

13 Ladefoged, Maddieson, *The Sounds of the World's Languages*, 227.

14 Zofia Topolińska, *A Phonological History of the Kashubian Language*, (The Hague: Mouton & Co. N.V., Publishers, 1974); Zdzisław Stieber, *Zarys gramatyki porównawczej języków słowiańskich*, (Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 1979).

the fricated trill /r̥/ is described as “a period of friction interrupted at the beginning by a contact or contacts created by a retracted apico-alveolar gesture”¹⁵. In spontaneous speech, however, this highly complex sound is likely to undergo phonetic reduction by eliminating the closure phase. If this happens, a fricative is produced instead. A similar sequence of events may be assumed to have taken place in the Middle Ages in Polish and eventually led to replacing the rhotic with the sibilant [ʒ]¹⁶.

The physical properties of the sound in Figure 5 hardly justify labelling the sound as a trill as no repetitive gestures can be seen in the spectrogram. However, realisations involving several, typically two, less frequently three, closing gestures are encountered in onset clusters, especially ones that begin with a bilabial plosive, e.g. in the word *přišla* ‘she came’. In other contexts though, the sound is extremely prone to phonetic reduction which normally results in the articulation of a fricative. Allophones of /r̥/ that consist of a tap followed by a period of friction will be referred to as one-tap trills.

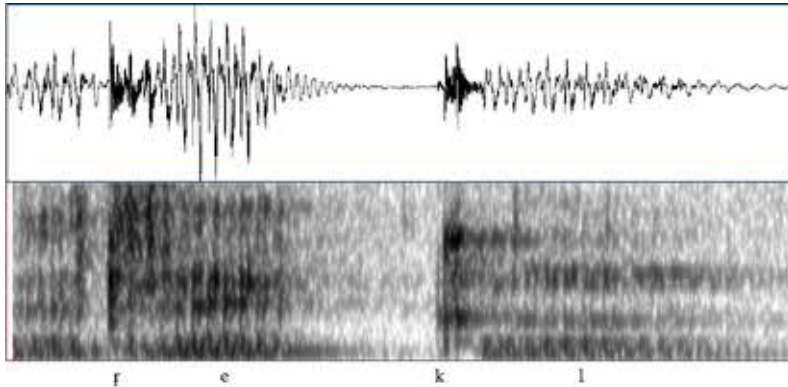

Figure 5. Fricated trill in the Czech word řekl [r̥ekl] ‘he said’

Trilled rhotics including a substantial amount of friction, similar to the sound presented in Figure 5, may also result from the speaker’s failure in articulating a plain apical /r/ of any language. By virtue of their articulatory and acoustic properties, allophones of that type could also be referred to as fricated rhotics, the same as the Czech phoneme /r̥/. If the same label were applied to denote the Czech phoneme as well as reduced allophones of /r̥/, it would inevitably give rise to a great deal of terminological confusion. In order to avoid the likely scenario, the term *fricativised trill* should probably be used to refer to phonetically reduced tokens of trills, while *fricated trill* should be applied exclusively to the Czech phoneme /r̥/.

15 Šarka Šimáčková, Vaclav Podlipký and Katerina Chládková, “Czech spoken in Bohemia and Moravia”, *Journal of the International Phonetic Association* 42 (2002): 225–232.

16 Zenon Klemensiewicz, *Historia języka polskiego* (Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1999).

2. The concept of markedness

The three articulatorily complex rhotics have been referred to as marked; therefore, some space needs to be devoted to the concept of markedness. Żygis argues that the notion of markedness includes the following aspects of linguistic analysis: (i) the frequency of occurrence in the world's languages, (ii) articulatory properties, (iii) perceptual characteristics, (iv) emergence in the process of acquisition, (v) phonetic stability from a diachronic point of view and (vi) distribution within the syllable. However, given the limited scope of this paper, the present discussion focuses on points (i), (ii) and (vi)¹⁷.

With respect to (i), the three rhotics are undoubtedly marked. It is sufficient to note that the Czech language is said to be the only one that has the fricated trill /r̥/¹⁸. It is also possible, but by no means certain, that the spirantised /r̥^h/ is only found in Welsh. Importantly, the sound is not listed in the UCLA Phonological Segment Inventory Database, but this is due to the sound inventory of Welsh not being included in the database. By contrast, the palatalised /rʲ/ appears to be a little more common cross-linguistically as five languages listed in the UPSiD database have such a phoneme. However, the list should be extended by including Irish, Ukrainian, Upper Sorbian and Lower Sorbian also have a phonemic palatalised rhotic in their sound system¹⁹.

Marked sounds are said to be more complex in terms of articulation than their unmarked counterparts due to having an additional, or secondary, articulatory feature. In classical structuralist theory, it was assumed that the existence of a marked sound in the phonemic inventory of a language implies the presence of its unmarked counterpart. The three rhotics in question fulfill the criterion as there is a phonological contrast between /r̥^h/ and /r/ in Welsh, /rʲ/ and /r/ in Russian and /r̥/ and /r/ in Czech.

Another criterion that can be used to determine the markedness of a speech sound is its distribution within the syllable. The two Slavic rhotics do not really meet the phonotactic criterion as they occur in exactly the same positions as their plain counterparts. The contexts include word-initial, intervocalic and word-final positions as well as vowel-adjacent slots in onset and coda clusters. Occasionally, they also occupy positions that are not contiguous with a vowel as in Cz. *pohřbu* 'funeral' (gen. sg.) or R. декабрь 'December'. It can be argued then that their phonotactic properties do not differ significantly from those of their plain counterparts. On the other hand, the phonotactic distribution of the Welsh rhotic is definitely restricted in comparison to that of /r/ as it only occurs in onset positions.

17 Żygis, "(Un)markedness of trills", 387.

18 The sound is still heard in the speech of some Kashubians (Werner personal communication, June 2017).

19 Żygis, "(Un)markedness of trills", 383–407.

3. The study

The objectives of the current study are fourfold: (i) to describe the acoustic properties of the spirantised rhotic of Welsh, (ii) to determine the range of allophonic variation of /r^h/ by specifying which sounds are substituted for /r^h/ in speech, (iii) to establish whether speakers coming from the South and the North of Wales produce the same allophones of /r^h/ and (iv) to ascertain whether the spirantised trill /r^h/ of Welsh, the palatalised /rⁱ/ of Russian and Ukrainian, and the fricated /r/ of Czech exhibit a similar amount of variation.

3.1. The participants and data collection methods

In order to achieve the objectives of the study, different methods of data collection had to be used. In the case of Welsh, 23 native speakers of the language participated in the experiment. There is a considerable difference between representatives of the northern variety of Welsh and those who speak the southern dialect of the language. The informants were asked to read a list composed of 16 target words, embedded in the carrier phrase *Dw i heb ddweud X, ond Y!*, which translates into English as ‘I didn’t say X, but Y!’²⁰. The list was read twice so that each item occurred in the X and Y slots²¹. Altogether, the participants produced 736 tokens of /r^h/, seven of which had to be excluded from analysis for technical reasons. The recordings were made in Szczecin, Poland, 2014 and Leipzig, Germany, 2014/2015²². The Praat software (version 4.2.21) was used to make the recordings, digitise the data and produce the spectrograms and oscillograms.

With regard to the Slavic languages, audiobook recordings of the Old Testament were used to obtain material for analysis. The acoustic properties of one hundred tokens of /rⁱ/ pronounced by two native speakers of Russian, Ukrainian and the same number of tokens of /r/ pronounced by two Czech speakers were examined for the purposes of the paper. Since audiobooks are sold commercially, an assumption is made that the analysed speech samples represents the standard variety of the languages in question.

Despite differing significantly, the two data collection methods also have certain things in common. In the four languages in question (Welsh, Russian, Ukrainian and Czech), samples of read speech were analysed. Also, only word or morpheme-initial

20 Literally, ‘I am without say(ing) X, but Y’.

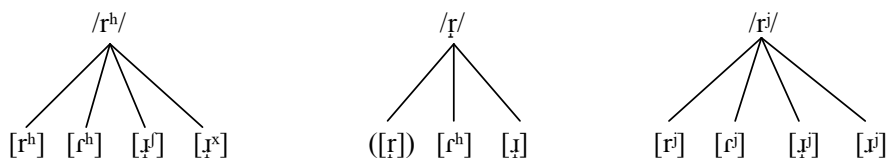
21 Sabine Asmus prepared the wordlist, while Sven Grawunder designed the experiment. The acoustic analyses were conducted by the present author.

22 For participation I would like to thank Aled, Andrew, Bryn, Catrin, Delyth, Dewi, Eiri, Fflur, Guto, Gwyer, Hywel, Ifan, Judith, Lowri, Lois, Marian, Nia, Peredur, Rhiannon, Rhys and Eleri. For technical assistance, we also express our gratitude to Sven Grawunder, Unieversity of Kiel/Germany and Max-Planck Institute for Evolutionary Anthropology, Leipzig/Germany.

rhotics were taken into consideration as the distribution of the Welsh spirantised rhotic is restricted to a greater extent than that of the Slavic complex rhotics /rʲ/ and /r̥/. However, there is a considerable difference regarding the number of lexical items in which the rhotics occur. In the case of Welsh, there is a great disproportion between the numbers of informants speaking the northern and southern dialects, yet the numbers of rhotics are sufficiently high to conduct a statistical analysis.

4. Results and discussion

An analysis of the acoustic properties of the three complex rhotics provides evidence that they differ with respect to the amount of allophonic variation observable in the examined recordings. As shown in (1), four articulatory variants of the Welsh spirantised rhotic were distinguished. These include: spirantised trills [r^h], one-tap spirantised trills [r^h], sibilant fricatives [r̥.f] and non-sibilant fricatives [r̥.x]²³. As far as the Czech rhotic phoneme /r̥/ is concerned, all the examined tokens were classified either a one-tap trill [r^h] or fricative [r̥]. Interestingly, the trill is said to involve two or three closures, but such realisations were not encountered in the examined recordings²⁴. Therefore, the trilled variant was bracketed to denote possible, but unattested allophone. It is worth pointing out that the one-tap trills of Welsh and Czech differ with respect to the feature [VOICE]. In our data, the Welsh sound is always [-VOICE], whereas the Czech segment is always [+VOICE], at least in word-initial position. Finally, the palatalised rhotic of Russian and Ukrainian also has four major articulatory variants that fall into the following phonetic categories: the palatalised trill [rʲ], palatalised tap [rʲ], palatalised fricativised rhotic [rʲ] and palatalised approximant [rʲ]. Given that approximantised, vowel-like variants of /rʲ/ were encountered in the East Slavic languages, which happened neither in Welsh nor Czech, it may be argued that the palatalised rhotic of East Slavic undergoes more radical reduction than the other marked r-sounds.

23 For lack of phonetic symbols representing natural classes of speech sound, [f] and [x] were selected arbitrarily to stand for sibilant and non-sibilant fricatives, respectively. By no means, however, should it be understood that the trills are realised either as [f] and [x].

24 Jana Dankovičová, "Czech", *Handbook of the International Phonetic Association: A guide to the use of the International Phonetic Alphabet*, 70–74 (Cambridge: Cambridge University Press, 1999).

The four spectrograms presented in the four panels of Figure 6 depict representative tokens of the most common phonetic realisations of the rhotics investigated in this study. The left-top panel presents a fricativised realisation of the Welsh spirantised /r^h/ produced in the word *rhy* ‘too’. The resultant fricative sound has an important feature of a sibilant, namely a distinct cut-off point at the level of the third formant of the following vowel. Also, the friction is a considerably more intense in the high frequencies. The spirantised rhotic is totally voiceless as the voice bar is not present at the bottom of the spectrogram. A different type of fricative, presented in the right-top panel, resulted from the reduction of the Czech trill /r̄/ in the word *řekl* ‘he said’. Unlike the previous sound, this token is fully voiced. Not only is the voice bar visible throughout the sound, but it also has an indistinct formant structure. It is worth pointing out that the friction component appears to be very strong as indicated by the corresponding part of the oscillogram. This finding is hardly surprising though as the Czech phoneme is laminal, i.e. produced with the front part of the tongue rather than with the apex. On the other hand, the Russian and Ukrainian rhotics are apical. An example of a fricativised Russian /rʲ/, produced in the word *реки* ‘river’ (gen. sg.), shows that the friction is less intense and occurs over a lesser range of frequencies. This is due to the shape of the aperture occurring between the articulating organs, i.e. the tip of the tongue and the alveolar ridge. The rhotic is undoubtedly voiced as evidenced by the distinct voice bar at the bottom of the spectrogram. A similar quality of friction, produced in the word *разных* ‘different’ (gen. pl.) is also found in the case of the Ukrainian fricativised allophone of /rʲ/, which is hardly surprising given the close genetic relationship between Ukrainian and Russian.

As far as trilled allophones encountered in the recordings are concerned, it must be stated that Welsh trilled variants differ significantly from those of Russian and Ukrainian with respect to their temporal characteristics. If trilled, the Welsh spirantised /r^h/ is made up of two or three constriction phases separated by periods of friction. The mean duration of the first constriction phase, based on the 92 trilled tokens found in the examined recordings, is 10.2 ms (\pm 1.3). The second constriction phase is slightly shorter (10.1 ms; \pm 1.1) and if there is a third one, it tends to be even shorter (9.9 ms, \pm 0.7). The periods of friction also differ in duration with the first one being slightly longer than the next, 21.8 ms (\pm 2.7) and 20.9 (\pm 2.1), respectively. In the light of the data, the full period of vibration of a spirantised trill is approximately 32 ms long, which translates into a vibration rate of 31.3 Hz²⁵.

25 As noted above, twenty three speakers of Welsh took part in the experiment. The numbers of trilled allophones they produced differed to such an extent that making a reliable statistical analysis of the obtained results was out of the question.

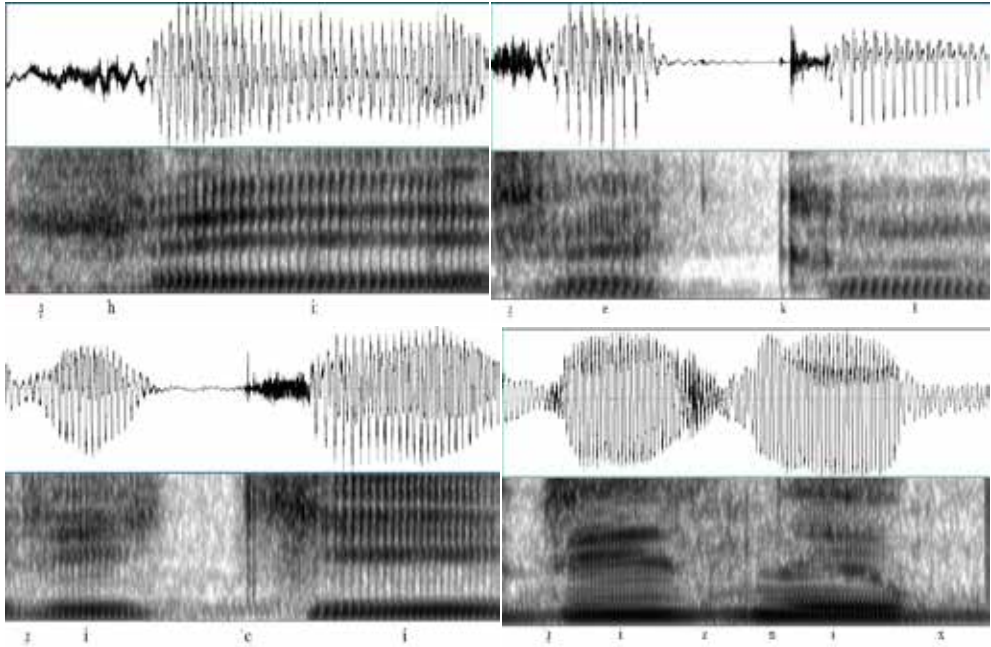

Figure 6. Fricativised word-initial rhotics of Welsh (top-left), Czech (top-right), Russian (bottom-left) and Ukrainian (bottom-right)

The vibration rate of the trilled allophones of /r/ is much lower due to the different aerodynamic conditions that make the apex vibrate. The palatalised trills encountered in the examined recordings consist of two closure phases separated by an intrusive vocalic element whose formant structure is sufficiently distinct to determine its spectral properties. These happen to mirror those of the following vowel²⁶. As for their temporal characteristics, Russian and Ukrainian trills appear to differ to a certain extent. In the case of Russian, the mean duration of the first constriction is 16.7 ms (± 1.1), while the other is, as a rule, slightly shorter (15.8 ms, ± 0.97). The vocalic element between the constrictions is on the order of 21 ms, with the average duration of 20.8 ms (± 1.2). The temporal parameters of trills produced by the Ukrainian speakers follow the same pattern in that the first constriction is longer than the other, and the duration of the vocalic element is greater than the length of both constrictions. The mean durations of the three elements equal, respectively, 17.9 ms (± 1.1), 16.1 ms (± 0.84) and 22.3 ms (± 0.71) long. Given the temporal characteristics, the average vibration rates of the trilled variants are 26.7 Hz and 24.9 Hz for Russian and Ukrainian, respectively²⁷.

26 A comprehensive description of the acoustic properties of Slavic rhotics is presented in Sylwester Jaworski, *Rhotic Sounds of the Slavic Languages*, (Hamburg: Dr. Kovač, 2018).

27 The difference in vibration rate obtained in this study can be due to speaker-specific features. The results need to be verified in a follow-up study involving a larger number of speakers.

With regard to the tapped variants, it is necessary to explain that taps occurring in Welsh and Czech are followed by a period of friction. Despite belonging to different branches of Indo-European languages, tapped allophones of /r^h/ and /r̥/ show certain similarities, as evidenced in Figure 7, which depicts the tapped allophone of the Czech rhotic produced in the word řekl ‘he said’ (left-hand panel) and a tapped allophone of the Welsh /r^h/ in produced in the word *rhan* ‘part’. The main point of similarity is the presence of a tap closure that lasts, on average, 12.1 ms (\pm 1.9) ms in the former and 11.3 ms (\pm 1.6) in the latter word. However, they differ significantly with respect to voicing and the duration of the following period of friction. The presence of the voice bar throughout the Czech sound provides evidence that the rhotic is fully voiced, whereas the Welsh rhotic is definitely voiceless. The two sounds also differ in the duration of the following period of friction. The friction is 31 ms long in the former and 64 ms in the latter.

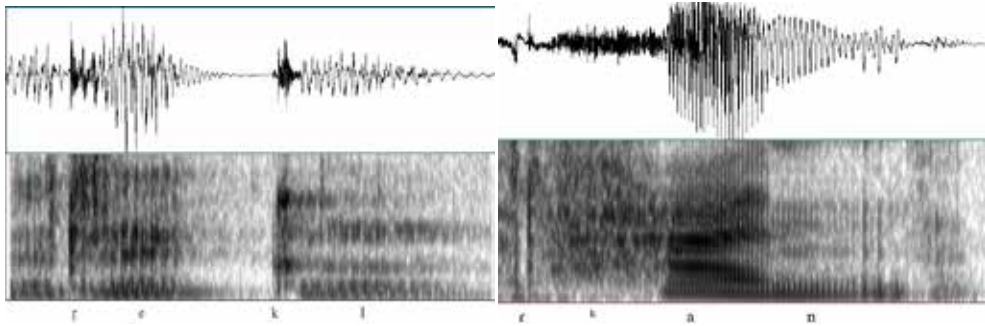

Figure 7. A tapped allophone of the Czech rhotic produced in the word řekl ‘he said’ (left-hand panel) and a tapped allophone of the Welsh /r^h/ in produced in the word *rhan* ‘part’

Tapped variants of Russian and Ukrainian are considerably longer and are never followed by such long periods of friction. Their tap closures are comparable with those of tapped variants of the plain rhotic /r/. In the case of Russian, closure phases ranged from 12 ms to 20 ms, whereas the mean value was 16.3 ms (\pm 3.21). The data obtained from the Ukrainian informants differ substantially with the mean duration of 17.1 ms (\pm 1.73).

Finally, the palatalised /rⁱ/ can also be realised as an approximant. Since word-initial position is said to be prosodically strong, phonetic reduction to an approximant can be considered as a consequence of connected speech process as many of the rhotics examined for the purposes of this study were preceded by a vowel, thus they were, de facto, intervocalic. Approximantised rhotics are vowel-like sounds with a distinct formant structure. The formants of approximantised rhotics are normally less intense than those of vowels, yet their values are strongly correlated with the spectral properties of the following vowel.

The allophones presented above are not equally frequent, though. General statistical information regarding the frequency of occurrence of the allophones of the marked rhotics investigated in the study is presented in Table 1. The first conclusion that emerges from the analysis is that fricativised allophones, i.e. those that consist of a period of friction without any closure, constitute the majority variant in each language²⁸. This finding strongly suggests that the three trills constitute an articulatory difficulty for the speaker. As a result, speakers resolve the difficulty by applying phonological processes that replace difficult sounds with ones that are easier to produce, but share some crucial articulatory features with the underlying speech sound. Interestingly, in the case of Welsh and Czech, it is the secondary articulatory features that are retained, while the primary feature (trilling) is eliminated. This finding calls into question the traditional division of articulatory features into primary and secondary as trilled variants that are supposed to be the articulatory target either do not occur in the recordings (in Czech), or their frequency of occurrence is unexpectedly low (in the case of Russian and Ukrainian).

Table 1. Distribution of allophones of complex rhotics

Language	Tokens	Trill	One-tap trill/Tap	Fricative	Approximant
Welsh	729	92	31	606	0
Czech	100	0	24	76	0
Russian	100	4	18	63	15
Ukrainian	100	8	11	69	12

The data in Table 1 are rather surprising as the three trills differ significantly in terms of articulation, yet they all show a strong tendency towards fricativisation. In the case of the Welsh and Czech sounds, fricativisation can probably be thought of as preservation of the secondary articulatory feature. On the other hand, the /r/ sound, which used to be a phoneme of all Slavic languages²⁹, was replaced with the fricative /ʒ/ in Polish, whereas in Czech it changed into a fricated trill³⁰. Thus, the palatalised rhotic also manifests a tendency towards fricativisation as evidenced by both its pho-

28 In this work, the terms *fricated trill* and *fricativised trill* are introduced to distinguish two sounds of Czech. The former is used in the phonetic literature to refer to the Czech rhotic phoneme /r/ that consists of trilling and friction produced simultaneously (see Dankovičová, “Czech”, 70–74). However, as shown in this study, the /r/ phoneme may have an allophone pronounced as a period of friction without a single closure phase. Such allophones are referred to fricativised trills, which seems to be a convenient phonetic label for the resultant allophone. The same term is used to refer to those allophones of the spirantised /r^h/ of Welsh and the palatalised /r^j/ of Russian and Ukrainian that are realised phonetically as a period of friction.

29 Žygis, *(Un)markedness of trills*, 383–407.

30 Stieber, *Zarys gramatyki porównawczej języków słowiańskich*, 1979.

nological history and synchronic variation. In Russian, and probably in Ukrainian, the rhotic tends to be uninterrupted, i.e. pronounced either as a fricative or approximant³¹.

Conclusions

The results of the experiment conducted for the purposes of the study point to the conclusion that the marked trills of Welsh, Czech, Russian and Ukrainian manifest a very strong tendency towards phonetic reduction. The most convincing piece of evidence that was presented in this paper is that, in each of the investigated languages, trilled variants constitute a minority and in the Czech language not a single a fully articulated trill, i.e. one consisting of at least two constrictions, was produced. In speech, these complex segments undergo radical reduction, most frequently they are rendered as fricatives. Thus, it may be stated that they become less marked.

The finding that merits particular attention is the type of phonetic reduction that affects the spirantised rhotic of Welsh and the fricated rhotic of Czech. The majority of the examined tokens were realised physically as fricatives. This probably means that the articulatory cost of preserving the primary feature, i.e. trilling, is too high for speakers and, therefore, they opt for other possible choices. Of these, the fricativised allophones appear to be the best solution as they still preserve a crucial articulatory feature of both /r^h/ and /r/. As for the fricativisation of the palatalised /r^j/, the phenomenon been attested in the phonological history of the Slavic languages. For instance, in Polish, the palatalised trill first underwent fricativisation and later merged with the phoneme /ʒ/ and so did the sound of Kashubian. The fricated trill of Czech was brought into existence by the same process.

With respect to the concept of markedness, the processes applied by the informants definitely represent a change towards an unmarked segment in terms of articulation. As a result, sounds of high articulatory complexity become relatively simple. The observed substitutions do not have any influence on the phonotactic properties of the sounds in question. However, as mentioned in the previous paragraph, diachronically such changes may affect the phonotactic properties of the sounds by eliminating them from certain positions within the syllable or even modify the sound inventory of a language by merging with other phonemes.

Bibliography

Blecua, Beatriz. *Las vibrantes del Español: manifestaciones acústicas y procesos fonéticos*, Doctoral dissertation, Barcelona, 2001.

31 Leonid Kasatkin, *Sovremennij ruskijizik: fonetika*, 40 (Moscow: Academia, 2006).

- Ball, Martin. "How many rhotic phonemes does Modern Welsh have". In: *Representations and Interpretations in Celtic Studies*, eds. Czerniak, Tomasz, Maciej Czerniakowski, Krzysztof Jaskuła, 49–61. Lublin: Wydawnictwo KUL, 2015.
- Colantoni, Laura. "Increasing periodicity to reduce similarity: An acoustic account of deaspiration in rhotics". In: *Selected Proceedings of the 2nd Conference on Laboratory Approaches to Spanish Phonetics and Phonology*, ed. Manuel Diaz-Campos 22–34. Somerville, MA: Cascadilla Proceedings Project, 2005.
- Dankovičová, Jana. "Czech". In: *Handbook of the International Phonetic Association: A guide to the use of the International Phonetic Alphabet*. Cambridge: Cambridge University Press, 1999, 70–74.
- Jaworski, Sylwester. Gillian, Edward. "On the phonetic instability of the Polish rhotic /r/". *Poznań Studies in Contemporary Linguistics* 47 (2011), 2: 380–398.
- Jaworski, Sylwester. *Rhotic Sounds in the Slavic Languages*. Hamburg: Verlag Dr. Kovač, 2018.
- Kasatkin, Leonid. *Sovremennij ruskij izik: fonetika*. Moscow: Academia, 2005.
- Kavitskaya, Daria, Khali Iskarous, Aude Noiray, Michael Proctor. "Trills and palatalisation: Consequences for sound change". In: *Proceedings of the Formal Approaches to Slavic Linguistics* 17, eds. Justin Reich, Maria Babyonyshev, Daria Kavitskaya, 97–110. Ann Arbor: Michigan Slavic Publications, 2009.
- Klemensiewicz, Zenon. *Historia języka polskiego*. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1999.
- Ladefoged, Peter, Ian Maddieson. *The Sounds of the World's Languages*. Chichester, West Sussex: Blackwell Publishers, 1996.
- Recasens, Daniel, Aina Espinosa. "Phonetic typology and positional allophones for alveolar rhotics in Catalan". *Phonetica* 63 (2007), 1–28.
- Shosted, Ryan. "An aerodynamic explanation for the uvularization of trills". In: *Proceedings of the 8th International Seminar on Speech Production*, eds. Rudolph Sock, Susanne Fuchs and Yves Laprie, 421–424. Strasbourg, INRIA, 2008.
- Solé, Maria-Josep. "Aerodynamic characteristics of trills and phonological patterning". *Journal of Phonetics* 30 (2002), 655–688.
- Stieber, Zdzisław. *Zarys gramatyki porównawczej języków słowiańskich*. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 1979.
- Šimáčková, Šarka, Václav Podlipský, Kateřina Chládková. "Czech spoken in Bohemia and Moravia". *Journal of the International Phonetic Association* 42 (2012): 225–232.
- Topolińska, Zofia. *A Phonological History of the Kashubian Language*. The Hague: Mouton & Co. N.V., Publishers, 1974.
- Wierzchowska, Bożena. *Fonetyka i fonologia języka polskiego*. Wrocław: Ossolineum, 1980.
- Wiese, Richard. "The unity and variation of (German) /r/". In: *R-atics: Sociolinguistic, phonetic and phonological characteristics of /r/*, eds. Hans Van de Velde, Roeland van Hout, 11–26. Brussels, Universite Libre de Brussels, 2001.
- Žygis, Marzena. "(Un)markedness of trills: the case of Slavic r-palatalisation". *Zeitschrift für Slawistik* 50 (2005): 383–407.

Abstract

This paper reports the results of an acoustic study concerned with the amount of allophonic variation shown by three unique trills: the spirantised /r^h/ of Welsh, the palatalised /rⁱ/ of Russian and Ukrainian as well as the fricated /r̥/ of Czech. These trills are unusual by virtue of having a secondary articulatory feature, which poses an additional challenge to the speaker. To make the sound pronounceable, speakers apply phonological processes that reduce the amount of articulatory complexity. The results of the analysis point to the conclusion that, although the acoustic properties of the three trills differ to a great extent, they frequently undergo reduction to a fricative sound, which appears to be the most common articulatory variant encountered in the examined speech samples.

Keywords: rhotics, trills, reduction processes, phonetics

ANALIZA AKUSTYCZNA TRZECH NACECHOWANYCH GŁOSEK DRŻĄCYCH:
WALIJSKIEGO R^h, SŁOWIAŃSKIEGO Rⁱ ORAZ CZESKIEGO R̥

Abstrakt

W artykule tym przedstawiono wyniki analizy akustycznej trzech nacechowanych głosek drżących: walijskiego spirantyzowanego /r^h/, palatalizowanego /rⁱ/ występującego, między innymi, w językach rosyjskim i ukraińskim oraz czeskiego /r̥/. Wyjątkowość tych dźwięków jest wynikiem występowania drugorzędowych cech artykulacyjnych, które sprawiają, że są one niezwykle trudne do wypowiedzenia w mowie łączonej. Analiza akustyczna nagrań w pełni potwierdziła, że dźwięki te stanowią trudności dla mówiących, którzy najczęściej redukowali te trzy dźwięki do głosek szczelinowych bez drżenia.

Słowa kluczowe: głoski drżące, redukcja fonetyczna, fonetyka

JĘZYKOZNAWSTWO

KATARZYNA KONDZIOŁA-PICH*

Wydział Filologiczny Uniwersytetu Szczecińskiego

РЕЧЕВЫЕ АКТЫ КАК ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ ЯЗЫКОВОЙ АГРЕССИИ В ЭМОЦИОНАЛЬНОМ ШАНТАЖЕ

В толковых словарях шантаж определяется как «неблаговидные или преступные действия (угроза разоблачения, разглашения компрометирующих сведений) с целью вымогательства, а также вообще угроза, запугивание чем-нибудь с целью создать выгодную для себя обстановку»¹. Поведение шантажиста часто стоит на грани нарушения закона и сводится к демонстрации силы, предъявлению ультиматума, угрозам, а также физическому и психическому насилию. Существуют также такие формы шантажа, в которых основным средством влияния на другого человека является использование чувств и эмоций, связывающих говорящих. Такие ситуации выступают прежде всего в близких семейных, дружеских или партнерских отношениях. В таких случаях мы имеем дело с эмоциональным шантажом, в котором единственным средством достижения цели является не угроза, вымогательство и применение насилия, а прежде всего обещание, просьба, предложение и советы.

Целью данного исследования является определение и характеристика речевых актов, выступающих в эмоциональном шантаже. Мы одновременно принимаем, что эмоциональный шантаж – это мощная форма манипулирования, заключающаяся во влиянии на эмоции и чувства другого человека – обычно партнера в близких отношениях. Характерной особенностью является здесь

* Adiunkt w Zakładzie Języków i Kultur Słowiańskich Instytutu Filologii Słowiańskiej Uniwersytetu Szczecińskiego; zainteresowania naukowe: pragmatyka, teoria aktów mowy, komunikacja międzyludzka i międzykulturowa.

1 Сергей И. Ожегов, Наталия Ю. Шведова, *Толковый словарь русского языка* (Москва: Азбуковник, 2002).

чрезвычайно умный камуфляж манипулятивного характера этих поведений². Таким образом, эмоциональный шантаж стоит определить как посредственный вид речевой агрессии. Л. Комалова³ замечает, что агрессия в терминах лингвистов – это «разрушение гармоничного строя коммуникации»; «наступательное доминирующее речевое поведение»; «вербализованное эмоциональное реагирование»; «дискомфортно-психологическое общение»; «речевой акт, заменяющий агрессивное физическое действие»; «нежелательное речевое явление»; «вторжение в когнитивное речевое пространство адресата»; «способ создания коммуникативного дисбаланса»⁴. Мы, вслед за К.Ф. Седовым, под речевой агрессией понимаем «целенаправленное коммуникативное действие, ориентированное на то, чтобы вызвать негативное эмоционально-психологическое состояние (страх, фрустрацию и т.п.) у объекта речевого воздействия»⁵.

На уровне языковой прагматики можно выделить индикаторы агрессии в речи. По мнению Л. Комаловой, к ним относятся следующие⁶:

- использование стратегии понижения статуса объекта, описываемого в тексте,
- навешивание ярлыков, характеризующихся идеологизированностью, субъективностью и предубежденностью,
- переход на личности,
- умаление значимости (*всякие, разные, какой-нибудь там*),
- абсолютное доминантное положение адресанта по отношению к адресату,
- недоверие к оппоненту, сомнение в достоверности его слов (могут использоваться кавычки и лексические маркеры, такие как *якобы, так называемый, пресловутый*),
- дистанцирование с адресатом, создание чуждости (*эти, они, и уже с ними, там, заморские, забугорные, заграничные*),
- применение игры слов, каламбура, которые в косвенной форме выражают содержание непристойного характера, направленное на персонаж (*Раша тудей, Раша сюдей, Мизулина запретила россиянам сосать*),

2 Marta Pawelec, Jacek Łukasiewicz, „Szantaż emocjonalny w relacjach rówieśniczych”, *Rocznik Nauk o Rodzinie i Pracy Socjalnej* 59 (2012), 4: 299.

3 Лилия Р. Комалова, „Типология мультILINGВАЛЬНОЙ вербализации эмоционального состояния «агрессия» (на материале разносистемных данных корпусной лингвистики)” (Докторская диссертация, Москва: Московский государственный лингвистический университет, 2016).

4 Комалова, „Типология мультILINGВАЛЬНОЙ вербализации”, 74–75.

5 Константин Ф. Седов, „Речевая агрессия и агрессивность как черта речевого портрета”, в: *Социальная психолINGВИСТИКА: Хрестоматия*, ред. Константин Ф. Седов, (Москва: Лабиринт, 2007), 250–277.

6 Комалова, „Типология мультILINGВАЛЬНОЙ вербализации”, 80–81.

- перегруженность текста негативной информацией, основная цель которой – произвести впечатление на воображение реципиента,
- нарушение логики посредством сближения неоднородных, неоднородных фактов / явлений; неправомерного противопоставления / генерализации / обобщения / включения одного понятия в другое как якобы видовое в родовое; представления субъективного суждения / мнения или оценки единственно возможными или общеизвестными; категорического утверждения без ограничения или конкретизации (*Если женщина идет с опущенной головой – у нее есть любовник!*).

К видам коммуникативного поведения, в которых проявляется агрессия, лингвисты зачисляют прежде всего речевые акты с отрицательным эмоциональным зарядом, напр. обвинение, грубое требование, грубый отказ, угроза, зложелание, брань, клевета, насмешка (колкость), упрёк⁷. В настоящей работе мы принимаем однако, что речевая агрессия может быть выражена посредственно, при помощи нейтральных или (реже) положительных с точки зрения эмоционального заряда речевых актов, таких как, напр. совет или обещание. Тогда мы имеем дело со скрытой агрессией, которая является мощным средством манипулирования собеседником.

Материалом исследования послужили высказывания, почерпнутые из интернет-форумов и блогов.

Употребление конкретного речевого акта в эмоциональном шантаже тесно связано с типом манипулятора-шантажиста. С. Форуард и Д. Фрейзер⁸ выделяют следующие типы:

- а) палач – он угрожает неприятностями (*Если ты от меня уйдешь, ты больше не увидишь своих детей*);
- б) добровольная жертва – он обещает навредить себе, если мы откажемся поступать так, как он хочет (*Если ты от меня уйдешь, я покончу с собой*);
- в) тученик – он старается сделать нас ответственным за свои страдания (*Посмотри, до чего ты довел свою мать!*);

7 Ср. Ирина Б. Лазебная, „Особенности выражения речевой агрессии в современном английском языке“ (Докторская диссертация, Автореферат, Белгород: Белгородский государственный национальный исследовательский университет, 2007), доступ 5.07.2017, <http://www.dissercat.com/content/osobennosti-vyrazheniya-rechevoi-agressii-v-sovremennom-angliiskom-yazyke>.

8 Сюзан Форуард, Донна Фрейзер, *Эмоциональный шантаж*, перевод: Александр Савинов, (Москва: АСТ, 2005).

г) торговец ложными надеждами – он обещает крупные выгоды в обмен на помощь, поддержку (*Если ты войдешь со мной в долю, ты получишь огромную прибыль*)⁹.

Примененные на этой основе речевые акты могут быть дифференцированы по типам иллюкутивной цели.

1. Директивные речевые акты

К этой группе относятся выступающие в эмоциональном шантаже следующие акты речи: требование, угроза, предупреждение, просьба, предложение.

Самым ярким примером употребления речевого акта **требования** являются высказывания шантажиста типа «Палач». Это человек, который чётко определяет свои ожидания и прямо говорит о возможных последствиях несоблюдения его воли; напр.:

(1) *Если ты не женишься на ней, то я лишу тебя наследства!*¹⁰

Речевой акт требования принадлежит к категорическим побуждениям, в которых невыполнение действия влечёт определённые последствия для адресата¹¹. Во многих современных работах осознаётся необходимость различать разновидности требования. Так, например, в связи с анализом группы косвенных требований в работе В.Л. Омеляненко¹² выделяются положительные требования (просьба, доверие, одобрение) нейтральные требования (совет, намек, условное требование, требование в игровом оформлении) и негативные требования (порицание, недоверие, угроза).

Типичным средством выражения требования в речи являются конструкции в повелительном наклонении¹³, напр.:

(2) *Иди сюда!*

(3) *Не делайте этого!*

(4) *Не смей меня перебивать!*

(5) *Помоги маме убрать в кухне.*

9 Антон Солдатов, „Эмоциональный шантаж: как не дать собой манипулировать”, доступ 5.07.2017, <http://www.psychologies.ru/self-knowledge/communication/emotsionalnyiy-shantaj-kak-ne-dat-soboy-manipulirovat/>.

10 <http://anekdotov.me/muzhchiny-i-zhenshhiny/135783-razgovarivayut-dva-evnuxa-otec-mnegovorit-esli-ty.html>, доступ 15.07.2017.

11 Ирина П. Лысакова, Татьяна М. Веселовская, *Прагматика побудительных речевых актов в русском языке* (Щецин – Росток: PRINR GROUP Sp. z o. o., 2008), 29.

12 Виталий Л. Омеляненко, *Теория и методика воспитания* (uchebnikionline.com), доступ 16.07.2017, https://uchebnikionline.com/pedagogika/teoriya_i_metodika_vihovannya_omelyanenko_vl/grupi_nepryamih_vimog.htm.

13 Омеляненко, *Теория и методика*, 197.

(6) *Давайте не нарушать правила!*

Однако, в эмоциональном шантаже свои требования говорящий выдвигает посредственно – без использования повелительного наклонения глагола или перформатива *я требую*. Значение речевого действия такого типа может быть расшифровано только с помощью процесса контекстуализации, а высказывание чаще всего принимает форму *если..., (то)...*, напр.

(7) *Если ты не согласишься, я буду приставать к тебе всегда.*¹⁴

В этом контексте фрагмент высказывания *Если ты не согласишься* является косвенным требованием о содержании ‘согласись’.

Однако, при отсутствии авторитарной позиции говорящего, адресант не может быть уверен в том, будет ли его требование выполнено или нет. Для достижения этой уверенности шантажист использует **угрозу**.

Согласно классификации Дж. Серла¹⁵, угроза относится к комиссивам, т.е. речевым актам, которых цель состоит в том, чтобы обязать говорящего сделать нечто. Угрожая, говорящий принимает на себя обязательство реализовать определённое действие – в ущерб слушающему. В современных исследованиях, однако, преобладает тенденция к комплексному анализу семантической структуры угрозы¹⁶. Лингвисты выделяют две части этой структуры. Первая лежит в поле комиссива, но вторая относится к побуждению – её сущность состоит в выражении воли говорящего, который пытается заставить адресата выполнить определённое действие или перейти в определённое состояние. Таким образом, угроза является сложным директивно-комиссивным речевым актом.

Речевые акты требования и угрозы в эмоциональном шантаже всегда образуют единое целое, что может быть проиллюстрировано следующими примерами:

(8) *Если ты уйдешь от меня (косвенное требование о содержании ‘не уходи от меня’), я тебя убью (угроза)*¹⁷.

14 <https://litlife.club/br/?b=239288&p=3>, доступ 17.07.2017.

15 Джон Серл, „Классификация иллокутивных актов”, *Новое в зарубежной лингвистике*, вып. XVII, *Теория речевых актов* 17 (1986): 170–194.

16 Ср. Olga Przybyła, *Akty mowy w języku nauczycieli* (Katowice: Wydawnictwo UŚ, 2004), 79; Izabela Prokop, *Aspekty analizy pragmatycznej* (Poznań: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu im. Adama Mickiewicza, 2010), 116; Magdalena Trysińska, *Akty mowy jako klucz do interpretacji postaw rodzicielskich. Wychowawcze, komunikacyjne i edukacyjne aspekty filmów animowanych dla dzieci (na przykładzie filmów emitowanych w MiniMini+ i Cartoon Network)* (Warszawa: Wydawnictwo Wydziału Polonistyki UW, 2015), 79; Елена В. Ерофеева, „Речевые акты угрозы и предупреждения и их косвенная реализация во французском дискурсе”, *Политическая лингвистика* 50 (2014), 4: 241.

17 <https://www.facebook.com/VestyIsrael/posts/1021992301209905:0>, доступ 5.07.2017.

- (9) *Если ты не будешь слушаться меня* (косвенное **требование** о содержании ‘слушайся меня’), *я лишу тебя наследства* (**угроза**)¹⁸.
- (10) *Если хоть слово плохое скажешь* (косвенное **требование** о содержании ‘ничего не говори’), *я тебе вообще жить не дам* (**угроза**)¹⁹.
- (11) *Если ты будешь плохо себя вести* (косвенное **требование** о содержании ‘веди себя хорошо’), *я отдам тебя вот этому дяде* (**угроза**)²⁰.

С коммуникативной точки зрения, так построенные высказывания часто приобретают форму ультиматума (напр. *Если ты мне не уступишь, мы расстанемся навсегда*) или становятся средством игры на чувствах. Это относится, прежде всего, к общению с детьми, напр.:

- (12) *Будешь плохо себя вести* (косвенное **требование** о содержании ‘веди себя хорошо’), *я рожу себе другого, а тебя отдам цыганам* (**угроза**)²¹.

В эмоциональном шантаже мы часто имеем дело с **предупреждением**. Это речевой акт, в котором говорящий заранее информирует слушающего о наличии некоторой ситуации либо о возможном развитии событий, которое он должен учесть при осуществлении планируемых действий²². Сходство между предупреждением и угрозой сразу заметно, а принципиальное различие между ними заключается в том, что в угрозе говорящий указывает на определённые последствия для адресата в случае невыполнения требований. Последствия – это чаще всего конкретные действия говорящего в ущерб слушателя, напр. *Я убью тебя, я уволю тебя, я лишу тебя наследства* и т.п. Зато в предупреждении говорящий больше ориентирован на предотвращение нежелательного поведения адресата, и, следовательно, не определяет чётко последствия его действий. Некоторые лингвисты пытаются установить отношения подобия между речевым актом угрозы и речевым актом предупреждения. И так, например, Е.В. Ерофеева приводит мнение, что «угроза может становиться предупреждением и наоборот в зависимости от того, представляет собой говорящий санкционную силу или нет. Если говорящий сам готов применить определённые санкции в отношении неподчинившегося адресата, то речь идет об угрозе»²³.

В эмоциональном шантаже мы имеем дело с предупреждением в случае общения с шантажистом типа «Добровольная жертва». Это человек, который

18 <http://psicoterapia.ru/problemy-s-roditelyami>, доступ 11.07.2017.

19 https://www.rusdialog.ru/news/79528_1474054901, доступ 10.07.2017.

20 <http://4mama.ua/kids/raising/1338-kakie-oshibki-v-vospitanii-rebenka-dopuskayut-pochti-vse-roditeli>, доступ 15.07.2017.

21 https://www.jv.ru/news/psikhologhiia/soviety_i_priemy/17784-kak-reagirovat-na-emocionalnij-shantazh.html, доступ 5.07.2017.

22 Мария Г. Безяева, *Семантика коммуникативного уровня звучащего языка* (Москва: Издательство Московского университета, 2002), 458.

23 Ерофеева, „Речевые акты угрозы”, 241.

прибегает к более тонкому способу действия. Он пользуется в отношении со слушателем предупреждением, но оно относится к наказанию самого себя, напр.:

- (13) *Если ты уйдешь, я покончу с собой.*²⁴
 (14) *Если ты уйдешь, то я убью себя и детей!*²⁵
 (15) *Я люблю тебя, умру, если ты уйдешь.*²⁶
 (16) *Если ты мне не поможешь с математикой, я повешусь.*²⁷

Бывает, что в своих высказываниях шантажист пытается повлиять на собеседника, используя непосредственно выраженную **просьбу**, напр.:

- (17) *Не оставляй меня, прошу, я без тебя с тоски умру.*²⁸

Такие люди часто вызывают чувство вины у своих собеседников, им свойственно обвинять в своих неудачах окружающих. В их высказываниях часто появляются **предложения** для адресата сделать что-то, что принесёт им страдание или даже смерть, напр.:

- (18) *Можешь меня ранить, можешь убить, как хочешь... только не оставляй. Только дари те минуты счастья.*²⁹

По мнению авторов книги *Прагматика побудительных речевых актов в русском языке*³⁰ в предложении говорящий побуждает адресата совместно выполнить действие, совместно принять решение о выполнении действия или выражает свою готовность выполнить действие в интересах обоих участников коммуникативного процесса. Этим предложение отличается от просьбы и совета, интенции которых направлены на удовлетворение интересов только говорящего (просьба) или только адресата (совет). В эмоциональном шантаже, однако, польза адресата от предлагаемых говорящим действий является лишь кажущейся. Шантажист преподносит свои интересы как общие, а отказ выполнить требования называет эгоизмом, манипулируя слушателем напр.:

- (19) *Ты должен это сделать ради нас! А ты печешься лишь о себе, поэтому мы оба и страдаем!*³¹

24 https://www.cosmo.ru/sex-love/he_and_you/chto-delat-esli-partner-ugrozhaet-suicidom/, доступ 5.07.2017.

25 <https://people.onliner.by/2016/03/04/neformat-9>, доступ 9.07.2017.

26 <https://ok.ru/profile/547823960909/statuses>, доступ 5.07.2017.

27 <https://otvet.mail.ru/question/170102814>, доступ 12.07.2017.

28 <https://www.stihi.ru/2014/02/14/8119>, доступ 5.07.2017.

29 <https://ficbook.net/readfic/829653>, доступ 17.07.2017.

30 Лысакова, Веселовская, *Прагматика побудительных речевых актов*, 102.

31 <http://irina-gold.com/2013/07/%D0%BF%D1%80%D0%B8%D0%B7%D0%BD%D0%B0%D0%BA%D0%B8-%D1%8D%D0%BC%D0%BE%D1%86%D0%B8%D0%BE%D0%BD%D0%B0%D0>

2. Оценочные речевые акты

К этой группе относятся акты речи, в которых говорящий выражает свои положительные или отрицательные суждения относительно совершенного адресатом действия, а также личной ситуации и окружающей действительности. В эмоциональном шантаже мы встречаем чаще всего принадлежащий к этой группе **упрёк**. Это самостоятельный речевой акт, в котором говорящий имплицитно выражает отрицательную оценку поведения адресата, намереваясь оказать эмоциональное воздействие, отвечающее интересам упрекающего³². В анализируемом материале, для достижения своей коммуникативной цели говорящий преимущественно использует риторические вопросы. Это предложения, которые имеют только формальные признаки вопросов и задаются не с целью получения информации, а с целью передачи её в особой экспрессивной форме, напр.:

(20) *Почему ты заставляешь меня так страдать? За что?*³³

Риторические вопросы, по существу, ассерции, приводятся в форме вопросов для того, чтобы усилить перлокутивный эффект и убедить адресата к действию. В свете вышесказанного, предложение *Почему ты заставляешь меня так страдать?* принимает прагматическое значение 'я страдаю из-за тебя и хочу, чтобы ты об этом знал'. Цель таких коммуникативных действий – вызвать у собеседника чувство вины. Такие стратегии в основном использует шантажист типа «Мученик». Это человек, который часто не задумывается о причинах своих неудач, а во всех своих поражениях обвиняет других людей.

В эмоциональном шантаже упрекающий для достижения своей цели рядом с риторическими вопросами пользуется также иронией, т.е. издевкой, скрытой в с виду одобрительном высказывании. Это иллюстрируется приведенным ниже примером, в котором говорящий иронически утверждает, что чувствует себя отлично, а потом описывает своё печальное положение:

(21) *Ты спрашиваешь как мои дела...??? Да всё отлично. Ты же помнишь... каково это... рвать живые отношения?? Корчиться от боли... которая приходит после понимания...что твой любимый человек всё то время... что вы были вместе... тупо врал о своей любви.??? Оооо...а тело... которое рвётся в твои руки... сдерживать думаешь легко...???...Нет...Плохо мне без тебя...Вить хочется... Но так надо...иначе ты и дальше будешь топтаться о мои чувства...Убивая*

<http://www.vyacheslav.livejournal.com/1016551.html>, доступ: 18.07.2017.

32 Ср. Татьяна А. Давыдова, „Речевой акт упрека в английском языке” (Автореферат докторской диссертации, Иркутск, 2003), 5.

33 <http://01vyacheslav.livejournal.com/1016551.html>, доступ 10.07.2017.

*моё самоуважение. Но лучшие локти кусать... чем продолжать эти «непонятные отношения»... Каково мне...???*³⁴

3. Коммиссивные речевые акты

Из класса коммиссивов в эмоциональном шантаже мы имеем дело с **обещанием**. Это речевой акт, иллюкутивная цель которого заключается в принятии говорящим искреннего обязательства выполнить / не выполнить определённое действие в пользу адресата³⁵. Эту стратегию использует прежде всего шантажист типа «Торговец ложными надеждами». Он действует очень тонко и изощрённо. Он не вызывает у собеседника чувства вины, не угрожает ему и не запугивает его. Он сосредоточен на положительных эффектах удовлетворения его ожиданий. Шантажист взамен за выполнение своих требований обещает всевозможные вещи – в зависимости от того, чего ожидает собеседник. Это может быть карьера, деньги, помощь, поддержка, любовь и так далее, напр.:

- (24) *А если будешь держать язык за зубами, я увеличу сумму в пять раз*³⁶.
- (25) *Если ты будешь хорошей и послушной девочкой, я не причиню тебе вреда, а наоборот, во всем и всегда буду помогать и оберегать*³⁷.
- (23) *Я дам тебе всё, а ты взамен просто должна подписать эту бумажку*³⁸.

Эта коммуникационная стратегия часто используется в семейных отношениях и в отношениях с детьми, напр.:

- (22) *Лёва, будешь хорошо себя вести – купим тебе новенький велосипед!*³⁹

Итак, проведённый анализ показал, что эмоциональный шантаж это явление, которое сложно расшифровать в процессе коммуникации. Он реализуется при помощи речевых актов, принадлежащих разным классам. Самую многочисленную группу представляют директивные речевые акты, в которых гово-

34 <https://ok.ru/ne.sterva/topic/67077302594326>, доступ 10.07.2017.

35 Ольга В. Гашева, „Речевой акт обещания в современном французском и английском языках: семантико-прагматический и грамматический аспекты“, *Человек и наука*, доступ 19.07.2017, <http://cheloveknauka.com/rechevoy-akt-obeschaniya-v-sovremennom-frantsuzskom-i-angliyskom-yazykah-semantiko-pragmaticeskii-i-grammaticeskii-aspe>.

36 <https://ranobebook.com/book/bog-prestupnosti.8/chapter/glava-16-zavysHENnye-ambitsii-chast-3.17>.

37 <https://www.litmir.me/br/?b=572929&p=12>, доступ 18.07.2017.

38 <https://www.wattpad.com/story/101747230-%D1%8F-%D0%B6%D0%B5%D0%BD%D0%B0-%D0%BC%D0%B8%D0%BB%D0%BB%D0%B8%D0%BE%D0%BD%D0%B5%D1%80%D0%B0-slow-updating>, доступ 18.07.2017.

39 http://ruanekdot.ru/news/velosiped_za_khoroshee_povedenie_a_za_plokhoe_skripku/2016-10-26-4278, доступ 19.07.2017.

рящий побуждает адресата выполнить какое-либо действие. Они могут быть дифференцированы с точки зрения иллюкативной силы: самые слабые – это предложения, затем просьбы и предупреждения, а в конце требование и угроза (которая характеризуется директивно-коммиссивными признаками). Следующая группа речевых актов, которые можно найти в эмоциональном шантаже – это оценочные речевые акты, а среди них – упрёк. Третья группа – это коммиссивы. Мы включаем в эту группу обещание, целью которого является принятие говорящим искреннего обязательства выполнить определённое действие в пользу адресата. Все указанные речевые акты чаще всего принимают имплицитную форму. Цель всех этих коммуникативных действий – повлиять на эмоции собеседника. Осуществляется это с помощью вызывания угрызений совести, запугивания или давания обещаний по важным для адресата вопросам. Мы часто становимся жертвами такой деятельности, поэтому очень важно понять подобные механизмы манипулирования человеческими эмоциями и быть в состоянии защититься от них.

Резюме

Объектом данного исследования являются речевые акты, выступающие в эмоциональном шантаже. Примеры были почерпнуты из интернет-коммуникации. Эмоциональный шантаж – это манипулирование собеседником с использованием эмоций, соединяющих отправителя и получателя. Таким образом, он становится скрытой формой речевой агрессии, понимаемой как коммуникативное действие, ориентированное на то, чтобы вызвать негативное эмоциональное состояние у объекта речевого воздействия. Среди проанализированных в статье речевых актов были: директивы (требование, предупреждение, просьба и предложение), оценочные речевые акты (упрёк), коммиссивы (обещание), а также коммиссивно-директивный речевой акт – угроза.

Библиография

- Безяева, Мария Г. *Семантика коммуникативного уровня звучащего языка*. Москва: Издательство Московского университета, 2002.
- Гашева, Ольга В. „Речевой акт обещания в современном французском и английском языках: семантико-прагматический и грамматический аспекты”. Доступ 19.07.2017. <http://cheloveknauka.com/rechevoy-akt-obeschaniya-v-sovremennom-frantsuzskom-i-angliyskom-yazykah-semantiko-pragmaticheskij-i-grammaticheskij-aspe>.
- Давыдова, Татьяна А. *Речевой акт упрека в английском языке. Автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата филологических наук*. Иркутск, 2003.

- Серл, Джон. „Классификация иллокутивных актов”. *Новое в зарубежной лингвистике*, вып. XVII, *Теория речевых актов* 17 (1986): 170–194.
- Ерофеева, Елена В. „Речевые акты угрозы и предупреждения и их косвенная реализация во французском дискурсе”. *Политическая лингвистика* 50 (2014), 4: 240–247.
- Комалова, Лилия Р. „Типология мультилингвальной вербализации эмоционального состояния «агрессия» (на материале разносистемных данных корпусной лингвистики)”. Докторская диссертация, Москва: Московский государственный лингвистический университет, 2016.
- Лазебная, Ирина Б. „Особенности выражения речевой агрессии в современном английском языке”. Докторская диссертация, Автореферат, Белгород: Белгородский государственный национальный исследовательский университет, 2007. Доступ 5.07.2017. <http://www.dissercat.com/content/osobennosti-vyrazheniya-rechevoi-agressii-v-sovremennom-angliiskom-yazyke>.
- Лысакова, Ирина П., Татьяна М. Веселовская, *Прагматика побудительных речевых актов в русском языке*. Щecin–Росток: PRINR GROUP Sp. z o. o., 2008.
- Ожегов, Сергей И., Наталия Ю Шведова, *Толковый словарь русского языка*. Москва: Азбуковник, 2002.
- Омельяненко, Виталий Л. *Теория и методика воспитания*. Доступ 16.07.2017. https://uchebnikonline.com/pedagogika/teoriya_i_metodika_vihovannya_omelyanenko_v1/grupi_nepryamih_vimog.htm.
- Седов, Константин Ф. „Речевая агрессия и агрессивность как черта речевого портрета”. В: *Социальная психоллингвистика: Хрестоматия*, ред. Константин Ф. Седов, 250–277. Москва: Лабиринт, 2007.
- Солдатов, Антон. „Эмоциональный шантаж: как не дать собой манипулировать”. Доступ 5.07.2017. <http://www.psychologies.ru/self-knowledge/communication/emotionalnyy-shantaj-kak-ne-dat-soboy-manipulirovat>.
- Форуард, Сюзан, Донна Фрейзер, *Эмоциональный шантаж*. Перевод: Александр Савинов. Москва: АСТ, 2005.
- Pawełec, Marta, Jacek Łukasiewicz, „Szantaż emocjonalny w relacjach rówieśniczych”. *Rocznik Nauk o Rodzinie i Pracy Socjalnej* 59 (2012), 4: 299–312.
- Prokop, Izabela. *Aspekty analizy pragmatycznej*. Poznań: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu im. Adama Mickiewicza, 2010.
- Przybyła, Olga. *Akty mowy w języku nauczycieli*. Katowice: Wydawnictwo UŚ, 2004.
- Trysińska, Magdalena. *Akty mowy jako klucz do interpretacji postaw rodzicielskich. Wycho-wawcze, komunikacyjne i edukacyjne aspekty filmów animowanych dla dzieci (na przykładzie filmów emitowanych w MiniMini+ i Cartoon Network)*. Warszawa: Wydawnictwo Wydziału Polonistyki UW, 2015.

SPEECH ACTS AS PRAGMATIC DETERMINANTS OF VERBAL AGGRESSION
IN EMOTIONAL BLACKMAIL

Abstract

The subject of the given analysis is speech acts that are presented in emotional blackmail. The examples were excerpted from Internet communication. Emotional blackmail means manipulating interlocutor by using emotions that bound the sender and the receiver. This way it becomes a hidden form of verbal aggression, which is understood as a communicative action aiming at causing negative emotional state in a manipulated person. Analyzed speech acts are those of directives (demand, warning, request and suggestion), expressives (reproach), commissives (promise) and of a commissive-directive type of speech acts – threat.

Keywords: speech acts, emotional blackmail, verbal aggression

AKTY MOWY JAKO PRAGMATYCZNE WYZNACZNIKI AGRESJI JĘZYKOWEJ
W SZANTAŻU EMOCJONALNYM

Abstrakt

Tematem przedstawionej analizy są akty mowy występujące w szantażu emocjonalnym. Przykłady zostały zaczerpnięte z komunikacji internetowej. Szantaż emocjonalny oznacza manipulowanie rozmówcą przy wykorzystaniu emocji łączących nadawcę i odbiorcę. W ten sposób staje się on ukrytą formą agresji językowej, rozumianej jako działanie komunikacyjne, mające na celu wywołanie negatywnego stanu emocjonalnego u manipulowanej osoby. Wśród przeanalizowanych w artykule aktów mowy znalazły się akty z grupy dyrektywów (żądanie, ostrzeżenie, prośba i propozycja), aktów oceniających (zarzut), akty z grupy komisywów (obietnica) oraz akt mowy o charakterze komisywno-dyrektywnym – groźba.

Słowa kluczowe: akty mowy, szantaż emocjonalny, agresja językowa

JĘZYKOZNAWSTWO

EWA MARIA MAJEWSKA*
Uniwersytet Warszawski

ENGLISCHES WORTGUT IM DEUTSCHEN MEDIZINISCHEN FACHWORTSCHATZ DER ZEITSCHRIFTEN

1. Das Englische als Wissenschaftssprache

Gegenwärtig leben wir im Zeitalter der Globalisierung, und wir sind deswegen immer mehr den Einflüssen des Englischen ausgesetzt. Anglizismen haben sich schon stark in den Alltag eingeschlichen und sie begegnen uns fast überall. Man benutzt sie täglich in den Unterhaltungen, ohne dass man sich dessen bewusst ist. Wir stoßen auf sie in den Zeitungen, auf Plakaten, im Fernsehen und auch im Internet.

In den vergangenen Jahren hat sich die englische Sprache als *Lingua franca* der Wissenschaft etabliert. Die Forschung wird häufig in internationalen Gruppen betrieben und man ist also gewissermaßen gezwungen, ein gemeinsames Verständigungsmittel zu gebrauchen. Zu diesem Zweck dient immer häufiger das Englische als Sprache des Gedankenaustausches zwischen den Wissenschaftlern aus unterschiedlichen Ländern.

Im Gebrauch des Englischen kann man auch praktische Seiten sehen. Die Größe des englischen Wortschatzes (rund 600.000 Worte mit romanischen und germanischen Wurzeln) sowie die leichte Erlernbarkeit eines einfachen Englisch sind aus sprachlicher Perspektive die besten Voraussetzungen für eine breite Anwendung dieser Sprache¹. Es gibt eine Reihe weiterer Gründe für die dominante Rolle des Englischen in der Wissenschaft. Außer dem Bedarf eines internationalen Kommunikationsmittels sind andere Faktoren wichtig wie die Anzahl der anglophonen Erst- und

* Ewa Maria Majewska, doktor nauk humanistycznych, pracownik Instytutu Germanistyki Uniwersytetu Warszawskiego, zainteresowania badawcze: językoznawstwo niemieckie i niderlandzkie, języki specjalistyczne, onomastyka.

1 Karl Holubar, Cathrin Schmidt, *Medizinische Terminologie und ärztliche Sprache* (Wien: Facultas, wuv, 2007), 50.

Zweitsprachensprecher sowie ihre geografische Verteilung. Englischsprachige Länder werden als eine starke Wirtschaftsmacht angesehen. Außerdem haben sie einen beachtlichen politischen Einfluss und verfügen über ein großes Innovationspotential. Davon zeugen auch die oberen Plätze internationaler Hochschulrankings².

Das alles bewirkt, dass Autoren wissenschaftlicher Arbeiten häufig in der Zweisprachigkeit den einzigen Weg eines wissenschaftlichen Gedankenaustausches auf internationaler Ebene sehen, ohne dabei die Fachkommunikation in ihrer Muttersprache zu vernachlässigen³. Allem Anschein nach hat das Englische also im Laufe der Zeit denselben Status erworben, den im Mittelalter Latein genoss⁴. Der Trend zur Globalisierung ist in allen nichtanglophonen Sprachräumen zu beobachten. Die Ausbreitung des Englischen als internationale Wissenschaftssprache schafft aber tief greifende Veränderungen in Lehre und Forschung, anschließend beeinflusst sie auch die nationalen Wissenschaftssprachen⁵. Die Internationalisierung und Globalisierung im Bereich der Lehre und Forschung bewirken, dass die anderen Sprachen in der wissenschaftlichen Kommunikation allmählich an Bedeutung verlieren. Man kann es nicht ganz ausschließen, dass die Forschung in der Zukunft dadurch allmählich einsprachig werden könnte⁶.

2. Das Englische in der Medizin

Auch im Falle der Medizin ist das Englische gegenwärtig zum internationalen Medium unter den Wissenschaftlern geworden. Die deutsche Sprache der Medizin mit ihrer reichen sprachlichen antiken Hinterlassenschaft muss also dem Englischen die Stirn bieten.

Die Medizin blickt auf eine lange Geschichte zurück. Das komplexe Gebilde der westlichen Medizin ist in einem Zeitraum von mehr als 2500 Jahren entstanden⁷. Sie birgt den Fachwortschatz unterschiedlicher Herkunft. Als die erste Wissenschaftssprache der antiken Welt galt das Griechische. Der griechische fachsprachliche Wort-

2 Jörg Roche, „Deutsch als Wissenschaftssprache – Normorientierung zwischen Anglophilie, Anglomanie und Anglophobie“, in: *Texte im Spannungsfeld von medialen Spielräumen und Normorientierung, Pisaner Fachtagung 2014 zu interkulturellen Perspektiven der internationalen Germanistik*, Hg. Martine Dalmas et al. (München: Iudicium, 2015), 94.

3 Michael Friedbichler, Ingrid Friedbichler, Jens Christoph Türp, „Wissenschaftliche Fachkommunikation im Zeitalter der Globalisierung“, *Praxis und Fortbildung* 12 (2008): 1193.

4 Barbara Jachym, „Deutsch als Wissenschaftssprache, where are you? Einige Bemerkungen zu den Artikelüberschriften in der deutschen Onlinepresse“, *Glottodidactica* XLI (2014), 2: 89.

5 Friedbichler et al., „Wissenschaftliche Fachkommunikation im Zeitalter der Globalisierung“, 1194.

6 Vgl. Jachym, „Deutsch als Wissenschaftssprache“, 89.

7 Wolfgang U. Eckart, „Venter id est hwamba – „Sprach“-Geschichte der Medizin aus der Perspektive des Unterrichts“, in: *Handbuch Sprache in der Medizin*, Hg. Albert Busch, Thomas Spranz-Fogassy (Berlin–Boston: de Gruyter, 2015) 4.

schatz wurde seit dem 1. Jahrhundert n. Chr. durch lateinische Übersetzungen oder Neubildungen ergänzt⁸. Das Griechische bestand in der römischen Zeit parallel neben dem Lateinischen, doch langsam wurde es durch das Latein abgelöst. Die griechischen Termini wurden latinisiert oder es wurden sogar neue lateinische Termini gebildet. Das passierte vor allem in beträchtlicher Zahl in der Antike und im Mittelalter, in besonders großem Umfang aber von der Renaissance bis zur Mitte des 19. Jahrhunderts und auch noch danach⁹. Außer den griechischen und lateinischen Fachwörtern enthält die medizinische Sprache auch vereinzelt arabisches Wortgut. Nach dem Zusammenbruch des Römischen Reiches wurde nämlich die griechische Medizin vor allem durch arabische Ärzte bewahrt und weiterentwickelt. Die Araber hatten die medizinischen Klassiker in ihre Sprache übersetzt¹⁰. Sie haben dem medizinischen Fachwortschatz auch arabische Termini hinzugefügt. Das Arabische verlor jedoch an Bedeutung, als in Renaissance und Humanismus bei der Rückkehr zur Antike und dem klassischen Latein die arabischen Texte ins Lateinische übersetzt wurden und hierbei die arabischen Termini fast völlig eliminiert wurden¹¹. Arabischen Ursprungs sind gegenwärtig solche Termini wie z.B. *Alkohol*, *Kampfer*, *Wismuth* u.a.¹²

Die humanistischen Ideale der Aufklärung brachten hervor, dass das Ansehen der Nationalsprachen verstärkt wurde, die die dominante Position des Lateins als Wissenschaftssprache ablösten¹³. Die modernen Sprachen ersetzten das Latein durch ihre eigene Fachsprache (englische, deutsche, französische usw. Fachsprache der Medizin). Lateinisch-griechische Termini blieben in großem Umfang erhalten und wurden in die modernen Sprachen aufgenommen¹⁴. In den germanischen Nationalsprachen (Deutsch, Niederländisch, skandinavische Sprachen) wurden die lateinischen Fachausdrücke als Einzelwörter oder Wortgruppen direkt und mit originalen Endungen aus dem Lateinischen übernommen. In den romanischen Sprachen ging häufig die Übernahme lateinischer Fachtermini mit ihrer Anpassung an die grammatikalischen Normen einher. In den slawischen Sprachen aber wird häufig in die jeweilige Nationalsprache übersetzt¹⁵.

Noch zu Beginn des 20. Jahrhunderts hatten die modernen Sprachen ihre eigene medizinische Fachsprache als Wissenschaftssprache, die fast gleich stark vertreten waren. Seit der Mitte des 20. Jahrhunderts erfolgte eine Hinwendung zum Englischen.

8 Eckart, *Venter id est hwamba*, 4.

9 Wolfgang Caspar, *Medizinische Terminologie* (Stuttgart: Thieme, 2007), 4.

10 Julianne C. Willmanns, Günther Schmitt, *Die Medizin und ihre Sprache* (Landsberg/Lach: Ecomed, 2002), 18.

11 Caspar, *Medizinische Terminologie*, 4.

12 Willmanns, Schmitt, *Die Medizin und ihre Sprache*, 18.

13 Jachym, „Deutsch als Wissenschaftssprache“, 89.

14 Caspar, *Medizinische Terminologie*, 4.

15 Eckart, *Venter id est hwamba*, 5.

Das wurde sogar als ein positives Beispiel der Globalisierung angesehen, denn man sah darin ein Ende der „Sprachverwirrung“. Sie blieb jedoch nicht ohne Konsequenzen für Wissenskulturen außerhalb der anglophonen Welt¹⁶. Die internationale Kommunikation von Klinikern und Wissenschaftlern findet gegenwärtig nahezu vollständig auf Englisch statt.

Die Anglizierung kommt in der Sprache der internationalen Medizinpublizistik vor. In den letzten 130 Jahren hat der Anteil der englischsprachiger Journale im amerikanischen Zeitschriftenkatalog Index Medicus/Medline von 35% auf 89% zugenommen. Der Anteil von Zeitschriften in deutscher Sprache sank von 25% auf 1,9%. Im Jahre 1879 erschienen 284 Journale des Index Medicus auf Englisch und 201 auf Deutsch. Im Jahre 2007 führte die Medline Online-Zeitschriftendatenbank 98 deutschsprachige Fachblätter, während 4609 Zeitschriften auf Englisch verfasst wurden. Auch im Falle des Französischen kann man von einem ähnlichen Bedeutungsverlust sprechen. Ungefähr 9 von 10 aller neu in Medline aufgenommenen Journale sind in englischer Sprache verfasst¹⁷.

Navarro (1996) hat durch eine Analyse von Literaturstellen in der Deutschen Medizinischen Wochenschrift (DMW) und der Schweizer Medizinischen Wochenschrift festgestellt, dass der Anteil deutschsprachiger Referenzen von 80 bis 90 Prozent im Jahr 1920 auf 10 bis 20% im Jahr 1995 zurückgegangen ist. Ähnliche Ergebnisse ermittelte er bei der Untersuchung französischer, niederländischer und spanischer Fachblätter. Der Anteil englischer Referenzen belief sich dort auf 90%. Im Bereich der wissenschaftlich führenden Zeitschriften ist die Dominanz des Englischen noch größer. Unter den größten medizinischen Fachblättern mit hohem Impact Factor erscheint als erste nicht englischsprachige Publikation die *Medicina Clinica* aus Barcelona auf Platz 44. Von den 103 Zeitschriften dieser Kategorie sind nur drei deutsche zu nennen: *DMW*, *Medizinische Klinik* und *Der Internist*¹⁸. Auch landessprachliche Referenzen kommen nicht immer in der Muttersprache vor, z.B. gab es im Jahre 1995 rund 20% niederländischer Zitate in der *Nederlands Tijdschrift voor Geneeskunde*, und etwa 11% deutschsprachige Zitate in der *Schweizer Medizinischen Wochenschrift*. Heutzutage trifft man in Frankreich und Russland weniger Fachzeitschriften auf Englisch als in der Schweiz und in Deutschland¹⁹.

Der starken Anglizierung der internationalen Fachpresse aus dem Bereich der Medizin bietet jedoch eine regionale Bewegung die Stirn. In Deutschland ist nämlich

16 Christopher Baethge, „Die Sprachen der Medizin“, *Deutsches Ärzteblatt* 105 (2008), 3: 37, Zugriff am 2.07.2008, URL: www.thescientist.com/article/print/54513.

17 Baethge, „Die Sprachen der Medizin“, 37.

18 Fernando A. Navarro „Englisch oder Deutsch? Die Sprache der Medizin aufgrund der in der Deutschen Medizinischen Wochenschrift erschienenen Literaturangaben (1920–1995)“, *Deutsche Medizinische Wochenschrift* 121 (1996): 1561–1566.

19 Baethge, „Die Sprachen der Medizin“, 37.

eine starke muttersprachliche wissenschaftliche Tradition lebendig. Die deutschsprachigen Fachzeitschriften stellen ein Fünftel aller Periodika dar, die die Deutsche Zentralbibliothek für Medizin (ZBMED) bezieht²⁰. Nach dem englischen Autor David Graddol, der sich zum Gebrauch des Internets in den nicht englischsprachigen Ländern äußert, kann man erkennen, dass mit der zunehmender Entwicklung anderer Kulturen das Englische im Internet in seiner Bedeutung doch abnimmt²¹.

3. Analyse

Der Einfluss der englischsprachigen Zeitschriften und die Position des Englischen als Konferenzsprache bewirken, dass im deutschsprachigen medizinischen Wortschatz der Fachpresse zahlreiche englische Wörter gebraucht werden, die unterschiedliche morphologische Formen haben und verschiedenen Sachgebieten der Medizin angehören.

In diesem Beitrag werden die Einflüsse des Englischen auf die deutsche Fachsprache der Medizin in der Publizistik anhand von zwei medizinischen Zeitschriften, nämlich der österreichischen Zeitschrift *Ärztwoche* und der deutschen Zeitschrift *Deutsches Ärzteblatt* gezeigt. Die aus dem Englischen stammenden Fachwörter werden anhand von originellen Sätzen präsentiert.

3.1. Morphologische Analyse

Der Fachbegriff besteht aus einem Wort:

Das deutsche Korpus enthält einzelne englische Fremdwörter: *Grading*, *Burnout*, *Biologicals*, *Compliance*, *Handicaps*, *Stents*, *Pacemaker*.

- „Verglichen mit den HIV-negativen war bei den HIV-positiven Patienten ein niedriger Performance-Status,... ein ungünstiges Duke-Stadium, ein schlechtes **Grading** festgestellt worden“ (DÄ 8/2011, S.120).
- „**Burnout** ist keine Versicherungsdiagnose und ist in seiner unscharfen diagnostischen Symptomdarstellung auch lange Zeit unberücksichtigt geblieben“ (ÄW 41/2011, S. 17).
- „Auch nach Einführung der **Biologicals** und damit der Verringerung der Kortisondosen bei entzündlichen rheumatischen Erkrankungen bleibt das Risiko hoch ...“ (ÄW 41/2011, S.17).
- „Regelmäßig notwendige Kontrollen der Gerinnungswerte und gegebenenfalls Dosisanpassungen vermindern die **Compliance**“ (ÄW 41/2011, S.13).

20 Ibidem, 37.

21 David Graddol, *English Next. Why global English may mean the end of English as a foreign language* (British Council, 2006), 14, Zugriff am 28.02.2018, <https://englishagenda.britishcouncil.org/sites/default/files/attachments/books-english-next.pdf>.

- „Aufgrund seines **Handicaps** benutzte er übermäßige Mengen an Parfüm“ (ÄW 20/2011, S. 5).
- „Diese umfasst u.a. Katheter und **Stents**, Endoprothesen, chirurgisches Nahtmaterial, Produkte für Wundverschluss, Hämostase und Versiegelung“ (ÄW 49/2011, S. 20).
- „Die Seitenwahl wird oft durch einseitige Mammakarzinome, Ulzera am Thorax, früher implantierte **Pacemaker**, vorbestehende einseitige venöse Thrombosen oder andere Umstände bestimmt“ (DÄ 9/2011, S. 150).

Ein Fachbegriff setzt sich aus zwei Wörtern zusammen:

- „Ein **Flare – up** der Erkrankung vor dem erwünschten Hypoöstrogenismus ist durch die agonistische Wirkung initial möglich“ (ÄW 46/2011, S. 10).
- „Effekte der modernen Zivilisationskrankheiten wie Stress oder Burn out bleiben jedoch lange Zeit wissenschaftliche unerforscht“ (ÄW 46/2011, S. 38).

Wortgruppe stellt ein Fachwort dar:

- „Die Effizienz von Inotropika zur Verbesserung der Nierenfunktion ist bislang nicht definitiv belegt, wenngleich deren Einsatz im **Low-output-Syndrom** durchaus üblich ist“ (ÄW 40/2011, S. K-13).
- „**Restless Legs Syndrom** (RLS) ist der qualende Drang, die Beine, manchmal auch die Arme, zwanghaft bewegen zu müssen“ (ÄW 49/2011, S. 14).
- „Jede Patientin mit Verdacht auf Endometriose sollte einer histologischen Sicherung der Erkrankung zugeführt werden, spätestens vor Einleitung einer konservativen **Second-line-Therapie**“ (ÄW 46/2011, S. 10).
- „Momentan stellt die **Single-Port-Kolonresektion** die Operationsmethode mit der geringsten Invasivität dar“ (ÄW 41/2011, S. 10).
- „Neue Untersuchungen bescheinigen der **Single-Port-Kolonchirurgie** in diesem Bereich großes Potenzial für die Zukunft“ (ÄW 41/2011, S. 10).
- „Die mechanische Wundreinigung mit **Hydro-Surgery-Technologie** (Wasserstrahlentechnik) oder Ultraschall ist kostenintensiv...“ (ÄW 41/2011, S. 14).
- „Nach der Östrogenschwellenhypothese von Barbieri kann die **Add-back-Therapie** ... zur Nebenwirkungsprophylaxe eingesetzt werden“ (ÄW 46/2011, S. 10).
- „So sagte eine erhöhte arterio-venöse Ratio in der ARIC – Studie (**Follow-up Untersuchung** von 10358 Patienten) das Auftreten eines Schlaganfalls vorher...“ (DÄ 11/2011, S. 188).
- „Auch für die Therapie neuropathischer Schmerzen gehören Opiode zur **First-line-Medikation**“ (ÄW 41/2011, S. 24).

- „, dass bei schweren Formen einer Hypertonie nicht nur eine Retinopathie entstehen kann mit Gefäßveränderungen, Blutungen, ischämischen Zeichen (**Cotton-wool-Flecken**), Exsudaten bis hin zur seriösen Netzhautabhebung“ (DÄ 11/2011, S. 187).

Die Fachwörter haben die Form von Akronymen:

- „,SIL (**Single Incision Laparoscopy**) kann auch für komplexe Eingriffe am Darm eingesetzt werden“ (ÄW 41/2011, S. 10).

Das Sprachmaterial enthält auch hybride Bildungen, deren beide Bestandteile verschiedenen Sprachen angehören:

Hybride Bildungen:

deutsch-englisch

- „,Angeborene Hypothyreose und adrenogenitales Syndrom (AGS) sind behandelbare Endokrinopathien, die durch das **Neugeborenencreening** erfasst werden“ (DÄ1-2/ 2011, S. 14).
- „,Abnehmende Stoffwechselaktivität und damit gekoppelt eine verringerte Diversität von **Bakterienstrains** im Darm können Adipositas begünstigen“ (ÄW 49/2011, S. 22).

englisch-deutsch

- „,Ähnlich wie für die Risikobewertung bei Patienten mit isolierter **Bypass-Operation** [...] wurde das STS-Modell [...] untersucht“ (ÄW 40/2011, K 18).
- „, dass bei schweren Formen einer Hypertonie nicht nur eine Retinopathie entstehen kann mit Gefäßveränderungen, Blutungen, ischämischen Zeichen (**Cotton-wool-Flecken**), Exsudaten bis hin zur seriösen Netzhautabhebung“ (DÄ 11/2011, S. 187).
- „,So bietet die **Dosepainting-Planung** eine homogene Dosis –Verteilung in einen gewählten Tumorzielgebiet und eine festgelegte Dosisverminderung in einem kritischen Nachbarorgan (ÄW 15/2011, S. 12).

lateinisch-englisch

- Die Skelettszintigraphie und PET-CT-Untersuchung kann im Rahmen des **Tumorstagings** zur Aufdeckung weiterer ossärer Metastasen sowie im Verlauf für die Beurteilung der metabolischen Tumoraktivität genutzt werden (DÄ 5/2011, S. 72).

lat. tumere → ‚geschwollen sein‘

englisch-griechisch

- „Die häufigsten pathologischen zentralen Nystagmusformen sind Downbeat- (DBN) und **Upbeatnystagmus** (UBN)“ (DÄ 11/2011, S. 197).

gr. nystagmos → ‚Nicken‘

Die hybride Bildung besteht aus drei unterschiedlichen Wörtern, wovon jedes Wort einer anderen Herkunft ist:

griechisch-englisch-deutsch

- „Die mechanische Wundreinigung mit **Hydro-Surgery-Technologie** (Wasserstrahlentechnik) oder Ultraschall ist kostenintensiv ... (ÄW 41/2011, S. 14).

gr. hydor → ‚Wasser‘; *in Zusammensetzungen: hydro-*

griechisch-deutsch-englisch

- „Im Nutzen überschätzt würden sowohl das Brustkrebs- als auch das **Prostatakrebs –Screening**“ (ÄW 45/2011, S. 2).

gr. prostates → ‚Vorsteher‘

englisch-lateinisch – Griechisch-lateinisch:

- „Momentan stellt die **Single-Port-Kolonresektion** die Operationsmethode mit der geringsten Invasivität dar“ (ÄW 41/2011, S. 10).

lat. resecare → ‚abschneiden, beschneiden‘; *lat. porta* ‚Tür‘.

3.2. Semantische Analyse**Diagnostik nach Patientengruppe:**

- „Angeborene Hypothyreose und adrenogenitales Syndrom (AGS) sind behandelbare Endokrinopathien, die durch das **Neugeborenencreening** erfasst werden“ (DÄ 1-2/2011, S. 14).

Screening → ‚Vorsorgeuntersuchung‘, *Untersuchung asymptomatischer Personen mit dem Ziel, sie in Bezug auf die Zielkrankheit in solche mit hoher und niedriger Wahrscheinlichkeit, die Krankheit zu haben, einzuteilen.*

Diagnostik der Erkrankung

- „Die Ergebnisse der Autoren sind Grundlage für ... aktuelle Empfehlung zum **Tumor-Screening** bei HIV-positiven Personen“ (DÄ 8/2011, S. 8).
- „Im Nutzen überschätzt würden sowohl das Brustkrebs- als auch das **Prostatakrebs-Screening**“ (ÄW 45/2011, S. 2).

- „Ein **Tuberkulose-Screening** ist im Gegensatz zu Asylbewerbern und Spätaussiedlern nicht vorgeschrieben“ (DÄ 1-2/2011, S. A5).

Leistung des Organismus als Ziel der Untersuchung

- „Eventuell sind **Immun-Checks** nötig, die zeigen, ob und in welchem Ausmaß die Störungen vorliegen“ (ÄW 46/2011, S. 36).

Immun-Check → *Prüfung des Immunsystems, Test*

Reihenfolge / Frequenz der Untersuchung

- „So sagte eine erhöhte arterio-venöse Ratio in der ARIC-Studie (**Follow-up Untersuchung** von 10358 Patienten) das Auftreten eines Schlaganfalls vorher,...“ (DÄ 11/2011, S. 188).

Follow-up Untersuchung → *Nachuntersuchung, der Verlauf einer Krankheit wird untersucht.*

Testverfahren

- „Mit Hilfe des **Log-rank-Tests** kann man die Überlebenszeiten von 2 Gruppen miteinander vergleichen“ (DÄ 10/2011, S. 157).

Veränderungen im untersuchten Organ, Gewebe:

- „Verglichen mit den HIV-negativen war bei den HIV-positiven Patienten ein niedriger Performance-Status,... ein ungünstiges Duke-Stadium, ein schlechtes **Grading** festgestellt worden“ (DÄ 8/2011, S. 120).

Grading → *wird im Zusammenhang mit der Beurteilung eines Tumors benutzt, um den Differenzierungsgrad eines Tumors des Krebsgewebes anzugeben, d.h. das Ausmaß in dem es von den anderen Geweben abweicht.*

Therapien

- „da effektive ... wirksame chirurgische Therapiemaßnahmen zur Verfügung stehen, z.B. ... neochirurgische **Shunttherapie** (DÄ 8/2011, S. 131).

Shunttherapie → *Therapie mit Shunts ‚Nebenschluss, Verschiebung, Weiche‘, so wird eine Kurzschlussverbindung mit Flüssigkeitsübertritt zwischen normalerweise getrennten Gefäßen oder Hohlräumen bezeichnet.*

- „Jede Patientin mit Verdacht auf Endometriose sollte einer histologischen Sicherung der Erkrankung zugeführt werden, spätestens vor Einleitung einer konservativen **Second-line-Therapie**“ (ÄW 46/2011, S. 10).

Second-line-Therapie → *Zweitlinientherapie, die angewendet wird, wenn nach Abschluss der ersten Behandlung (Erstlinientherapie) ein Therapieerfolg ausbleibt.*

- „Nach der Östrogenschwellenhypothese von Barbieri kann die **Add-back-Therapie** ... zur Nebenwirkungsprophylaxe eingesetzt werden“ (ÄW 46/2011, S. 10).

Add-back-Therapie → *Behandlung mit Hormonen, indem geringe Menge bestimmter Hormone (z.B. Östrogen) zusätzlich verabreicht werden, um den Nebenwirkungen bestimmter Wirkstoffe entgegenzuwirken.*

Maßnahmen bei der Therapie

- „Für die Krebstherapie mit körpereigenen Abwehrzellen des Immunsystems auf Basis von sogenannten CIK-Zellen (Zytokin-induzierte **Killerzellen**) haben Ärzte des Universitätsklinikums Bonn ein internationales Register gestartet, um die Therapie weiter zu optimieren“ (DÄ10/2011, S. A535).

Zytokin-induzierte Killerzellen → *ein künstlich erzeugter Typ von NKT-Zellen des Immunsystems, zur Behandlung von Tumoren*

Verhalten des Patienten während der Therapie

- „Regelmäßig notwendige Kontrollen der Gerinnungswerte und gegebenenfalls Dosisanpassungen vermindern die **Compliance**“ (ÄW 41/2011, S. 13).

Compliance → *kooperatives Verhalten des Patienten im Rahmen der Therapie*

Chirurgische Eingriffe/Verfahren/Methoden

- „Ähnlich wie für die Risikobewertung bei Patienten mit isolierter **Bypass-Operation** [...] wurde das STS-Modell [...] untersucht“ (ÄW 40/2011, K 18).

Bypass-Operation → *Überbrückung eines krankhaft veränderten Blutgefäßabschnittes durch Einpflanzung eines Stückes einer meist körpereigenen Vene*

- „Momentan stellt die **Single-Port-Kolonresektion** die Operationsmethode mit der geringsten Invasivität dar“ (ÄW 41/2011, S. 10).

Single-Port-Kolonresektion → *laparoskopische Operation des Darmes; Einführung der jeweiligen chirurgischen Instrumente durch solitären Zugang am Bauchnabel, um Schmerzen zu vermindern, Narbe zu verstecken und die raschere Rückkehr in den Alltag zu beschleunigen.*

- „Die **Portimplantation** wird in Deutschland von Chirurgen und interventionellen Radiologen durchgeführt“ (DÄ 9/2011, S. 150).

Portimplantation → *Portanlage; Anlage des Portes (Port ,implantierbare Kammer mit Venenkatheter für die Langzeitzufuhr von Opiaten oder Zytostatika‘)*

- „Die mechanische Wundreinigung mit **Hydro-Surgery-Technologie** (Wasserstrahlentechnik) oder Ultraschall ist kostenintensiv ... (ÄW 41/2011, S. 14).

Hydro-Surgery-Technologie → *Wasserstrahlentechnologie* – *gewebeschonende Präparation der Zielstruktur bei möglichst geringer Irritation der umgebenden Gefäße, Nerven und bindegewebigen Zellverbände.*

Mikrobiologische Einheiten

- „Abnehmende Stoffwechselaktivität und damit gekoppelt eine verringerte Diversität von **Bakterienstrains** im Darm können Adipositas begünstigen“ (ÄW 49/2011, S. 22)

Bakterienstrains → *Bakterienstämme*

Krankheiten und Syndrome:

- „**Restless Legs Syndrom** (RLS) ist der quälende Drang, die Beine, manchmal auch die Arme, zwanghaft bewegen zu müssen“ (ÄW 49/2011, S. 14).
- „Die Effizienz von Inotropika zur Verbesserung der Nierenfunktion ist bislang nicht definitiv belegt, wenngleich deren Einsatz im **Low-output-Syndrom** durchaus üblich ist“ (ÄW 40/2011, S. K-13).

Low-output-Syndrom → *Versagen mit hochgradig reduziertem Herz-Minuten-Volumen und beträchtlichem Blutdruckabfall*

- „Die häufigsten pathologischen zentralen Nystagmusformen sind **Downbeat** (DBN) und **Upbeatnystagmus** (UBN)“ (DÄ 11/2011, S. 197).

Nystagmus → *die unkontrollierbaren rhythmischen Bewegungen eines Organs, üblicherweise der Augen*

Downbeatnystagmus → *zeigt aus der Position des Auges eine Schlagrichtung nach unten; Upbeatnystagmus* → *zeigt aus der Position des Auges eine Schlagrichtung nach oben*

Krankheitssymptome

- „dass bei schweren Formen einer Hypertonie nicht nur eine Retinopathie entstehen kann mit Gefäßveränderungen, Blutungen, ischämischen Zeichen (**Cotton-wool-Flecken**),

Cotton-wool-Flecken → *Veränderungen am Augenhintergrund im Rahmen von Augenerkrankungen (z.B. Zentralvenenthrombose) oder Allgemeinerkrankungen (z.B. Diabetes mellitus, Bluthochdruck, Kollagenose oder HIV)*

Krankheitsbild

- „Ein **Flare – up** der Erkrankung vor dem erwünschten Hypoöstrogenismus ist durch die agonistische Wirkung initial möglich“ (ÄW 46/2011, S. 10).

Flare up der Erkrankung → *Krankheitsschub, Verschlechterung des Krankheitsbildes*

Zustand des Patienten / Gesundheitsmassstäbe

- „Verglichen mit den HIV-negativen war bei den HIV-positiven Patienten ein niedriger **Performance-Status**,... ein ungünstiges Duke-Stadium, ein schlechtes Grading festgestellt worden“ (DÄ 8/2011, S. 120).

Performance → *Status beschreibt den physischen Zustand von Krebspatienten und dient der Quantifizierung des allgemeinen Wohlbefindens*

- „Da die Komorbiditäten hinsichtlich ihrer Krankheitslast nicht vergleichbar sind, wurden die Prozentsätze der einzelnen neu aufgetretenen Komorbiditäten mittels *disability – adjusted life years*‘ (DA-LY-s) gewichtet und aufsummiert (DÄ 10/2011, S. 157).

Disability –adjusted life years → *ein Mass für die Quantifizierung der Krankheitsbelastung ; DALY* → *das behinderungsbedingte Lebensjahr*

Pharmakologische Mittel – Medikamente und ihre Einnahme

- „Auch nach Einführung der **Biologicals** und damit der Verringerung der Kortisondosen bei entzündlichen rheumatischen Erkrankungen bleibt das Risiko hoch ...“ (ÄW 41/2011, S. 17).

Biologicals → *Biopharmazeutika; Arzneistoffe mit Mitteln der Biotechnologie und gentechnisch veränderten Organismen hergestellt werden.*

- „Auch für die Therapie neuropathischer Schmerzen gehören Opioide zur **First-line-Medikation**“ (ÄW 41/2011, S. 24).

First-line-Medikation → *Basismedikation*

Medizinische Geräte

- „Diese umfasst u.a. Katheter und **Stents**, Endoprothesen, chirurgisches Nahtmaterial, Produkte für Wundverschluss, Hämostase und Versiegelung“ (ÄW 49/2011, S. 20).

Stents → *Gefäßstütze aus Metall oder Kunstfasern, die in Gefäße oder Hohlgane eingesetzt wird, um sie zu stützen und offen zu halten*

- „Die Seitenwahl wird oft durch einseitige Mammakarzinome, Ulzera am Thorax, früher implantierte **Pacemaker**, vorbestehende einseitige venöse Thrombosen oder andere Umstände bestimmt“ (DÄ 9/2011, S. 150).

Pacemaker → *„Herzschrittmacher“ (HSM) ist ein in der Medizin verwendbares Gerät; es dient zur Behandlung von Patienten mit zu langsamen Herzschlägen (Bradykardie)*

Wortschatz der Allgemeinsprache

- „In einer aktuellen Fallkontroll-Studie aus Italien wurden Erscheinungsbild und **Outcome** bei HIV-positiven und HIV-negativen Patienten mit kolorektalen Karzinom (CRC) verglichen“ (DÄ 8/2011, S. 120).

Outcome → ‚Ergebnis‘

- „Aufgrund seines **Handicaps** benutzte er übermäßige Mengen an Parfüm“ (ÄW 20/2011, S. 5).

Handicap → ‚Behinderung‘

Fazit

Das analysierte Korpus enthält englische Fachwörter, die aus einem Wort, zwei Wörtern bestehen oder eine Wortgruppe bilden. Im Sprachmaterial wurden auch Akronyme registriert sowie hybride Bildungen, die aus dem Wortgut unterschiedlicher Sprachen aufgebaut sind (deutsch-englisch, englisch-deutsch, lateinisch-englisch, griechisch-englisch-deutsch; griechisch-deutsch-englisch; englisch-lateinisch-griechisch-lateinisch).

Die in den medizinischen Fachzeitschriften vorkommenden Fachwörter gehören unterschiedlichen medizinischen Fachgebieten an. Sie wurden nach semantischen Kategorien in Gruppen eingeteilt: diagnostische Untersuchungen (nach der Patientengruppe, Krankheit, Leistung des Organismus, Frequenz der Untersuchung, Testverfahren, pathologische Veränderungen in den untersuchten Organen), Therapien (Therapieart, Maßnahmen bei der Therapie, Verhalten der Patienten während der Therapie), mikrobiologische Einheiten, Krankheiten und Syndrome, Krankheitsbild, Symptome, Zustand der Patienten, pharmakologische Mittel, Gesundheitsmaßstäbe, Testverfahren, englische Wörter der Allgemeinsprache.

Die untersuchten englischen Fachwörter beziehen sich vor allem auf die Diagnostik, chirurgische Eingriffe, Krankheiten und Therapien. Die englischen Formen der dargestellten Fachbegriffe haben sich allem Anschein nach deswegen im deutschen Sprachraum eingebürgert, weil die jeweiligen Entdeckungen der neuen Krankheiten in den englischsprachigen Ländern stattgefunden haben. Auch ihre Untersuchungs- und Heilungsmethoden wurden wahrscheinlich zuerst in den englischsprachigen Ländern gründlich getestet und beschrieben, so dass der Name der Krankheit von diesem Sprachgebiet aus auf andere Sprachgebiete übergegangen ist. Das gleiche ist mit den Namen der Operationstechniken oder Medikamenten passiert, die von den Wissenschaftlern von außerhalb des englischen Sprachraumes angenommen worden sind.

In der internationale Medizinpublizistik beobachtet man zwei Trends. Erstens hat sich ein Kern von englischen Zeitschriften gebildet. Dieses Zentrum wird

durch die international bedeutendsten medizinischen Fachzeitschriften gebildet. Es umgibt ein Rand zahlreicher regionaler Zeitschriften. Das Verständigungsmittel der internationalen medizinischen Kongressen macht zwar die englische Sprache aus, doch der Patientenkontakt, die Verständigung mit den einheimischen Kollegen, die Lehre und auch ein Teil der Wissenschaft vollziehen sich immer noch in der deutschen Sprache²².

Allem Anschein nach ist im Englischen keine große Bedrohung für die deutsche Fachsprache der Medizin zu sehen. Das Englische könnte eher als eine Bereicherung des Deutschen betrachtet werden, die der deutschen medizinischen Sprache neue Termini bietet. Obwohl das Englische sicher weiter in der Wissenschaft verwendet wird, wird auch der deutsche medizinische Fachwortschatz in den deutschsprachigen Fachblättern sicher fortbestehen. Die Existenz der deutschsprachigen medizinischen Fachpresse widerlegt die Behauptung, dass die Medizin als ein rein englisches Fach angesehen werden sollte.

Literatur

- Baethge, Christopher. „Die Sprachen der Medizin“ *Deutsches Ärzteblatt* 105 (2008), 3. Zugriff am 2.07.2008. URL: www.thescientist.com/article/print/54513.
- Caspar, Wolfgang. *Medizinische Terminologie*. Stuttgart. New York: Thieme, 2007.
- Eckart, Wolfgang U. „Venter id est hwamba – „Sprach“-Geschichte der Medizin aus der Perspektive des Unterrichts“. In: *Handbuch Sprache in der Medizin*, Hg. Albert Busch, Thomas Spranz-Fogassy, 3–25. Berlin–Boston: de Gruyter, 2015.
- Holubar, Karl, Cathrin Schmidt. *Medizinische Terminologie und ärztliche Sprache*. Wien: Facultas.wuv, 2007.
- Friedbichler, Michael, Ingrid Friedbichler, Jens Christoph Türp. „Wissenschaftliche Fachkommunikation im Zeitalter der Globalisierung. Trends, Herausforderungen und Lösungsansätze für die Zahnmedizin im deutschen Sprachraum“. *Praxis und Fortbildung* 12 (2008): 1193–1202.
- Graddol, David. *English Next. Why global English may mean the end of English as a foreign language*. British Council, 2006, 14. Zugriff am 28.02.2018. <https://englishagenda.british-council.org/sites/default/files/attachments/books-english-next.pdf>.
- Jachym, Barbara. „Deutsch als Wissenschaftssprache, where are you? Einige Bemerkungen zu den Artikelüberschriften in der deutschen Onlinepresse“. *Glottodidactica* XLI (2014), 2: 87–98.
- Navarro, Fernando A. „Englisch oder Deutsch? Die Sprache der Medizin aufgrund der in der Deutschen Medizinischen Wochenschrift erschienenen Literaturangaben (1920–1995)“. *Deutsche Medizinische Wochenschrift* 121 (1996): 1561–1566.

²² Baethge, „Die Sprachen der Medizin“, 37.

- Roche, Jörg. „Deutsch als Wissenschaftssprache – Normorientierung zwischen Anglophilie, Anglomanie und Anglophobie“. In: *Texte im Spannungsfeld von medialen Spielräumen und Normorientierung, Pisaner Fachtagung 2014 zu interkulturellen internationalen Perspektiven der internationalen Germanistik*, Hg. Martine Dalmas, Marina Foschi Albert, Marianne Hepp, Eva Neuland, 89–108. München: Iudicium, 2015.
- Willmanns, Juliane C., Günther Schmitt. *Die Medizin und ihre Sprache*. Landsberg/Lech: Ecomed, 2002.

ENGLISH VOCABULARY IN GERMAN MEDICAL TERMINOLOGY OF THE JOURNALS

Abstract

Centuries long, the role of Latin in medicine was dominant. Currently, English has become the international language of medicine. The communication of clinicians and scientists from various countries takes place almost entirely in English. The contact with the patient, teaching and also a part of the science proceed in the mother tongue. English influences the language of medicine in the German-language journals, which contain many English terms and the German vocabulary is more and more often replaced by English forms. Examples of medical terms on the basis of German-language journal articles are presented in this article. These terms are either directly taken from English or they represent hybrid formations with German and English words. The collected body has been subjected to morphological and semantic analysis. It includes not only technical terms which consist of one word but also of word groups but also acronyms. The analyzed language concerns mainly terms related to diagnosis, surgical procedures, therapies or diseases. In the international medical journalism, you can distinguish the core and edge. The core which includes globally significant medical journals is surrounded by the edge of the regional medical periodicals. English increasingly enters more and more the German medical vocabulary, but this especially refers to new concepts related to new inventions in the field of medicine.

Keywords: medical vocabulary, languages for special purposes, medical journals, medical terminology, English loanwords

WYRAZY POCHODZENIA ANGIELSKIEGO W SŁOWNICTWIE
SPECJALISTYCZNYM NIEMIECKICH CZASOPISM MEDYCZNYCH

Abstrakt

W medycynie dominującą rolę odgrywała przez wieki łacina. Obecnie to język angielski stał się jej międzynarodowym głosem. Komunikacja między naukowcami i lekarzami z różnych krajów odbywa się w większości po angielsku. Jednakże kontakt z pacjentami a także kontakty między niemieckimi kolegami po fachu, nauczanie oraz część pracy naukowej są prowadzone w języku niemieckim. Język angielski wpływa na język medyczny w niemieckich czasopismach fachowych, które to coraz częściej zawierają dużo angielskich słów. W niniejszym artykule zostały zaprezentowane tego typu przykłady, opracowane na podstawie artykułów z niemieckojęzycznych czasopism. Terminy te albo zostały przejęte bezpośrednio z języka angielskiego lub też wraz z niemieckim członem wchodzi w skład tzw. hybryd. Zebrany korpus został poddany analizie morfologicznej i semantycznej. Zawiera on nie tylko pojedyncze słowa ale także grupy wyrazów, tworzących dany termin, a także akronimy. Zanalizowany materiał językowy obejmuje przede wszystkim terminy odnoszące się do badań diagnostycznych, zabiegów chirurgicznych, terapii i chorób. W międzynarodowej prasie medycznej można wyszczególnić centrum i peryferia. Centrum obejmujące czasopisma fachowe o znaczeniu międzynarodowym jest otoczone przez czasopisma o zasięgu krajowym. Język angielski wkracza coraz mocniej w niemieckie słownictwo medyczne, choć przede wszystkim przejmowane są nowe terminy angielskie, związane z najnowszymi osiągnięciami w zakresie medycyny.

Słowa kluczowe: słownictwo medyczne, języki specjalistyczne, czasopisma medyczne, terminologia medyczna, anglicyzmy

JĘZYKOZNAWSTWO

TOMASZ OBIAŁA*

Wydział Filologiczny Uniwersytetu Szczecińskiego

OPTIMALITY-THEORETIC APPROACH TO THE SYLLABLE IN LARDIL

The aim of the present study is to examine selected aspects of the phonology of Lardil with the use of Optimality Theory (OT) pertaining to the syllable structure. Lardil, also known as Kunana, Ladil, Laierdila or Lardill, is the language used by fifty four speakers (mostly semi-speakers) of Mornington Island, located in the state of Queensland, Australia. This particular language has been chosen for the analysis as it undergoes a number of interesting phonological processes. While some of these processes can be explained by employing the OT mechanisms, others seem to indicate that this theory still lacks in providing exhaustive explanation of linguistic phenomena and thus should be expanded and/or modified. The datasets that are analysed have been extracted from the Lardil dictionary¹ and illustrate a number of characteristics of this nearly extinct aboriginal language of Northern Australia.

The rudiments of Optimality Theory

The theoretical framework used for the present analysis is Optimality Theory that is a constraint-based mapping. The major sources for the theory are Prince and

* Tomasz Obiała – magister, wykładowca w Instytucie Anglistyki Uniwersytetu Szczecińskiego; e-mail: tomasz.obiala@usz.edu.pl

1 Ken Hale, Ngakulmungan Kangka Leman, *Lardil dictionary: a vocabulary of the language of the Lardil people, Mornington Island, Gulf of Carpentaria, Queensland: with English-Lardil finder list* (Gununa, Queensland: Mornington Shire Council, 1997).

Smolensky², and McCarthy and Prince.³ Let us use, however, Hammond's proposal⁴ as the base for a very concise, though simplistic, overview of the constraint tableau.

Table 1

/input/	Constraint1	Constraint2
Output1		*
Output2	*!	

A pairing of underlying and surface forms is to be found to the left of the tableau. The *input* being the underlying form of the morpheme is always given in the slashes // in the upper left corner. The surface forms, i.e. different possible outputs 1, 2, ..., are to be found below the input, again to the left of the table. The constraints that are relevant for the analysis are given in the headings of the remaining columns (*Constraint1 Constraint2*) and are generated by 'Gen'. An asterisk (*) is used to indicate a constraint violation, an exclamation mark shows a crucial violation whereas the pointing finger/hand indicates the winning candidate.

For each underlying representation a number of output candidates are generated. These candidates are then evaluated by a choice of output constraints. Not all the constraints need to be satisfied. It should be borne in mind, however, that although the constraints are indeed violable, we would expect the winning (optimal) candidate to violate a minimal number of constraints, necessarily most low-ranked (i.e. this one which is placed to the right side of the chart).

Minimal word in Lardil

The minimal word in Lardil is bisyllabic⁵ and each syllable requires an onset (a vowel peak). Therefore, Lardil accepts only the following pattern of a word/syllable: CV(C). CV(C). Consider the following tableaux presenting words *river* and *sea* respectively:

2 Alan Prince, Paul Smolensky, *Optimality Theory: Constraint interaction in generative grammar. Technical Report No.2* (New Brunswick, 1993).

3 John McCarthy, Alan Prince, "Prosodic morphology", in: *Constraint interaction and satisfaction. Rutgers Technical Report TR-3* (New Brunswick, 1993).

4 Michael Hammond, *The phonology of English: A prosodic optimality-theoretic approach* (Oxford: Oxford University Press, 2003).

5 Ken Hale, "Deep and surface canonical disparities in relation to analysis and change: an Australian example", *Current Trends in Linguistics* 11 (1973), 412.

Table 2

/ketar/ + in	ONSET	MAXI-O
ke.ta.r-in		
ke.ta.-in	*!	*

Table 3

/mela/ +in	ONSET	MAXI-O
me.la.-in	*!	
me.la-n		*

We must bring in two constraints: ONSET i.e. all syllables must have onsets and MAXI-O i.e. the correspondence between the input and the output which defines that we are not allowed to delete anything from the input in order to form the output. It is important to keep the ranking of these constraints as the following: ONSET >> MAXI-O, whereby the ONSET constraint is more important to be satisfied than the MAXI-O constraint. Thus, we do not yield a complex structure of two consecutive vowels (e.g. *mela-in) which is disallowed in Lardil on the same grounds as a two-consonant cluster in a tautosyllabic environment. This is governed by a constraint which does not yet have to be introduced here, namely *COMPLEX. In the light of the tableaux above, it can be observed that the most important condition here is to obtain an onset even at the cost of deleting (or unparsing) a vowel, which would eventually violate the most highly ranked constraint. The vowel can be not parsed also owing to the fact that even if the word is devoid of it, it remains within the minimal word requirement of two moras as in Lardil only vowels are recognized as moraic.

At this point it is necessary to introduce another constraint operative in this language: CodaCond. This constraint limits the consonants which can be found in the codas of Lardil. In Lardil they may be either [-distributed] coronals or placeless nasals. According to the analysis in the tableaux below one can observe that CodaCond must be superior to all other constraints so that the coda consonant yielded is correct according to the phonology of Lardil. However, it should be mentioned that one may have to introduce another constraint FAITHOBSTR (an element that is an obstruent in the input remains an obstruent in the output; we probably need not add that a given obstruent must be [-distributed] as this is yielded by the CodaCond constraint). This constraint would prevent the output from having a final consonant that is not in concordance with the one found in the input. It will also favour the candidate that is, indeed, the one that is the uninflected nominative form of the given word. This is in order for candidates (especially the optimal candidate) to be as faithful to the input as possible.

Table 4

/jaɾpuɿ/	CodaCond	FAITHOBSTR	MAXI-O
/jaɾput/			*
/jaɾputj/	*!		*
/jaɾpuɿ/	*!		
/jaɾpun/		*!	*

Table 5

/ŋam.piɿ/	CodaCond	FAITHOBSTR	MAXI-O
/ŋam.pit/			*
/ŋam.pij/	*!		*
/ŋam.piɿ/	*!		
/ŋam.pil/		*!	*

Table 6

/kal.tjiɿ/	CodaCond	FAITHOBSTR	MAXI-O
/kal.tjit/			*
/kal.tjiɿ/	*!		*
/kal.tjitj/	*!		
/kal.tjil/		*!	*

When one wants to obtain an uninflected nominative form from a future accusative and when the stem has 3 vowels (syllables), this will involve unparsing of the word-final vowel (see tableau for /jalulu/). One can observe that in this case it is favourable not to parse the final vowel rather than keep faithful to the output. However, in the previous example we were confronted with word, indeed, ending in vowels. This was possible due to the following ranking of constraints: BimorMin >>*VWORD>>MAXI-O. BimorMin stands for ‘words must be minimally bimoraic’ and *VWORD stands for ‘words must not end in vowels’. Since we know that in the phonology of Lardil only vowels are moraic (short vowels carry one mora and long vowels carry two), it is indispensable for a word to have at least two vowels to constitute a minimal word in that language. To meet this requirement, we must place the BimorMin above any other constraints. Having done so, exempts us from the obligation to unparse the word final vowel in an example with the word /kela/:

Table 7

/jalulu/	*VWORD	CodaCond	ONSET	MAXI-O
ja.luɭ				*
ja.lu.lu	*!			

Table 8

/kela/	BIMORMIN	*V _{WORD}	CODACOND	ONSET	MAX _{L,O}
/ke.la/		*			
/kel/	*!				*

Table 9

/wanka/	BIMORMIN	*V _{WORD}	CODACOND	ONSET	MAX _{L,O}
/wan.ka/		*			
/wank/	*!		*		*

The word /kantukantu/ (red) will be given here as an example for the analysis of longer lexical items. If we accept the ranking from the previous set, we are bound to yield an output of /kantukant/ which CodaCond does not seem to resolve. Therefore, it could be suggested that another constraint be introduced: *Complex. This would disallow any word-final consonant clusters and favour the candidate we are aiming at. By and large, it could also be claimed that the previously mentioned constraint CodaCond is amended and expanded. Not only could it limit which consonants can be found in the coda, but it could also state that there can only be one such consonant there. Under such circumstances the second tableau seems more appropriate.

Table 10

/kantukantu/	*Complex	BimorMin	*VWORD	CodaCond	ONSET	MAXI-O
kan.tu.kan						*
kan.tu.kan.tu			*!			
kan.tu.kant	*!					*

Table 11

/kantukantu/	BIMORMIN	*V _{WORD}	CODACOND	ONSET	MAX _{L,O}
kan.tu.kan					*
kan.tu.kan.tu		*!			
kan.tu.kant			*!		*

If we take the word for a ‘wooden axe’ /muŋkumuŋku/, it seems we yield two winning candidates that are very much different – one of them being the full form derived from a non-future accusative by removing the inflection marker, the other one having all unnecessary/impermissible segments deleted (unparsed).

Table 12

/muŋkumuŋku/	BimorMin	*VWORD	CodaCond	ONSET	MAXI-O
muŋ.ku.mu<ŋ.ku>		*?			***
muŋ.ku.muŋ.ku		*			
muŋ.ku.muŋk<u>			*!		*
muŋ.ku.muŋ<ku>			*!		**

An analysis of another example, /puʈuka/, leads us to a situation where a wrong candidate wins, even though it ends in a dorsal segment which is not allowed in the coda position.

Table 13

/puʈuka/	BimorMin	*VWORD	CodaCond	ONSET	MAXI-O
/puʈuka/		*			
/puʈuk/			*		*
/puʈu/		*			*
/puʈ/	*				*

As for the third and last example taken here to prove the inaccuracy of the rankings, it is worth looking at the word /ŋawuŋawu/.

Table 14

/ŋawuŋawu/	BimorMin	*VWORD	CodaCond	ONSET	MAXI-O
/ŋa.wu.ŋa.wu/		*			
/ŋa.wu.ŋaw/			*		*
/ŋa.wu.ŋa/		*			**
/ŋa.wuŋ/					***

In this case, the winning candidate is /ŋawuŋ/ which is perfectly all right with the coda requirements, nevertheless does not match the real life language situation. One could also try experimenting with a constraint pertaining to parsing/unparsing of certain elements which might help to yield slightly better outputs. However, it

seems that reranking constraints or adding some new ones does not help at all. In the above, what has been shown is a more orthodox approach to the OT. As it is a non-derivational approach, it does not allow us to yield a candidate that we would like to. This, as a result, brings us to a point where a need for further OT developments arises. The theory, as used in this study, seems to be lacking in some elements that could form substitutes for certain aspects of derivational phonology. In the very last data sets presented here, we confronted successive rule application that could not be carried out due to the underdevelopment of the theory. We could not have any kinds of intermediate levels that would allow us to move from one output to another via an in-between stage. Moreover, we could not see any history of the output – OT makes it a one-step process and so there is not any break-up of encoded processes involved.

Conclusions

Having provided a number of Optimality Theoretic analyses above, one can observe that this framework can explain a number of phonological features of Lardil. The minimal word in Lardil must always have an onset and this can be yielded by ranking the constraint ONSET (all syllables must have onsets) to the very left of our constraint scale. With regard to permissible codas, CodaCondition was employed as it allows yielding only such candidates which contain segments such as [-distributed] coronals or placeless nasals that are the only phonemes allowed in this position within the syllable. Moreover, as presented in the tableaux above, the phonology of Lardil makes use of yet another constraint that allows yielding words that are minimally bimoraic. Such a constraint always takes priority over any other so that the output candidates will comprise two short vowels. Nevertheless, the last three items have displayed a number of problems with Optimality Theoretic analyses of Lardil. First of all, as seen in the example of /muŋkumuŋku/, an OT approach yields two candidates based on the ranking that worked for previous candidates. In the case of /puŋtuka/, the winning candidate is not the surfacing representation that the language tends to use on a regular basis. Finally, /ŋawuŋawu/ is yet another example where the winning candidate does not correspond to what users of Lardil would produce as their target forms. Taking all of the above into consideration, one may observe that although Optimality Theory leads to yielding a number of outputs that are, indeed, used in Lardil, it may also give some wrong candidates a priority over the ones which are produced in actual, everyday utterances. All in all, Optimality Theory still needs to be verified and expanded as it may not explain all the phonological processes we encounter in the languages of the world.

References

- Ethnologue. Accessed 21.10.2017. <https://www.ethnologue.com/language/lbz>.
- Hale, Ken. "Deep and surface canonical disparities in relation to analysis and change: an Australian example". *Current Trends in Linguistics* 11 (1973): 408–458.
- Hale, Ken, Ngakulumungan Kangka Leman. *Lardil dictionary: a vocabulary of the language of the Lardil people, Mornington Island, Gulf of Carpentaria, Queensland: with English-Lardil finder list*. Gununa, Queensland: Mornington Shire Council, 1997.
- Hammond, Michael. *The phonology of English: A prosodic optimality-theoretic approach*. Oxford: Oxford Univeristy Press, 2003.
- McCarthy, John, Alan Prince. "Prosodic morphology". In: *Constraint interaction and satisfaction. Rutgers Technical Report TR-3*. New Brunswick: 1993.
- Prince, Alan, Paul Smolensky. *Optimality Theory: Constraint interaction in generative grammar. Technical Report No.2*. New Brunswick: 1993.

Abstract

The aim of the study is to examine the structure of the syllable in Lardil, a North Australian language, in order to yield possible clusters as well as the minimal word in this language, based on data sets collected from the Lardil dictionary by Ken Hale. The methodology framework used for this study is Optimality Theory whose constraint-based mapping is employed to explain a number of phonological processes that this language undergoes, such as deleting impermissible segments, creating words that are bimoraic or syllables that end in permissible codas, i.e. comprising of [-distributed] obstruents. The results of the study show that Optimality Theory is not always successful at yielding candidates that the speakers of Lardil would produce and hence have displayed a number of problems with an Optimality-theoretic analysis of Lardil. The study shows that in certain cases the winning candidates are not the phonological realizations that everyday users of Lardil would produce themselves. Finally, in the analysis there have also been cases where there are two (contradicting) winning candidates. The conclusions prove that Optimality Theory is yet to be expanded and modified as the case of Lardil shows that it may lead to yielding candidates that are non-existent in a language.

Keywords: syllable, optimality theory, Lardil

SYLABA W JĘZYKU LARDIL W UJĘCIU TEORII OPTYMALNOŚCI

Abstrakt

Celem opisanych w artykule badań jest analiza sylaby w języku lardil, używanym przez mieszkańców północnej Australii, aby wykazać, jak wygląda struktura możliwych zbitek spółgłoskowych, jak również minimalne słowo w tym języku. Dane poddane analizie pochodzą ze słownika języka lardil przygotowanego przez Kena Hale. Metodologia badań odwołuje się do teorii optymalności, która poprzez zastosowanie rankingu ograniczeń wyjaśnia szereg procesów fonologicznych, które mają miejsce w języku. Procesy, które są analizowane w artykule to, m.in., tworzenie słów posiadających dwie mory lub redukcja takich spółgłosek w wygłosie sylaby, które nie spełniają zasad fonotaktyki języka lardil. Wyniki badań pokazują, że teoria optymalności nie zawsze w sposób adekwatny wyjaśnia działanie procesów fonologicznych w języku lardil. W badaniu napotkano zjawiska fonologiczne, które w wyniku analizy z zastosowaniem teorii optymalności, nie pozwalają sformułować jednoznacznej odpowiedzi jeśli chodzi o tzw. „kandydatów wygrywających”. W kilku przypadkach zastosowana teoria udowodniała, że w języku lardil obowiązującą realizację fonologiczną stanowi „kandydat”, który jest niezgodny z formą stosowaną przez rodzimych użytkowników tego języka. W innych przypadkach zaobserwowano, że teoria optymalności wskazuje na dwie przeciwstawne formy, które powinny obowiązywać w tym języku, podczas gdy rodzimi użytkownicy języka (biorąc za podstawę słownik języka lardil) stosują tylko jedną z tych realizacji fonologicznych. Wniosek z przeprowadzanego badania skłania do dalszych prac nad teorią optymalności polegającą na rozbudowie i/lub modyfikacji jej fundamentalnych zasad tak, aby mogła mieć zastosowanie do analizy szerszej liczby języków świata.

Słowa kluczowe: sylaba, teoria optymalności, lardil

JEZYKOZNAWSTWO

JAKUB OLAS*

Wydział Filologiczny Uniwersytetu Szczecińskiego

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКОЙ ДЕРИВАЦИИ. НА МАТЕРИАЛЕ ПАРЕМИЙНЫХ НЕОЛОГИЗМОВ В СОВРЕМЕННЫХ ПОЛЬСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ – К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА

Интерес к паремиологии и паремиографии, вопросами которых занимаются учёные с разной интенсивностью уже несколько сотен лет, в последнее время возродился даже среди пользователей языка, не являющихся специалистами в области лингвистики и лингвокультурологии. Динамика роста фреквенции паремий в языке последнего двадцатилетия является полной негацией замечаний ученых о том, якобы паремии исчезали из языка по разным поводам – социолингвистическим изменениям основ, на которых традиционно возникали паремии на рубеже XIX и XX веков, потери актуальности содержания функционирующих раньше в языке паремий в связи с изменениями общественных нравов, убеждений, верований и этических норм общества. Д. Буттлер указывала также на внутриязыковые причины этого исчезания – наличие диалектизмов, архаических выражений, неясных для носителей языка в XX веке¹. Конечно, можно говорить о элиминации большой группы паремий XIX века, но среди них находились также такие примеры, к которым нельзя применить ни одного из вышеупомянутых критериев², что становится очередной головоломкой загадочного мира паремиологии.

* Jakub Olas – magister, Instytut Filologii Słowiańskiej, Wydział Filologiczny Uniwersytetu Szczecińskiego, studia doktoranckie, II rok – językoznawstwo, opiekun naukowy: dr hab. Tomasz Szutkowski. Główne zainteresowania badawcze: paremiologia, lingwistyka komputerowa i przekładoznawstwo, e-mail: jakub.olas@gmail.com

1 Danuta Buttler, „Dlaczego zanikają przysłowia w dwudziestowiecznej polszczyźnie?”, *Poradnik Językowy* 5 (1989): 332–333.

2 *Ibidem*: 334.

Традиционные паремии получают новую жизнь в виде паремийных неологизмов. Исследования этого явления на славянской почве только что начались, а первый опыт его лексикографического отражения представлен в словаре Антипословицы русского народа³, авторами которого являются настоящие корифеи современной паремиологии – Х. Вальтер и В. М. Мокиенко. Термин антипословица, укреплен на славянской почве Харрим Вальтером и Валерием Мокиенко, был введен в научный обиход Вольфгангом Мидером для описания трансформированных единиц, используемых в материалах прессы Европы и США. Однако, этот термин является новым для лингвистики, и лишь немногие специализированные словари дают его дефиницию, хотя в русском языке мы встречаем наряду с узким понятием антипословица более широкие понятия антифраза, антикрылатая фраза, антикрылатое выражение, антиафоризм. Термин антипословица обозначает речевые образования весьма широкого круга – пословицы, являющиеся смысловыми антиподами традиционных паремий⁴. Стоит подчеркнуть, что термин этот был оспорен в среде славистов, так как использование префикса анти- предполагает, что антипословица является антонимом пословицы, хотя у пословицы нет онтологически противоположного понятия⁵, а Б. Норман утверждает, что антипословицы анти- только потому, что они вторичны по отношению к исходным формам паремий, на основе которых они созданы⁶. Для того, чтобы избежать логического противоречия М. Алексеенко предложил употреблять термин паремийная трансформа, который кажется более соответствующим явлению, которое называет⁷. Несмотря на логические сомнения, многие паремиологи последовательно предпочитают употреблять термин антипословица по отношению к преобразованиям паремийных единиц разного типа. В настоящей работе термин паремийная трансформа употребляется наряду с термином паремийный неологизм, который указывает не только на вторичность рассматриваемых единиц, но и их новаторство.

В ряде лингвистических трудов отмечено, что трансформации идиом настолько частотны в речи, что практически являются они нормой их употребления. По наблюдениям А. Л. Кюрегян, это ещё в большей степени характерно для пословиц. В корпусе эмпирического материала, собранном А. Л. Кюрегян, в той или иной мере видоизмененные пословицы встречаются в текстах чаще,

3 Харри Вальтер, Валерий Мокиенко, *Антипословицы русского народа* (Санкт-Петербург: Нева, 2005).

4 Ольга Антонова, „Антипословицы как средство функциональной модификации медиадискурса (на материале прессы Великобритании и США)”, *Вестник СамГУ* 3 (2010): 97.

5 Tomasz Szutkowski, *Współczesna paremiografia rosyjska i polska. Stan – problemy – perspektywy* (Szczecin: Volumina.pl, 2015), 349.

6 Борис Норман, цит. за: Szutkowski, *Współczesna paremiografia*, 349–350.

7 Михаил Алексеенко, цит. за: Szutkowski, *Współczesna paremiografia*, 350.

чем их исходные формы. Кюрегян объясняет такую ситуацию тем, что „канонические формы, выражающие всем известные банальности, малоинформативны, скучноваты и несут в себе оттенок нудной назидательности и педантичности; стремление избавиться от этого побуждает коммуникантов к языковой игре, привносящей оригинальность и остроумие в процесс общения. Кроме того, разнообразие идей, которые требуется выразить в тех или иных конкретных ситуациях, заставляет продуцентов речи „вливать новое вино в старые мехи“, приспособляя общие мысли к частным обстоятельствам коммуникации”. Кюрегян пишет о провербиальном коде – одном из множества кодов, с помощью которых члены культурно-языкового коллектива высказывают свои мысли и общаются друг с другом, благодаря тому, что он известен всем носителям данной лингвокультуры. Автор неслучайно использует здесь термин код, потому что речь не идёт о совокупности всех застывших пословиц. Именно знание кода позволяет коммуникантам широко варьировать канонические формы пословиц, приспособляя их к конкретным денотатным ситуациям⁸. Об эффекте узнавания любой трансформы пословицы, описываемом В. Мидером, вспоминали в предисловии к своему словарю антипословиц Х. Вальтер и В. Мокиенко. Эффект этот по их мнению является необходимым условием популярности и функционирования паремийного неологизма⁹.

Особенное влияние на динамику использования паремий в виде их трансформ оказали общественно-политические и технологические перемены последних 25 лет – демократизация стран бывшего восточного блока со всеми своими последствиями стала источником явлений неслыханных масштабов – размываются границы между высокой и разговорной речью, процесс генологической дезинтеграции стал видным на почве функциональных стилей (особенно публицистического стиля), углубились тенденции коллоквиализации и вулгаризации речи, а в XXI веке, когда доступ к глобальным формам якобы анонимной коммуникации стал для человека элементом повседневной жизни, разговорный стиль стал функционировать в письменной форме¹⁰. Все эти факторы оказали влияние на процесс возрождения паремии. Этот ренессанс паремии в ее новой форме можно рассматривать как элемент современного этапа развития русского языка, который часто называют эпохой карнавала. Термин карнавализация, введенный М. М. Бахтиным применительно к литературе, как нельзя более точно характеризует стиль современной русской, но и польской речи. В центре теории карнавала стоит идея об „инверсии двоичных противопоставлений”, т. е. переворачивании смысла бинарных оппозиций.

8 Амалия Кюрегян, „Окказиональная вариативность пословиц и некоторые закономерности их порождения”, *Вестник СамГУ* 5 (2007), 1: 25.

9 Вальтер, Мокиенко, *Антипословицы*, 4–9.

10 Szutkowski, *Współczesna paremiografia*, 348–349.

Под карнавализацией понималась „транспонировка карнавала на язык литературы”¹¹. Применительно к современному русскому языку – это реакция общества на глубочайший слом привычной жизни, смешение высокого и низкого, трагического и смешного, смысла и бессмыслицы, языкотворческая игра, стеб, желание развлечь себя и собеседника, проявить свое остроумие, „языковой вкус”, стремление выявить скрытые смыслы слова и показать их в необычном ракурсе¹². Ярким проявлением карнавализации стала игра с пословицей – единицей, которая считается довольно устойчивым символом языковой и народной традиций.

Следует отметить, что часть паремиологического фонда существует лишь в одной исходной эксплицитной форме, тем не менее, многие поговорки приобретают новые формы, так как являются они микрожанрами народного творчества, до эпохи Интернета чаще всего выступающими в живой разговорной речи, передаваемыми из уст в уста, что детерминировало более-менее сознательные и умышленные модификации используемых в них языковых средств¹³. Вопросом вариативности пословиц занималась Е. И. Селиверстова, которая утверждает, что существует несколько факторов, которые влияют на потенциал пословицы к генерированию альтернативных вариантов, позволяющих сохранить ее первичный смысл. Селиверстова считает, что своеобразным катализатором в этом случае могут быть некоторые логическо-синтаксические модели поговорок, а также подвергающиеся субституции образные компоненты, напр. *Работа [не волк (медведь), в лес] не убежит; Работа [не черт, в воду] не уйдет; Дело [не медведь, в лес] не уйдет; Дело [не голуби] – не разлетятся; Дело [не воробей] – не улетит; Дело [не сокол] – не улетит*. Все варианты используются в одном значении: работу можно отложить, хотя отличаются друг от друга лексическим составом и метафорическим образом. В некоторых поговорках изменяется лишь грамматическая форма одного из компонентов, в других компонент заменяется полностью синонимическим словом, в поговорках с бинарной структурой возможна замена одного из членов – в каждом варианте исходный смысл сохраняется – это семантическая стабильность, несмотря на формальную альтернацию компонентов возможна благодаря смысловой компактности и метафоричности¹⁴.

Однако, нельзя эту смысловую стабильность путать с однозначностью, потому что поговорка должна рассматриваться как знак ситуации, облада-

11 Михаил Бахтин, *Проблемы поэтики Достоевского* (Москва: Советская Россия, 1979), 141.

12 Людмила Степанова, „Гра і фразеологічна картина світу (на матеріалі російської і чеської мов)”, *Учені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія: Філологія. Соціальні комунікації* 2 (2012): 121–126.

13 Szutkowski, *Współczesna paremiografia*, 343.

14 Елена Селиверстова, цит. за: Szutkowski, *Współczesna paremiografia*, 343.

ющий неограниченными возможностями ситуативного употребления – это же своеобразная „полисемия” пословицы, которая снимается в конкретном контексте, как и при употреблении любого языкового знака с тем отличием, что, например, у многозначного слова число значений ограничено, а у пословицы – нет. Данное противопоставление („полисемия” пословицы – многозначность слова) требует уточнения, ведь, например, некоторые оценочные слова, употребляемые в конкретных актах речи, могут быть отнесены к такому же неограниченному количеству обозначаемых. Можно в таких случаях говорить о денотативной неопределенности слова или устойчивого сочетания, т. е. о неограниченном „разбросе” денотативной соотнесенности языковой единицы. Т. Никитина утверждает, что в данном случае, чтобы подчеркнуть семасиологический аспект проблемы, лучше использовать термин смысловый потенциал пословицы. Объяснением для объема смыслового потенциала и денотативного диапазона пословицы является „многоинтерпретируемость пословичного тропа” в значении возможности неоднозначной трактовки ее метафорического образа¹⁵. Этот подход убеждает нас в том, что пословица может пониматься как художественный микротекст и одновременно языковой знак иконического типа¹⁶. Никитина замечает, что при разработке паремий довольно редко говорится о их новых семантических нюансах, неизбежно появляющихся при адаптации языковых единиц к современным реалиям – древние народные изречения получают новые узуальные значения, пока не нашедшие отражения в современных словарях¹⁷. Пословицы требуют актуализации, но актуализируются не только значения, но и форма. Так понимаемая вариантность пословицы, а также ее известность среди носителей языка являются одними из основ процесса формирования паремийных неологизмов и проявляются в них особенно четко – если в случае традиционных форм пословиц мы можем заметить ее только в определенной ситуации, в конкретном контексте, в конкретном акте речи, то во многих трансформированных паремиях она закрепляется.

В. Мокиенко и Х. Вальтер заметили, что паремийные трансформы подчиняются тем же законам преобразования паремий, что и пословицы, давно вошедшие в литературный обиход, а их детализированная типология укладывается в ряд 8 потенциальных преобразований идиом и пословиц, описанных лексикографически для материала литературного русского языка: 1) стандартные преобразования; 2) структурные (структурно-семантические) преобразования; 3) трансформации, основанные на предварительном вычленении ключевого

15 Ibidem, 343.

16 Наталья Михайлова, „Антропонимическая паремия как объект реализации наивной картины мира в немецкой лингвокультуре”, *Научный журнал КубГАУ* 71 (2011): 693.

17 Татьяна Никитина, „Современное состояние семантики паремий: пословица”, в: *Język. Człowiek. Dyskurs*, red. Mirosława Hordy et al. (Szczecin: PRINT GROUP, 2007), 133–146.

компонента; 4) окказиональные единицы; 5) семантические трансформации; 6) образование окказиональных единиц по модели языковой единицы; 7) авторская паремия, основанная на использовании языковой паремии; 8) слово, окказионально образованное (переосмысленное) на основе паремии. На основе собранного материала В. Мокиенко и Х. Вальтер заметили, что одним из самых частотных видов трансформ являются замены компонентов, которые дают и форме, и семантике традиционной паремии другую смысловую проекцию¹⁸.

Целью настоящей работы является обращение внимания читателей именно на вопрос лексических источников паремийных трансформаций в польском и русском языках, созданных по принципу субституции отдельных компонентов, так как форма настоящей работы заставляет автора выбрать лишь небольшую репрезентативную группу паремийных неологизмов из огромного количества доступного материала.

Предметом анализа стали паремийные неологизмы, созданные на основе пяти пословиц, отмеченных в паремиологическом минимуме Г. Шпили¹⁹, а также их русские эквиваленты выбранные по критерию как можно наиболее полного сходства формы:

Польские пословицы	Русские эквиваленты
Baba z wozu, koniom lżej	Баба с возу – кобыле легче
Kuj żelazo póki gorące	Куй железо, пока горячо
Lepszy wróbel w garści niż gołąb na dachu	Лучше синица в руке, чем журавль в небе
Nie taki diabeł straszny jak go malują	Не так страшен черт, как его малюют
Niedaleko pada jabłko od jabłoni	Яблоко от яблони недалеко падает

Основным источником фактографического материала является польско- и русскоязычное Интернет-пространство. Эксерпция польскоязычного материала была проведена путём сплошной выборки с помощью поисковой системы Google. Русскоязычный материал был собран А. Резниковым в его словаре *Russian Anti-Proverbs of the 21st Century. A Sociolinguistic Dictionary*²⁰. Однако, А. Резников не включил в свой словарь пословиц Как постелешь, так и выпишься <поспишь> и Друзья познаются в беде, поэтому автор решил сделать эксцерпцию самостоятельно для этих двух примеров при помощи этих же методов, какие использовал при эксцерпции польскоязычного материала. Стоит подчеркнуть, что А. Резников не включил в свой словарь паремийных трансформ, являющихся результатом языковой игры пользователей Интернета,

¹⁸ Вальтер, Мокиенко, *Антипословицы*, 13.

¹⁹ Grzegorz Szpila, *Krótko o przysłowiu* (Kraków: Collegium Columbinum, 2003), 104–105.

²⁰ Andrey Reznikov, *Russian Anti-Proverbs of the 21st Century. A Sociolinguistic Dictionary* (Burlington: Proverbium, 2012).

созданных ради развлечения, без определенного контекста. Этому принципу следовал также автор настоящей работы.

Собранный материал указывает на то, что пословицы могут содержать слова, которые являются своеобразными генераторами трансформ. Эти слова-генераторы заменяются другими лексемами чаще остальных компонентов паремий. Самое большое количество субститутов (56) в собранном материале относится к компоненту *diabeł* в пословице *Nie taki diabeł straszny jak go malują*: *diabeł* → *wilk*, *Chrome OS*, *szczur*, *Photoshop*, *kredyt*, *Eiger*, *chiński*, *gad*, *leasing*, *komornik*, *chlōniak*, *Iran*, *bobas*, *Duda*, *strych*, *Lech*, *krach*, *żłobek*, *Raków*, *konflikt*, *cholesterol*, *gluten*, *stres*, *remake*, *dentysta*, *tuszczyk*, *Chińczyk*, *gramofon*, *Excel*, *Linux*, *Francuz*, *Arab*, *Ajax*, *remont*, *fiskus*, *nastolatek*, *urolog*, *bloger*, *Twitter*, *powiat*, *Zakręt*, *poker*, *szpital*, *metal*, *gender*, *róż*, *telemarketing*, *Nergal*, *PIT*, *bulterier*, *pitbull*, *duplikat*, *ateista*, *ZUS*, *bank*, *VAT*. Русский эквивалент черт (Не так страшен черт, как его малюют) генерирует лишь 6 трансформ: черт → грипп, штраф, кризис, счетчик, Дойч, бакалавр, что может быть связано с более низкой популярностью этой пословицы среди носителей русского языка. Кстати, паремийные неологизмы созданные на основе этой пословицы могут свидетельствовать о ее полисемии. Компоненты *diabeł* и черт заменяются словами, которые можно отнести к двум группам – ‘что-то вызывающее страх’ (польск. *wilk*, *szczur*, *gad*, *dentysta*, *bulterier*, *pitbull*, *szpital*... рус. грипп, кризис) и ‘что-то сложное’ (польск. *Photoshop*, *Excel*, *Linux*, *PIT*, *VAT*, *poker*, *chiński*, *remont*... рус. дойч, бакалавр). Можно тут легко заметить, что субституты входят в ассоциативные сети со словом-генератором. Это явление соответствует механизму вариантности, описываемому Е. Селиверстовой, уже упомянутому в настоящей работе.

Продуктивность пословицы *Nie taki diabeł straszny*... может быть связана с тем, что у слова *diabeł* сильные конотации. Слова с сильными конотациями, в общем, являются очень продуктивными генераторами трансформ – среди русских примеров, самое большое число трансформ (12) генерирует пара баба – кобыле из пословицы Баба с возу – кобыле легче: баба – кобыле → чиновник – народу, хлам – автопрому, дети – таксисту, премьер – режиму, милевский – динамо, опель – сбербанку, льготников – правительству, Сара – Клуни, страховка – ипотека, учебники – родителям, CEO – компании, шестеро – Пхеньяну. Польский эквивалент интересен прежде всего поэтому, что в его трансформациях могут заменяться 3 элемента в разных комбинациях: *koniom* → *Polakom*, *historii*, *telewizji*, *Fedak*, *wołom*, *warzywom*, *baba* → *Tusk*, *Wróbel*, *szczury*, *turyści*, *grubas*, *radio*, *Lepper*, *zderzak*, *klient*, *starosta*, *wozu* → *motoru*, *rządu*, *Hondy*, *konia*, *chlōpa*, *baba – wozu* → *chłop – traktora*, *noga – gazu*, *dżokej – konia*.

В пословицах, у которых бинарная структура и четкий метафорический образ, таких как вышеупомянутые *Baba z wozu*.../Баба с возу... в качестве слова-генератора может выступать больше, чем один компонент – в трансформах

пословицы *Lepszy wróbel w garści niż gołąb na dachu* заменяются один, два, три, а даже четыре компонента одновременно, при чем эффект узнавания сохраняется (*gołąb* → *skrzypek, pasztet, owczarek, muchomor, rodzina, kobieta, struś, Fulcrum, bocian, wróbel – gołąb* → *pieniądz – fundusz Pioneer, wróbel – gołąb – dachu* → *Wróbel – Żakowski – paradzie, wróbel – garści – gołąb – dachu* → *maluch – garaż – Opel – w telewizorze*).

У пословиц *Niedaleko pada jabłko od jabłoni* и Яблоко от яблони недалеко падает нет такой свободы – если субституции подчиняется один компонент из пары *jabłko – jabłoni* (яблоко – яблони), то и другой должен замениться субститутом (*jabłko – jabłoni* → *nostalgia – starości, Schmeichel – ojca, jabłoń – jabłka, GNAJT – GNATA, gameplay – rendera, diabeł – aniola, śliwka – śliwy, platak – kwiatka, „Call of Duty” – „Call of Duty”, gruszka – gruszkówki, Kopacz – Leppera, zakupoholizm – depresji, Scars On Broadway – SOAD, Borkowski – Lutczyna, choinka – Chanuki, reggae – punk-rocka, Gilowska – Kołodki, Ronaldinho – Ronaldo; яблоко – яблони* → Яблоко – власти, *Apple – apple’a, Евросторой – Флоры, дырка – бублика, брат – брата*). Можно это объяснить слабыми конотациями заменяемых компонентов пословицы.

Паремийные неологизмы могут создаваться также по принципу созвучия – *Kuj żelazo róki Gorbaczow* и КуЙ Железничар [название футбольного клуба], *poła горячо* являются четкими отражениями этого механизма, хотя нужно заметить, что субститут *Gorbaczow* – используется как метонимия, которая относится к изменениям в политике СССР.

Подводя итоги, одним из главных лексических источников паремиологической деривации является механизм субституции. Субституция возможна благодаря наличию компонентов-генераторов в пословице, у которых потенциал заменяться другими лексемами с сохранением эффекта узнавания. Чем сильнее у компонента-генератора конотации, тем больше трансформ он генерирует (однако, этот потенциал нужно оценивать учитывая распространенность пословицы среди носителей языка). Существуют пословицы, в которых субституции может подчиняться несколько компонентов одновременно в разных комбинациях, но есть примеры, которые стали бы бессмысленными, если заменить в них больше одного компонента и наоборот – для сохранения смысла нельзя заменить меньше, чем два компонента. Существует группа трансформ, которые были созданы по принципу созвучия компонента-генератора и субститута.

Перечисленные выше источники продуктивности пословиц не являются по мнению автора настоящей работы единственными, а их каталог нужно расширить путем исследований явления трансформации паремийных единиц. Для того, чтобы такие исследования были возможными, требуется подготовка соответствующего словаря антипословиц польского языка и внимательный анализ русскоязычного материала, собранного современными

паремиологами. Экспериментальный анализ, сделан автором настоящей работы, показывает, что выводы таких исследований могли бы быть интересны не только для паремиологов, но и для всех ученых, занимающихся, например, польской и русской языковыми картинами мира. Вопрос о том, почему некоторые пословицы генерируют огромное количество трансформ в то время, когда другие (подлежащие эффекту узнавания) не генерируют их практически вообще, пока остается без ответа.

Библиография

- Buttler, Danuta. „Dlaczego zanikają przysłowia w dwudziestowiecznej polszczyźnie?”. *Poradnik Językowy* 5 (1989): 332–337.
- Reznikov, Andrey. *Russian Anti-Proverbs of the 21st Century. A Sociolinguistic Dictionary*. Burlington: Proverbium, 2012.
- Szpila, Grzegorz. *Krótko o przysłowiu*. Kraków: Collegium Columbinum, 2003.
- Szutkowski, Tomasz. *Współczesna paremiografia rosyjska i polska. Stan – problemy – perspektywy*. Szczecin: Volumina.pl, 2015.
- Антонова, Ольга. „Антипословицы как средство функциональной модификации медиадискурса (на материале прессы Великобритании и США)”. *Вестник СамГУ* 3 (2010): 96–101.
- Бахтин, Михаил. *Проблемы поэтики Достоевского*. Москва: Советская Россия, 1979.
- Вальтер, Харри, Валерий Мокиенко. *Антипословицы русского народа*. Санкт-Петербург: Нева, 2005.
- Михайлова, Наталья. „Антропонимическая паремия как объект реализации наивной картины мира в немецкой лингвокультуре”. *Научный журнал КубГАУ* 71 (2011): 690–699.
- Никитина, Татьяна. „Современное состояние семантики паремий: пословица”. W: *Język. Człowiek. Dyskurs*, red. Mirosława Hordy, Walery Mokijenko, Harry Walter, 133–146. Szczecin: PRINT GROUP, 2007.
- Степанова, Людмила. „Гра і фразеологічна картина світу (на матеріалі російської і чеської мов)”. *Учені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія: Філологія. Соціальні комунікації* 2 (2012): 121–126.

LEXICAL SOURCES OF THE PAREMIOLOGICAL DERIVATION. BASED ON
THE DATA ON PAREMIOLOGICAL NEOLOGISMS IN THE MODERN RUSSIAN
AND POLISH LANGUAGES – FORMULATION OF THE PROBLEM

Abstract

Study of anti-proverbs in modern Russian and Polish languages showed that some traditional paremiological units generate large number of neologisms, whereas other well recognizable among Russian and Polish speakers generate hardly a few of them. This article is an attempt to formulate the problem of the sources of this disproportion. The author focuses on the lexical sources of the paremiological derivation paying special attention to the mechanism of substitution, trying to find a pattern which could explain the phenomenon of productivity imbalance between anti-proverb generators.

Keywords: anti-proverb, paremiological derivation, paremiological neologism, proverbial transform

LEKSYKALNE ŹRÓDŁA DERYWACJI PAREMIOLOGICZNEJ. NA MATERIALE
NEOLOGIZMÓW PAREMICZNYCH WE WSPÓŁCZESNYM JĘZYKU
ROSYJSKIM I POLSKIM – SFORMUŁOWANIE PROBLEMU

Abstrakt

Badania antyprzysłów współczesnego języka rosyjskiego i polskiego wykazują, że niektóre tradycyjne jednostki paremiczne generują relatywnie dużą liczbę neologizmów, podczas gdy inne, dobrze znane rodzimym użytkownikom zarówno języka rosyjskiego, jak i polskiego, generują ich zaledwie kilka. Niniejszy artykuł stanowi próbę sformułowania problemu źródeł tej dysproporcji. Autor skupia się na leksykalnych źródłach derywacji paremiologicznej, poświęcając szczególną uwagę mechanizmowi substytucji w poszukiwaniu wzoru, który mógłby wyjaśnić zjawisko zróżnicowania produktywności poszczególnych generatorów antyprzysłów.

Słowa kluczowe: antyprzysłowie, derywacja paremiczna, neologizm paremiczny, transformacja paremiczna

JĘZYKOZNAWSTWO

WIOLETTA A. PIEGZIK*

Wydział Filologiczny Uniwersytetu Szczecińskiego

LE RÔLE DE LA CONCEPTION DU MÉTALANGAGE SÉMANTIQUE NATUREL DANS LA DIDACTIQUE DES LANGUES : RÉSULTATS DE LA RECHERCHE

Introduction

L'objectif principal de cet article est de discuter le rôle de la théorie appartenant à la sémantique linguistique, connue sous le nom de « métalangage sémantique naturel » (ang. *natural semantic metalanguage*) en didactique des langues. La conception à laquelle je fais référence a été proposée dans les années 70 du siècle dernier par une chercheuse polonaise, Anna Wierzbicka, professeur à l'Université nationale australienne de Canberra. La théorie, très répandue dans le milieu scientifique anglophone, n'a pas connu jusqu'à présent de traduction française et semble ainsi être peu exploitée par les linguistes et les chercheurs francophones en communication interculturelle. Pourtant, la théorie en question permet d'expliquer plusieurs phénomènes interculturels, linguistiques et relevant des sciences de la communication *sensu largo*. Prenant comme principe de base la nécessité de l'universalisme dans la pratique communicative et dans les descriptions linguistiques, la conception du métalangage sémantique naturel (MSN) cherche à éviter toute forme d'ethnocentrisme qui explique des cultures différentes en se servant des notions de sa propre langue et en apportant ainsi des déformations sémantiques et un caractère subjectif au lieu d'envisager la transmission du sens libre de toute charge culturelle. En s'inscrivant dans le champ de réflexion sur les universaux du langage humain, la conception de Wierzbicka tente de donner un éclairage important sur les différences culturelles et, par conséquent, sur la manière dont l'individu perçoit le monde et soi-même en le communiquant.

* Wioletta A. Piegzik, docteur ès lettres, maître de conférences à la Chaire de Philologie Romane de l'Université de Szczecin. Ses centres d'intérêt scientifique couvrent les aspects cognitifs, sociocognitifs et affectifs présents pendant l'apprentissage/acquisition des langues étrangères, ainsi que la communication exolingue basée sur les interactions verbales.

La découverte et la compréhension des universaux du langage paraissent – du moins au premier abord – prometteuses et susceptibles d'améliorer le processus d'apprentissage d'une langue étrangère qui, par suite de son caractère complexe, s'étend dans un temps relativement long et qui est inévitablement marqué par la présence des éléments interculturels. Si le MSN est universel et permet d'expliquer les concepts complexes à partir de mots simples et basiques par leur nature, c'est-à-dire par les sèmes premiers (ang. *semantic primitives; primes*), il pourra être d'une grande utilité dans l'enseignement/apprentissage des langues et dans la communication exolingue. Dans la salle de langues, mais aussi à l'extérieur, il pourra tout simplement servir d'outil important facilitant la compréhension et la transmission du sens en langue cible. De plus, la nécessité d'incorporer des primitifs sémantiques dans le curriculum des langues étrangères est postulée par Wierzbicka et son collaborateur qui y voient « le noyau du vocabulaire » présent dans chaque langue¹. Étant donné que l'argumentation de ces chercheurs a un caractère plutôt universel et conceptuel, et que par ailleurs, on ne dispose pas encore de recherches empiriques sur le MSN en didactique des langues, j'ai décidé de vérifier ce postulat à travers une recherche empirique concrète se référant tant aux données quantitatives qu'aux données qualitatives.

La conception de cet article est basée sur une analyse des discours présents dans deux manuels de FLE (français langue étrangère) utilisés dans l'enseignement institutionnel et conçus conformément aux postulats du *Cadre européen commun de références pour les langues* (2001)², ainsi que des discours écrits et oraux produits par les apprenants au cours de différentes tâches communicatives du point de vue de la présence des sèmes premiers et du rôle qu'ils jouent dans la communication en langue étrangère.

La présente contribution se compose de deux parties. Dans la première, je présente la conception du MSN ayant son origine en philosophie, ainsi que les postulats de base permettant de révéler son originalité. Dans cette partie, je cite aussi la liste des sèmes premiers constituant la base du MSN et signale les structures grammaticales de base. La présence et l'utilité du MSN en classe de langues sont analysées et discutées dans la seconde partie où je présente les résultats obtenus dans ma recherche menée auprès d'apprenants du français.

-
- 1 Cliff Goddard, Anna Wierzbicka, « Semantic primes and cultural scripts in language learning and intercultural communication », in : *Applied Cultural Linguistics: Implications for second language learning and intercultural communication*, red. Gary Palmer, Farzad Sharifian, (Amsterdam: John Benjamin), 105–107.
 - 2 Conseil de l'Europe, *Cadre européen commun de références pour les langues – apprendre, enseigner, évaluer*, (Paris : Les Editions Didier, 2001).

1. Le métalangage sémantique naturel – origines et principes de base

La conception du MSN s'appuie en grande partie sur l'hypothèse de Gottfried Wilhelm Leibniz selon laquelle dans l'esprit humain il y aurait des concepts simples constituant le fondement universel permettant à l'individu d'expliquer les concepts complexes. Ils sont primitifs et universels parce qu'ils renvoient à des concepts primaires, sémantiquement indivisibles, compris par eux-mêmes et par conséquent indéfinissables à travers les termes simples. Si l'on essaie de les définir, on tombe dans la complexité et au lieu d'éclairer la chose, on l'obscurcit. En outre, ils sont universels parce que les lexèmes qui renvoient aux concepts simples sont présents dans toutes les langues parlées au monde³.

L'ambition d'Anna Wierzbicka est non seulement de faire émerger les termes élémentaires communs à tous les individus et à toutes les langues naturelles, mais aussi de construire sur la base de ceux-ci le langage universel, libéré de toutes les différences culturelles qui apparaissent inévitablement au contact de représentants de cultures différentes. Il ne s'agit pas d'un langage nouveau, parce qu'il nécessiterait alors des explications supplémentaires et serait artificiel, mais plutôt du langage se composant des termes et des structures grammaticales universelles issues et présentes dans chaque langue parlée. Ce langage se situerait donc au-delà de la culture et serait un véhicule du sens objectif, traduisible d'une langue à l'autre sans aucune déformation sémantique. Le rêve – et l'objectif scientifique – est donc d'abandonner la Tour de Babel pour aboutir à la compréhension interculturelle fondée sur le noyau commun inné à tous les humains – une sorte de « disponibilité à exprimer/interpréter le sens » avec laquelle nous venons au monde – tel qu'en parle Jérôme Bruner dans son ouvrage *Acts of meaning*⁴ et auquel se réfère Wierzbicka.

La conception du MSN portant sur l'existence d'un catalogue de termes élémentaires a été confirmée dans plusieurs recherches à caractère comparatif. Ces recherches ont été menées sur quinze langues différentes parlées sur tous les continents et appartenant à des groupes différents. On admet donc que les recherches répondent aux exigences méthodologiques nécessaires⁵, mais comme l'auteure de la théorie le confirme elle-même, on ne peut jamais exclure l'existence d'une langue qui réfuterait les données collectées (Wierzbicka 2007)⁶. Dans la section suivante, je

3 Peter Prechtl, *Wprowadzenie do filozofii języka*, trad. Józef Bremer (Kraków: Wydawnictwo WAM), 43–47.

4 Jérôme Bruner, *Acts of meaning* (Cambridge, Harvard University Press, 1990), 22.

5 Anna Wierzbicka, *Słowa kluczowe. Różne języki-różne kultury*. trad. Izabela Duraj-Nowosielska (Warszawa: Wydawnictwo Uniwersytetu Warszawskiego, 2007), 61.

6 Anna Wierzbicka, *Prof. Dr hab. Anna Wierzbicka: moja teza jest prowokacyjna*, accès 06.02.2016, <http://naukawpolsce.pap.pl/aktualnosci/news,378524,prof-dr-hab-anna-wierzbicka-moja-teza-just-prowokacyjna.html>.

présente le catalogues des termes élémentaires et des structures syntaxiques basiques constituant le MSN.

2. Le métalangage sémantique naturel : catalogue des termes et structures de base

Le catalogue des termes élémentaires (appelés aussi les sèmes premiers) embrasse aujourd'hui plus de soixante mots. Il convient de noter qu'au début des recherches il comportait treize termes, puis au fur et à mesure du développement des analyses son nombre a augmenté. Aujourd'hui, des recherches sur toutes les langues parlées au monde sont en cours et la liste citée ci-dessous n'est pas définitive.

Substantifs : MOI, TOI, QUELQU'UN/PERSONNE, QUELQUE CHOSE/
LA CHOSE, LES GENS/ON/CORPS

Déterminants : CELA, LE MÊME, AUTRE

Quantificateurs : UN, DEUX, QUELQUES, BEAUCOUP, TOUS

Prédicats mentaux : PENSER, SAVOIR, VOULOIR, RESENTIR, VOIR,
ENTENDRE

Actions, événements, mouvements : FAIRE, ARRIVER, BOUGER

Discours : DIRE, MOT, VRAI

Existence et possession : IL Y A /ÊTRE, AVOIR

Vie et mort : VIVRE/VIVANT, MOURIR

Termes logiques : NON, PARCE QUE, SI...

Évaluateurs : BON, MAUVAIS

Descripteurs : GRAND, PETIT

Espace : OÙ, ICI, AU-DESSOUS/SOUS, AU-DESSUS/SUR, PRÈS, LOIN,
À CÔTÉ, DANS

Temps : QUAND, MAINTENANT, AVANT, APRÈS, LONGTEMPS, PEU DE
TEMPS, QUELQUE TEMPS

Intensificateurs, augmentateurs : TRÈS, PLUS

Similarité : COMME

Taxinomie, partonomie : ESPÈCE DE, PARTIE DE

Comme on peut l'observer, il y a seize groupes rassemblant des termes élémentaires. Une fois, ce sont des catégories morphosyntaxiques (noms, verbes), une autre fois des catégories physiques (le temps et l'espace) ou anthropologiques (bon, mauvais). Le classement proposé n'est pas basé sur un seul critère, mais d'autre part, comme le reconnaît Wierzbicka, le classement proposé n'est pas le seul possible, sans pour autant être arbitraire⁷. Pour que le mot puisse se trouver dans ce catalogue, il est

7 „Mimo że naszkicowana tu klasyfikacja jednostek prostych nie jest jedyną możliwą, to jednak nie jest też ona arbitralna” Wierzbicka, *Słowa kluczowe*, 62.

nécessaire que son exact homologue sémantique existe dans toutes les langues. Autrement dit, l'extension sémantique d'un mot doit être exactement la même dans toutes les autres langues. La chercheuse polonaise remarque que certains mots dans les dictionnaires ne véhiculent pas le même sens, mais faute de mieux ils sont placés côte à côte comme équivalents (par exemple deux mots différents en anglais – 'freedom' et 'liberty' sont traduits en français à l'aide de 'liberté', ce qui appauvrit les nuances sémantiques et masque la manière dont les représentants d'une culture pensent ; ou encore un mot *a priori* facile à traduire, 'patrie', qui a les équivalents suivants : Heimat, Vaterland (allemand), rodina (russe), homeland, motherland (anglais), ojczyzna (polonais). De toute façon, dans la théorie qui constitue l'objet d'analyse de la présente étude, la fonction de signification de la langue précède celle de communication. Cela veut dire que la langue sert à véhiculer le sens et que toutes les composantes de celle-ci devraient être analysées de ce point de vue⁸.

L'emploi des termes élémentaires nécessite aussi deux autres remarques. La première renvoie à la polysémie qui est un phénomène propre à toutes les langues naturelles, et la deuxième à l'allolexie. Si un mot est polysémique, comme par exemple l'adjectif français 'grand' qui peut signifier quelque chose ou quelqu'un dont la taille dépasse les dimensions moyennes ou quelque chose/ quelqu'un qui se distingue par ses qualités exceptionnelles, c'est seulement la première signification qui est prise en considération et c'est seulement la monosémie qui est retenue. Analogiquement, si une signification possède deux ou plusieurs formes lexicales, on retrouve dans la liste seulement une forme, comme par exemple les formes *moi*, *me* sont des allolexes du mot simple *je*. De même dans la langue française, avec *on* et *les gens*.

Anna Wierzbicka observe aussi que les termes élémentaires, pour qu'ils puissent exprimer le sens, doivent être combinés entre eux, et pour cela, elle propose une grammaire universelle qui s'appuie sur des structures syntaxiques universelles communes à toutes les langues naturelles. Ainsi, on privilégie les phrases simples facilitant la transposition de sens d'une langue à l'autre. Par exemple, la structure 'je veux quelque chose' est plus simple que la structure 'je veux que tu fasses quelque chose'. Il faut noter aussi que les termes élémentaires retrouvent leur sens justement dans des structures simples : le mot indéfinissable 'vouloir' retrouve son sens uniquement lorsqu'il se situe dans un cadre syntaxique donné qui est universel (*Je veux le faire* (français) / *I want to do this* (anglais) / *Ja choću éto sdelat'* (russe) / *Ja chcę to zrobić* (polonais).

En postulant l'existence d'un catalogue de termes élémentaires ainsi que de structures grammaticales simples, universelles et innées, Anna Wierzbicka propose la langue des pensées humaines – *lingua mentalis* ou *alphabet des pensées humaines*⁹ –

8 Arkadiusz Koselak, « La sémantique naturelle d'Anna Wierzbicka et les enjeux interculturels », *Questions de communication* 4 (2003), accès 28.12.2016, DOI : 10.4000 https://journals.openedition.org/questionsdecommunication/4611.

9 Wierzbicka, *Słowa klucze*, 64.

dont l'existence avait déjà été conjecturée trois siècles auparavant par Leibniz. Dans la partie suivante, j'analyse le MSN dans la perspective de la didactique des langues – discipline où la transmission de sens ainsi que la présence d'éléments interculturels s'accroissent de façon particulièrement observable.

3. Projet de recherche

3.1. Présentation du problème et des questions de recherche

La recherche présentée dans l'article s'articulait autour de la présence des termes élémentaires dans les discours présents pendant les cours de langue étrangère (la langue française dans le cas de mon analyse) et, ensuite, autour du rôle de ces termes dans la construction du sens véhiculé en langue cible. Il s'agissait de voir si le MSN s'appuyant sur des termes et constructions élémentaires a son reflet dans les discours en langue étrangère qui, à cause de la compétence langagière partielle de leurs utilisateurs, sont inévitablement remplis de mots et d'expressions simples encadrés dans des structures simples. Partant de la prémisse que le niveau A2 permet déjà aux apprenants de comprendre les informations simples sur des sujets de la vie quotidienne et de s'exprimer sur des sujets déjà travaillés en classe, j'ai admis que ce niveau d'avancement en langue serait particulièrement intéressant parce qu'il s'appuie sur l'emploi d'un lexique plutôt basique et de structures élémentaires¹⁰.

La recherche a été axée sur deux questions qui ont pris la forme suivante :

Q1 : Est-ce que les termes élémentaires formant le MSN sont présents dans les discours didactiques et si oui, dans quelle mesure?

Q2 : Quel est le rôle des termes élémentaires formant le MSN dans les discours didactiques ?

La première question de recherche faisait référence aux catégories quantitatives, alors que la seconde renvoyait aux catégories qualitatives. Il en résulte que la recherche menée s'inscrit dans le cadre de l'approche méthodologique mixte qui s'efforce de donner la réponse au problème étudié de façon approfondie¹¹. L'approche adoptée a impliqué un ordre basé sur le travail séquentiel consistant, premièrement, en une analyse quantitative, puis en une analyse qualitative dont le but était de relever les valeurs des termes élémentaires et leur potentielle utilité dans l'enseignement/apprentissage des langues étrangères.

10 Conseil de l'Europe, *Cadre européen commun*, 25–26.

11 John W. Creswell, *Projektowanie badań naukowych. Metody jakościowe, ilościowe i mieszane*. trad. Joanna Gilewicz (Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2013), 219.

3.2. Données collectées et participants à la recherche

Dans ce projet de recherche, j'ai utilisé les textes venant de deux manuels de français différents (*Amical* – Cle International et *le Nouveau Taxi* – Hachette)¹² constituant le matériel didactique prévu par les auteurs et conforme aux exigences du *Cadre européen commun de référence pour les langues – document offrant une base commune pour l'élaboration de programmes de langues vivantes, de référentiels, d'exams, de manuels, etc. en Europe*¹³, ainsi que les textes écrits et oraux produits par les apprenants participant au projet. En m'appuyant sur des analyses théoriques, j'ai admis que la distinction entre les textes écrits par les auteurs de manuels et les textes produits par les apprenants est importante et même indispensable, parce que dans ces deux types de textes¹⁴ le nombre de termes élémentaires ne doit pas être équivalent. Il semble clair que les auteurs des manuels sont des locuteurs compétents et experts, tandis que les apprenants sont des locuteurs débutants se servant d'une interlangue (langue intermédiaire) constamment soumise à des changements. De plus, les textes des manuels sont produits en fonction de différents critères comme, par exemple, la gradation de la difficulté ou la présence de différents types de discours (dialogues, lettres, messages *etc.*). Les textes des apprenants, par contre, résultent tout simplement de leurs interactions verbales spontanées, produites en binômes ou dans des groupes de trois personnes lors de leur travail sur une tâche communicative concrète proposée par l'enseignant.

L'étude a été réalisée auprès de 48 lycéens polonais (37 de sexe féminin et 11 de sexe masculin) pour qui le français était la deuxième langue étudiée et à l'enseignement de laquelle on consacrait deux heures par semaine, conformément au règlement du ministère polonais de l'Éducation nationale sur l'enseignement des langues étrangères vivantes au niveau secondaire. Tous les apprenants ont commencé à étudier le français au lycée, ils venaient de quatre classes différentes et leur maîtrise, estimée selon le *Cadre*, se situait au niveau A2. Il convient aussi de noter que tous les apprenants participant à la recherche avaient émis leur accord de la participation à la recherche ; ils ne connaissaient pas le catalogue des termes élémentaires ni les questions de recherche. Leur rôle consistait à présenter leur propres opinions sur les sujets donnés, en réalisant des tâches communicatives conformément à leurs capacités langagières. Les discours oraux des participants à la recherche ont été enregistrés par caméra vidéo, puis transcrits par l'auteure du présent article. Au total, les lycéens

12 Guy Capelle, Robert Menand, *Le Nouveau Taxi 1*. (Paris: Hachette), 2009; Guy Capelle, Robert Menand. *Le Nouveau Taxi 2* (Paris: Hachette), 2009; Sylvie Poisson-Quinton, Évelyne Siréjols, *Amical 1* (Paris: Cle International, 2011); Sylvie Poisson-Quinton, Évelyne Siréjols, *Amical 2* (Paris: Cle International), 2011.

13 Conseil de l'Europe, *Cadre européen commun*, 9.

14 Dans l'article, j'utilise les mots 'texte' et 'discours' comme des synonymes.

ont produits quinze discours oraux et quinze textes écrits. Les sujets-tâches de communication étaient variés, parmi les propositions réalisées se trouvaient par exemple :

- Un bon ami – qui est-ce ? – Proposez votre définition;
- La jalousie – qu’est-ce que c’est ? – Proposez votre définition ;
- Vous cherchez un/une correspondant(e) francophone, écrivez-lui un mail dans lequel vous vous présentez et parlez de vous;
- Quels livres préférez-vous : ceux en papier ou les e-books, et pourquoi ?

Dans la recherche, j’ai analysé au total 60 discours didactiques : 30 discours venant des manuels avec lesquels on travaillait pendant les cours et 30 discours produits par les apprenants en salle de langues.

3.3. Résultats de la recherche

Dans le tableau ci-dessous, je présente le nombre de termes élémentaires sur le total de tous les lexèmes construisant le texte. Le résultat du calcul a été exprimé en pourcentage. Il est important de noter également que pour le calcul des termes élémentaires je n’ai pas suivi la règle conformément à laquelle un mot est séparé d’un autre par une espace, mais la règle qui énonce qu’un mot désigne un concept. Dans le cas de la langue française, ce principe semble être particulièrement juste du fait de l’élision, phénomène phonétique très fréquent. Par exemple, la phrase *Je t’écris* compte trois mots *je/te/écris/* et une locution-phrase *s’il vous plaît* – un seul mot, parce qu’elle exprime un seul concept ; de même avec les temps composés où les auxiliaires ‘avoir’ ou ‘être’ ne sont pas des termes élémentaires. Ainsi, dans la phrase *Hier, je ne t’ai pas écrit* il y a cinq termes élémentaires *hier/je/ne-pas/te/écrire* (et non sept, comme selon les compteurs de mots en ligne).

Dans le tableau ci-dessous, je présente les résultats obtenus dans mon étude sur le MSN :

Tableau 1. Statistiques descriptives présentant les résultats au niveau du nombre de mots dans les manuels et du nombre de termes élémentaires dans les discours produits par les apprenants

Manuel	Texte dans le manuel	Nombre de mots	Nombre de termes élémentaires	Pourcentage	Texte écrit par l’apprenant – (T)/ Discours oral de l’apprenant – (D)	Nombre de mots	Nombre de termes élémentaires	Pourcentage
Amical	1	19	7	36%	T1	51	15	29%
Amical	2	13	6	46%	T2	60	16	26%
Amical	3	15	1	6%	T3	111	34	30%
Amical	4	30	16	53%	T4	50	17	34%
Amical	5	14	4	28%	T5	68	18	26%
Amical	6	69	22	31%	T6	100	28	28%
Amical	7	27	2	7%	T7	66	19	28%

Manuel	Texte dans le manuel	Nombre de mots	Nombre de termes élémentaires	Pourcentage	Texte écrit par l'apprenant – (T)/ Discours oral de l'apprenant – (D)	Nombre de mots	Nombre de termes élémentaires	Pourcentage
Amical	8	32	2	6%	T8	78	19	24%
Amical	9	46	5	23%	D1	94	24	25%
Amical	10	42	11	26%	D2	115	40	34%
Amical	11	43	11	25%	D3	69	22	31%
Amical	12	118	38	32%	D4	129	20	15%
Amical	13	170	31	18%	D5	111	24	21%
Amical	14	222	33	14%	D6	152	37	24%
Amical	15	206	57	27%	D7	108	24	22%
Amical	1–15	1056	246	23%	1–15	1362	357	26%
Le N Taxi	16	15	1	6%	T1	72	19	26%
Le N Taxi	17	24	6	25%	T2	79	23	29%
Le N Taxi	18	18	5	27%	T3	91	25	27%
Le N Taxi	19	139	13	9%	T4	77	18	23%
Le N Taxi	20	82	6	7%	T5	110	20	18%
Le N Taxi	21	187	31	16%	T6	109	25	22%
Le N Taxi	22	205	34	16%	T7	61	28	45%
Le N Taxi	23	167	55	32%	D1	53	14	26%
Le N Taxi	24	176	30	17%	D2	48	10	20%
Le N Taxi	25	141	39	27%	D3	80	21	26%
Le N Taxi	26	227	30	13%	D4	95	17	17%
Le N Taxi	27	212	31	14%	D5	57	15	26%
Le N Taxi	28	191	33	17%	D6	98	20	20%
Le N Taxi	28	214	48	22%	D7	70	18	25%
Le N Taxi	30	244	40	16%	D8	58	15	25%
Le N Taxi	16–30	2242	402	17%	16–30	1067	288	26%
Amical/Le N Taxi	1–30	3298	648	19%	1–30	2429	645	26%

Les données obtenues montrent que les textes des manuels contiennent 19% de termes élémentaires ; par contre, dans les productions des apprenants il y en a 26%. La différence entre ces deux types de textes est de sept points. Il faut noter que, dans les productions écrites des participants de la recherche, on a obtenu un résultat de 29% tandis, que dans les productions orales il atteint 24%. La recherche dévoile que, dans la communication exolingue qui a lieu dans la salle de langues et qui concerne le niveau A2, le lexique utilisé n'est pas en majeure partie celui qui se trouve dans le catalogue des primitifs sémantiques. Malgré le bas niveau d'avancement en langue, les apprenants utilisent plus fréquemment des mots pris hors du lexique élémentaire – cela concerne tant les tâches qui consistent en une définition que celles où les apprenants dialoguent et échangent leurs opinions sur un sujet donné, ou bien encore celles dans lesquelles ils rédigent un texte. Je cite deux exemples en gardant l'orthographe originale et en soulignant les termes élémentaires mis en pratique:

Exemple 1. Tâche confiée aux apprenants : – Un bon ami – qui est-ce ? – Proposez votre définition.

Un bon ami est une personne qui aide.

Il est aussi une personne de confiance.

Nous lui confions nos secrets.

Et nous savons qu'il ne dira à personne ses secrets.

C'est une personne avec qui nous passons magnifique moments.

Nous ami a toujours du temps pour nous.

Exemple 2. Tâche confiée aux apprenants : – Vous cherchez un/une correspondant(e) francophone ; écrivez-lui un mail dans lequel vous vous présentez et parlez de vous.

Bonjour,

Je m'appelle X et j'ai seize ans. Je suis polonaise et j'habite à Wroclaw. Je parle polonais, anglais, allemand et français (un peu). Je suis élève. J'aime le cinéma, les animaux et le thé. J'adore le sport, la musique et la littérature. Je déteste l'ennuie et la violence. Je vais souvent au cinéma. Je cherche une correspondante en France ou en Pologne et de seize à vingt ans.

Il est facile d'observer que parmi les termes élémentaires utilisés se trouvent avant tout ceux du premier groupe (les substantifs : je/personne), des termes désignant le discours (parler, dire) et ceux marquant l'existence et la possession (être, avoir). Il est à noter que, dans toutes les données collectées, ces termes constituent le répertoire le plus fréquemment utilisé et que ce sont ces groupes du MSN qui ont influencé de façon considérable les résultats obtenus. Du point de vue du rôle des termes élémentaires, l'analyse a révélé que la communication en salle de langues est fortement empreinte de la communication de type 'parler au je', ce qui veut dire que le fait d'exprimer ses opinions, ses sentiments, ses préférences et ses jugements y est fréquent. Ceci reste d'ailleurs conforme à l'idée soutenue par Wierzbicka quand à la nécessité

de définir les mots à la première personne du singulier à l'opposition de l'impersonnelle grammaire générative de Chomsky.

En ce qui concerne le vocabulaire des participants à la recherche, il faut aussi noter que le besoin d'un lexique autre que celui du MSN s'est accentué dans tous les discours didactiques de façon considérable. Les primitifs sémantiques paraissent insuffisants et/ou les apprenants ont choisi d'autres mots pour véhiculer le sens. La recherche a démontré également que la conception du *français fondamental* – document élaboré dans les années 50. du XXe siècle, afin d'améliorer la diffusion de la langue française dans le monde et de proposer aux enseignants de langue la liste des mots le plus souvent employés par les parleurs natifs – est davantage justifié que le catalogue des primitifs sémantiques.

Conclusions finales

La voie ouverte par Anna Wierzbicka en sémantique linguistique est originale et concrète. Originale, parce que la chercheuse, en partant de l'universalisme et du relativisme, a construit une approche qui les transcende ; concrète, parce que la linguiste a proposé un outil de description et d'explication des concepts au delà des cultures dont ils sont issus. On lui doit aussi le souci d'une approche interculturelle qui exclut l'ethnocentrisme et qui est fondée sur la simplicité. Cependant, en didactique des langues, la présence du MSN en matière d'explication des concepts concrets et abstraits ainsi qu'en matière d'échanges verbaux en langue cible a été confirmée en nombre plutôt modestes. Par conséquent, le potentiel explicatif de la théorie du MSN ne peut pas être étendu à cette discipline qui s'inspire de la linguistique depuis le début de sa constitution.

Il semble également important de noter que la recherche décrite dans le présent article concerne la communication intraculturelle. La langue commune des participants était le polonais qui, pendant la réalisation des tâches communicatives, était utilisé de façon restreinte. Évidemment, tout cela n'exclut pas un rôle plus grand du MSN dans le cadre d'une pratique didactique où les apprenants appartiennent à des cultures différentes.

Résumé

L'article proposé s'articule autour de la théorie linguistique connue dans la littérature spécialisée sous le nom de Métalangage Sémantique Naturel (MSN) et de son rôle dans l'apprentissage et l'enseignement des langues étrangères. Le MSN est une théorie linguistique basée sur l'idée philosophique de Leibniz, selon laquelle chaque humain a dans son esprit des mots élémentaires et indéfinissables qui lui servent à

expliquer et à comprendre d'autres mots et idées plus complexes. Ces mots simples et indéfinissables sont appelés primes sémantiques et constituent en même temps la base de la communication interculturelle.

Dans l'article, j'admets que le catalogue des primes devrait être très important non seulement dans la communication interculturelle, mais aussi dans les premières étapes de l'étude des langues étrangères en classe et j'essaie de vérifier sa pertinence dans la communication intraculturelle basée sur le français comme langue étrangère. Les données de l'étude proposée ont été recueillies à partir des manuels utilisés dans l'éducation formelle et à partir des textes écrits par les apprenants en classe, ainsi que des discours oraux des apprenants enregistrés par caméra vidéo.

Bibliografia

- Bruner, Jérôme. *Acts of meaning*. Cambridge : Harvard University Press, 1990.
- Capelle, Guy, Robert Menand. *Le Nouveau Taxi 1*. Paris: Hachette, 2009.
- Capelle, Guy, Robert Menand. *Le Nouveau Taxi 2*. Paris: Hachette, 2009.
- Conseil de l'Europe, *Cadre européen commun de références pour les langues – apprendre, enseigner, évaluer*. Paris : Les Editions Didier, 2001.
- Creswell, John.W. *Projektowanie badań naukowych. Metody jakościowe, ilościowe i mieszane*. Tłum. Joanna Gilewicz. Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2013.
- Goddard, Cliff, Anna Wierzbicka. „Semantic primes and cultural scripts in language learning and intercultural communication”. W : *Applied Cultural Linguistics: Implications for second language learning and intercultural communication*, red. Gary B. Palmer, Farzad Sharifian, 105–124. Amsterdam: John Benjamin, 2007.
- Koselak, Arkadiusz. „La sémantique naturelle d'Anna Wierzbicka et les enjeux interculturel”. *Questions de communication* 4 (2003). Acces 28.12.2016. DOI : 10.4000/ <https://journals.openedition.org/questionsdecommunication/4611>.
- Poisson-Quinton, Sylvie, Évelyne Siréjols. *Amical 1*. Paris: Cle International, 2011.
- Poisson-Quinton, Sylvie, Évelyne Siréjols. *Amical 2*. Paris: Cle International, 2011.
- Prechtel, Peter. *Wprowadzenie do filozofii języka*. Tłum. Józef Bremer. Kraków: Wydawnictwo WAM.
- Wierzbicka, Anna. *Słowa klucze. Różne języki – różne kultury*. Tłum. Izabela Duraj-Nowosielska. Warszawa: Wydawnictwo Uniwersytetu Warszawskiego, 2007.
- Wierzbicka, Anna. *Prof. Dr hab. Anna Wierzbicka: moja teza jest prowokacyjna*. Dostęp 06.02.2016, <http://naukawpolsce.pap.pl/aktualnosci/news,378524,prof-dr-hab-anna-wierzbicka-moja-teza-jest-prowokacyjna.html>.

THE ROLE OF THE NATURAL SEMANTIC METALANGUAGE APPROACH FROM THE PERSPECTIVE OF FOREIGN LANGUAGE PEDAGOGY: STUDY RESULTS

Abstract

The aim of this article is to present and verify the role of the Natural Semantic Metalanguage (NSM) in foreign language learning and teaching. The NSM is a linguistic theory based on the philosophical idea of Leibniz according to which every human has some elementary and indefinable words in mind which serve him/her to explain and understand other more complex words and ideas. Those simple and indefinable words are called semantic primes and they are at the same time the basis of intercultural communication.

In the article, I assume that the catalogue of primes should be very important not only in intercultural communication but also in early stages in studying foreign languages in the classroom and I tend to verify its pertinence in intracultural communication based on French as a foreign language. The data in my study were collected from student books used in formal education and from student texts written in a classroom as well student oral discourses recorded by video camera.

Keywords: natural semantic metalanguage, semantic primes, communication, text, discourse

ROLA NATURALNEGO METAJĘZYKA SEMANTYCZNEGO
W DYDAKTYCE JĘZYKÓW OBCYCH: WYNIKI BADANIA

Abstrakt

Głównym celem niniejszego artykułu jest analiza i empiryczna weryfikacja teorii z zakresu semantyki językoznawczej znanej jako naturalny metajęzyk semantyczny (ang. *natural semantic metalanguage*) dla dydaktyki języków obcych. Rozwijana od lat 70. XX wieku koncepcja, której autorką jest Anna Wierzbicka, bazuje na filozoficznej idei Leibniza, według której każdy człowiek dysponuje zestawem elementarnych jednostek semantycznych (ang. *semantic primitives; primes*), które pozwalają mu na wyjaśnienie i zrozumienie innych, bardziej skomplikowanych konceptów i idei. Jednostki te są jednocześnie podstawą komunikacji międzykulturowej.

W artykule badam obecność i rolę katalogu elementarnych jednostek semantycznych w nauce języków obcych (na przykładzie języka francuskiego jako obcego) w klasie językowej i tym samym rolę naturalnego metajęzyka w komunikacji intrakulturowej. Dane zawarte w badaniu pochodzą z powszechnie używanych podręczników do nauki języka francuskiego oraz

dyskursów pisemnych i ustnych (kamerą wideo), których autorami są sami uczący się i które miały miejsce na zajęciach z języka francuskiego.

Słowa klucze: naturalny metajęzyk semantyczny, elementarne jednostki semantyczne, komunikacja, tekst, dyskurs

JĘZYKOZNAWSTWO

KONRAD RACHUT*
Uniwersytet im. Adama Mickiewicza

THE SPECIFICITY OF LITERARY PROPER NAMES: *HARRY POTTER* IN TRANSLATION INTO POLISH AND RUSSIAN

Introductory remarks

A literary text is constructed on the basis of the literary setting the boundaries of which are set by proper names, whereby these proper names are filled with content based on a literary text. Although the readers always deal with literature in a material – textual – form, all processes of visualisation of the literary world occur within their minds. This is because the process of creating and reading of a literary text is utterly discursive by nature. Accordingly, in the paper discourse is understood as the totality of verbal and mental activity that underlies all human actions, including interacting with texts.¹ In other words, a literary text is only a material form that allows, on the one hand, the writer to express his or her image of the literary setting and, on the other hand, the reader to recreate this setting in his or her mind. In both cases, the setting consists of particular elements that become fused with their respective names. It means that a literary text and its proper names are interdependent entities, since one cannot exist without the other. Irrespective of how obvious this tight link may seem, the nature of literature entails highly problematic issues of semantics of their names as well as of ontology of literary characters.

* Konrad Rachut – magister, doktorant w Instytucie Filologii Rosyjskiej i Ukraińskiej na Wydziale Neofilologii Uniwersytetu im. Adama Mickiewicza w Poznaniu; obszar badań: tworzenie, odbiór i tłumaczenie literackich nazw własnych; zainteresowania naukowe: komunikacja niewerbalna w tłumaczeniu symultanicznym, teoria tekstu literackiego; kontakt: e-mail: konrad.rachut@gmail.com.

1 Николай Ф. Алефиренко, „Имплицитность художественного слова как когнитивно-дискурсивная категория”, *Научные ведомости Белгородского государственного университета*. Серия: Гуманитарные науки 10 (2011), 12: 5.

As the process of literary communication is discursive – therefore highly personalised – the situation becomes even more complex in the case of literary translation. An original text is always deeply rooted in its respective language and culture, so the sufficient recreation of its verbal layer and underlying mental space poses a challenge for its translator. It can be assumed that he or she should focus on retaining the correspondence between chosen properties of the signifieds and their onymic labels, since a literary world consists of highly developed elements that are explicitly or implicitly “summed up” by their names. Interestingly enough, translation is a process of decision-making that requires the individual to select a translational strategy – either way, regardless of which strategy he or she resorts to, it always results in obliteration of some aspects of semantics of literary proper names as well as of the ontological status of fictional characters. This is the focus of the analysis of Polish and Russian translations of the Harry Potter series – it is based on the excerpts from the texts in relation to the proper names of chosen elements of J.K. Rowling’s magical universe. It is worth mentioning that this particular issue was also addressed in the works of Gibka²³, Kudlik⁴ and Małek⁵.

Semantics of literary proper names

As Newmark admits, the function of literary proper names is both to “name” and to “mean” particular information about its bearer that is important for the writer.⁶ In fact, Tynyanov expands this postulate even further, acknowledging that all literary proper names are “telling”, because the writer purposefully uses them in order to develop their semantical potential by means of a text.⁷

In this context it should be purported that, from the perspective of the literary setting, the text itself

2 Martyna Gibka, „Hooch, Filch i Puszek, czyli jak polskie tłumaczenie Harry’ego Pottera wpływa na funkcję humorystyczną nazw własnych postaci”, in: *Emocje w językach i kulturach świata*, eds. E. Komorowska, A. Szlachta (Szczecin: Volumina.pl Daniel Krzanowski, 2016).

3 Martyna Gibka, “Hooch, Filch and Fluffy: How the polish translation of Harry Potter influences the humorous function of the characters’ names”, in: *Komunikacja międzykulturowa w świetle współczesnej translologii. Literatura*, eds. E. Kujawska-Lis, I. Ndiaye (Olsztyn: UWM w Olsztynie, 2014).

4 Małgorzata Kudlik, “Переводческие практики в передаче смысловых имен собственных в польском и русском переводах книги Дж.К. Ролинг Гарри Поттер и философский камень”, in: *Wschód-Zachód. Dialog kultur*, ed. Z. Nowożenowa (Słupsk: Wydawnictwo Naukowe Akademii Pomorskiej, 2006).

5 Magdalena Małek, „O tłumaczeniach książki *Harry Potter and the Deathly Hallows* autorstwa J.K. Rowling”, in: *Debiuty Naukowe II. Terminologia – translatoryka – terminografia*, ed. M. Łukasik (Warszawa: Katedra Języków Specjalistycznych – Koło Naukowe BAJT, 2008).

6 Paul Newmark, *Approaches to Translation* (Oxford: Pergamon, 1981), 70.

7 Юрий Н. Тынянов, *Поэтика. История литературы* (Москва: Кино, 1977), 186–187.

serves as the means whereby a quasi-indexical reference to the character can be made by means of which that very fictional object can be baptized by author or readers. Something counting as a baptismal ceremony can be performed by means of writing the words of the text or it can be merely recorded in the text, or (if the character is named later, for example by readers), it can remain unrecorded in the text.⁸

Accordingly, a “baptism” of the literary object is an integral part of the creative work of the writer. In fact, it is an indispensable stage of constructing the literary world as a whole, as it consists of distinguishable and clearly defined elements. The first appearance of either the proper name itself, or a description of its bearer that is absorbed by the name, can be therefore defined as the birth of the element of the setting. Thus, a direct correspondence between the form/content of the literary name itself and an object it refers to becomes evident.⁹

Although a name always foregrounds chosen properties of its bearer by means of *antonomasia*, it, in fact, carries the totality of its respective descriptions that are underpinned by cognitive, pragmatic and emotional background. Thus, a name serves as a tool of creating an illusion of the existence of its bearer, and an image of the bearer is triggered in the mind of readers every time they encounter his or her name. A literary name has a meaning specifically because it triggers an image of the element of the literary world by means of explicit linguistic or implicit cultural and discursive facts. This is why the process of interacting with literature can be defined as challenging in terms of the reader’s knowledge and imaginative potential.

This may lead to an observation that ontology of the elements of a literary world and semantics of their respective names depend on each other. It means that its signified is “brought to life” by the writer as of the moment of the first appearance of a given name in the literary text. Consequently, each time the name reappears, it reawakes the mental representation of its signified in the mind of a reader that is constructed on the basis of his or her descriptions. Nonetheless, one cannot purport that the words through which the writer refers to their signified can be considered as its definition. It has been already pinpointed that the literary world is a mental entity. Bearing this in mind, one may realise that a text is only a mere point of reference for the reader that results in stimulating his or her discursive activity. It produces a mental construct representing the particular element of the setting – it should be named a concept. Yet, as determining the specificity of a literary concept resides beyond the scope of the paper, it will be sufficient to assume that the signified of a name is present not in the text, but in the mind of the reader.

8 Amie L. Thomasson, *Fiction and Metaphysics* (Cambridge: Cambridge UP, 1999), 47.

9 Yvonne Bertills, *Beyond Identification. Proper names in children’s literature* (Åbo: Åbo Akademi University Press, 2003), 4.

All the aforementioned remarks lead to the classification of literary proper names developed by Bertills that is different from the most traditional one, as the latter is based on the distinction between fictive and non-fictive names. According to the former classification, as Bertills asserts, all names in literature are indeed fictive.¹⁰ It can be attributed to the fact that even though a name may be adopted from the extralinguistic reality along with chosen characteristics of its real bearer, its signified in a literary text will be still a mental representation of the original one, therefore being inherently subjective and fragmentary.

Thus, fictive names can be divided into three groups, namely: *conventional*, *invented* and *imaginary*.¹¹ In fact, Bertills distinguishes yet another group, that is *semantically loaded names*, however, as it has been already suggested, all literary proper names can be termed as semantically loaded. The problem comes down to the degree of the explicitness of the link between an idea and the name, so its decrypting is totally up to the insightfulness of the reader. As far as this classification is concerned, the first group includes proper names that are adapted from the non-literary reality. Because of this, they may carry the information connected with the individual who originally possessed the given name – the process of instilling this information in a literary name is called *deonimisation*.¹² The second group involves names that are onymic neologisms being constructed from scratch by the writer. By means of this, he or she makes it highly representative of characteristic traits of the object endowed with the name, as the writer is focused specifically on matching the latter to the former. Lastly, the third group consists of names that have no apparent relation to neither the onomasticon, nor the lexicon of a given language. Ultimately, one can assert that a literary text is dependent on the will of its author, whereby its words (along with proper names) are designed to materialise particular literary concepts.

Translation of literary proper names

In the face of such a complex nature of proper names in single-language literary communication, one may question the possibility of translating them into different languages. Due to this, doubts may arise whether there are any strategies that can allow retaining the totality of the semantic and ontological specificity of literary proper names. As far as the first issue is concerned, leaving aside the obvious aspect of language and culture change, translation entails interpretation by nature. Ideally, the translator should enlist all the potential equivalents of a given linguistic unit as well as

¹⁰ Ibidem, 10–11.

¹¹ Ibidem.

¹² Mariusz Rutkowski, *Nazwy własne w strukturze metafory i metonimii. Proces deonimizacji* (Olsztyn: Wydawnictwo UWM, 2007), 29–30.

reflect on the consequences that originate from selecting each variant.¹³ Nonetheless, as translation is always a re-creation of the original structure and content, it leads to narrowing it down. Hence, translation is possible, yet it will be always fragmentary.

When it comes to translational strategies, they are related to Venuti's distinction between “domestication” and “foreignisation”.¹⁴ Accordingly, within the scope of domestication there are two strategies available, namely *transposition* and *translation*.¹⁵ Applying them equals imposing a partial interpretation of a denoted element of the literary world, as it forces the translator to focus on either formal or semantic aspects of the given proper name. It stems from the fact that transposition involves orthographical or grammatical adaptation of the source language proper name to the rules of the target language. Thus, by means of this, the translator does not render the meaning of the constituents of the proper name. As far as translation is concerned, it requires the translator to retain chosen semantic aspects of the proper name in question. This originates from the fact that the writer often takes advantage of the polysemic potential of common nouns out of which the name is constructed that is not usually present in the equivalents of the target language. Consequently, he or she is forced to decide which layer of the original polysemy is crucial for the general understanding of the signified as well as the entire literary work.

Conversely, foreignisation manifests itself through translocation, whereby the form of a proper name remains exactly as it was in the original text.¹⁶ On the one hand, it means no interference on the part of the translator that allows the reader to engage in the interpretation of the proper name. On the other hand, in the face of such a form of the proper name, the reader is incapable of understanding it unless he or she either knows the source language or embarks on the necessary linguistic analysis. Nonetheless, resorting to foreignisation allows for leaving the literary world intact, yet makes it look far more like the original text.

An analysis of Harry Potter proper names in translation

Having briefly considered the crucial problems regarding proper names in the source language text as well as their subsequent interpretation in translation, these observations should be verified on the basis of the material excerpted from the Harry Potter saga. The methodology of this analysis is grounded in confronting the names of a

13 Jiri Levy, „Przekład jako proces podejmowania decyzji”, in: *Współczesne teorie przekładu. Antologia*, eds. P. Bukowski, M. Heydel (Kraków: Znak, 2009), 73.

14 Lawrence Venuti, *The Translator's Invisibility: A History of Translation* (London & New York: Routledge, 1995), 20.

15 Aleksandra Cieślakowa, „Jak „ocalić w tłumaczeniu” nazwy własne”, in: *Między oryginałem a przekładem*, t. II: *Przekład, jego tworzenie się i wpływ* (Kraków: Księgarnia Akademicka, 1996), 317.

16 Ibidem, 318.

character, an animal and an object with their descriptions and determining whether the latter indeed realise the semantic potential of the former. At the outset, the investigation is conducted within the original text. Conclusions drawn from it are then projected onto the Polish and Russian equivalents of both proper names and chosen excerpts from the text in order to establish the degree to which the original and translational conglomerates reflect each other. Yet, it should be noted that with a view to making the analysis as in-depth as possible, the author of the paper have chosen one anthroponym (*Harry Potter*), one zoonym (*Fluffy*) and one chrematonym (*The Mirror of Erised*).

Example 1

English: Harry Potter. Polish: Harry Potter. Russian: Гарри Поттер.

The anthroponym *Harry Potter* belongs to the category of conventional proper names – both the first name and the surname of the character are taken from the non-literary environment. In fact, both of them are the realisation of J.K. Rowling’s preferences. This can be regarded as a way of expressing her emotional attitude towards the character, so Harry Potter himself can be treated as “her ghostly son”. As J.K. Rowling admits, “‘Harry’ has always been my favourite boy’s name, so if my daughter had been a son, he would have been Harry Rowling”.¹⁷

Apart from this, the name *Harry* is a relatively common name in England – this is pinpointed explicitly in the text of the first volume of the series.

Excerpt 1

English version

‘Harry. Nasty, common name, if you ask me.’

‘Oh, yes,’ said Mr Dursley, his heart sinking horribly. ‘Yes, I quite agree.’¹⁸

Polish version

– Harry. Obrzydliwe, pospolite imię.

– Och, tak... – mruknął pan Dursley, a serce w nim zamarło. – Tak, zgadzam się z tobą całkowicie.¹⁹

Russian version

– Гарри. Отвратное, простонародное имя!

– Да-да, – сказал мистер Дурслей. У него прямо-таки оборвалось сердце. – Абсолютно с тобой согласен.²⁰

17 “About the Books: transcript of J.K. Rowling’s live interview on Scholastic.com”, access 02.05.2017, <http://www.accio-quote.org/articles/2000/1000-scholastic-chat.htm>.

18 Joanne K. Rowling, *Harry Potter and the Philosopher’s Stone* (London: Bloomsbury, 2004), 11.

19 Joanne K. Rowling, *Harry Potter i Kamień Filozoficzny* (Poznań: Media Rodzina, 2000), 12.

20 Джоанн К. Роулинг, *Гарри Поттер и Философский камень* (Москва: Махаон, 2017), 16.

The choice of this particular name can be therefore interpreted as a way of highlighting the fact that Harry is an ordinary boy with whom every reader can identify. He is often considered an everyman, but with an “icing on the cake”, that is his outstanding magical abilities. J.K. Rowling admits this by saying that “He’s every boy... but with a twist”.²¹

As far as his surname is concerned, the word *potter* in English has two discrepant meanings. The primary one is that of a noun which stands for a person whose occupation revolves around making various ceramic wares. This semantic aspect of the surname can be approached metaphorically. Yet, when it comes to the secondary meaning of the word *potter*, being a verb that represents an action of wandering around or acting in a vague and unmotivated way, it realises itself quite literally in the deeds of the character.

The former meaning is depicted in character’s decisions, and this is a metaphorical representation of the job of a potter – by means of his actions, he factually molds and shapes his fate as if it was a clay vessel.

Excerpt 2

English version

Harry then did something that was both very brave and very stupid: he took a great running jump and managed to fasten his arms around the troll’s neck from behind.²²

Polish version

Harry zrobił wówczas coś, co było bardzo odważne i bardzo głupie: rozpędził się i skoczył trollowi na plecy, oplatając ręce wokół jego szyi.²³

Russian version

И тогда Гарри совершил поступок очень смелый и очень глупый: разбежался, подпрыгнул и повис у тролля на шее.²⁴

Harry Potter was particularly stubborn in fighting with the main antagonist of the series, Lord Voldemort. Although he was deemed to have no chances of winning the battle, it was revealed in *Harry Potter and the Order of the Phoenix* that he was indeed “the chosen one” predestined to fight with the Dark Lord.²⁵ Thus, being utterly innocent as he was, Harry turned out to be the leader of the good characters in the series. This somehow corresponds with the implicit connotation that the name *Harry*

21 BBC, *Harry Potter and Me*, access 02.05.2017, <http://www.accio-quote.org/articles/2002/1102-aebio-graphy.htm>.

22 Rowling, *Harry Potter and the Philosopher’s*, 130.

23 Rowling, *Harry Potter i Kamień*, 185.

24 Роулинг, *Гарри Поттер и Философский*, 248.

25 Joanne K. Rowling, *Harry Potter and the Order of the Phoenix* (London: Bloomsbury, 2003), 693.

might trigger, as it is a short form of *Henry* – this was a name of many kings in the history of England.

Excerpt 3

English version

It's only dying a bit later than I would have done, because I'm never going over to the Dark Side! I'm going through that trapdoor tonight and nothing you two say is going to stop me! Voldemort killed my parents, remember?²⁶

Polish version

Jeśli mnie złapią, zanim dostanę się do Kamienia, to trudno, wrócę do Dursleyów i będę czekał, aż Voldemort tam mnie dopadnie, po prostu umrę trochę później, bo nigdy, prze-nigdy nie stanę po stronie czarnej magii! Tej nocy wejdę tam i żadne z was mnie nie powstrzyma! Voldemort zabił moich rodziców, zapomnieliście o tym!²⁷

Russian version

Если я попадусь, не добуду камень – ну, значит, отправляюсь назад к Дурслеям и буду ждать, пока до меня доберется Вольдеморт... Просто умру чуть позже, чем планировалось... Потому что я никогда не перейду к силам зла! Сегодня ночью я иду в хранилище, говорите что хотите, вы меня не остановите! Вольдеморт, между прочим, убил моих родителей!²⁸

It can be therefore said that the meaning of the name *Harry Potter* is a combination of linguistic and extralinguistic knowledge. Possessing it may translate into appropriate understanding of the character and the relation between his personality and name. Nonetheless, primarily English people can be expected to be aware of this, while for Polish and Russian readers these facts might remain unnoticed.

Thus, as far as Polish and Russian translations are concerned, they take the following shape: *Harry Potter* and Гарри Поттер, respectively. The Polish translator, Andrzej Polkowski, decided to translocate the name of the protagonist of the series, therefore depriving it of all the meaning for Polish readers. However, he compiled a thesaurus of proper names and common nouns that were interesting from his point of view and put them at the end of each volume – he indeed devoted an entry to the main protagonist, yet deciphering only the meaning of his surname.²⁹ In turn, the Russian translator, Maria Spivak, opted for transliteration in order to make the name more formally familiar to Russian readers, which is, in fact, in accordance with the Russian tradition of transliterating all foreign proper names. Nonetheless, it deters Russian readers from distilling the meaning of the name *Harry Potter*, which is hindered

26 Rowling, *Harry Potter and the Philosopher's*, 197.

27 Rowling, *Harry Potter i Kamień*, 279–280.

28 Роулинг, *Гарри Поттер и Философский*, 377–378.

29 Rowling, *Harry Potter i Kamień*, 323.

even more by the fact that she did not use any strategy of explicating the information hidden in the name. Consequently, as can be seen in Excerpts 1, 2 and 3 above, the descriptions of the protagonist are carefully retained in Polish and Russian translations, however not projecting onto the name.

Example 2

English: Fluffy. Polish: Puszek. Russian: Пушок.

The zoonym *Fluffy* also originates from the non-literary world, belonging to the category of conventional names – it is used for naming pets. As such, it is relatively easy to understand the reason why it was used by J. K. Rowling, as it is based on the word *fluff* that is a synonym of *fur*. Taken out of the context of the series, the word *fluffy* is an adjective used to describe the softness of a material. However, for the purposes of the animal named *Fluffy*, J. K. Rowling propriated the word. Although it may imply referring to a small, cute pet, it stands for a gigantic, three-headed monster-dog that guards the entrance to the location where the Philosopher’s Stone was hidden. Thus, the name is primarily of ironic nature, since when the trio of protagonists of the saga (Harry Potter, Hermione Granger and Ron Weasley) encountered the dog for the first time,

Excerpt 1

English version

[t]hey were looking straight into the eyes of a monstrous dog, a dog which filled the whole space between ceiling and floor. It had three heads. Three pairs of rolling, mad eyes; three noses, twitching and quivering in their direction; three drooling mouths, saliva hanging in slippery ropes from yellowish fangs.³⁰

Polish version

Patrzyli prosto w ślepią monstrualnego psa – psa, który wypełniał całą przestrzeń między sufitem a podłogą. Pies miał trzy głowy. Trzy pary wytrzeszczonych, wściekłych oczu, trzy nosy, dygocące i marszczące się w ich stronę, trzy potworne pyski o żółtych kłach, z których wisały strąki śliny.³¹

Russian version

Они смотрели в глаза чудовищному псу – громадине от пола до потолка. И у пса было три головы. Три пары вытаращенных, бешеных глаз, три пары раздувшихся ноздрей, три разинутых пасти, и с пожелтевших клыков скользкими веревками свисали слюни.³²

30 Rowling, *Harry Potter and the Philosopher’s*, 119.

31 Rowling, *Harry Potter i Kamień*, 169–170.

32 Роулинг, *Гарри Поттер и Философский*, 228.

This creature should be interpreted as a reference to the mythical dog, Cerber, since the former reminds the latter not only in terms of its function (guarding an entrance to an important place), but also in terms of its looks.³³ It should be noted that Hagrid, the forest ranger and Keeper of Keys and Grounds of Hogwarts, named the dog *Fluffy*. He was truly fascinated by such creatures, not perceiving any danger and monstrosity in them, thus approaching them with care and gentleness. This is the exact reason why such a monster was given such a sweet-sounding name.

Excerpt 2

English version

Hagrid dropped the teapot.

‘How do you know about Fluffy?’ he said.

‘Fluffy?’

‘Yeah – he’s mine – bought him off a Greek chappie I met in the pub las’ year – I lent him to Dumbledore to guard the –’³⁴

Polish version

Hagrid wypuścił z rąk dzbanek.

– Skąd wiecie o Puszku? – zapytał.

– O Puszku?

– No tak... to mój pies... kupiłem go od jednego Greka... w pubie, w zeszłym roku... pożyczyłem go Dumbledore’owi, żeby pilnował...³⁵

Russian version

Огрид выронил чайник.

– Как вы узнали про Пушка?

– Пушка?

– Ну да... Это мой пес... Прикупил у одного грека, в пабе познакомились в том году... А сейчас одолжил Думбльдору сторожить...³⁶

In this case, both Polkowski and Spivak opted for translation. They decided to mirror the formal structure of the original name by means of finding equivalents of the root *fluff* (*Pusz* and Пуш) and the suffix *-y* (*-ek* and *-ок*) – this is an instance of calquing the structure of the original name. As a result, they managed to preserve the meaning instilled within the name as well as to project the descriptions onto the name. It may be ascribed to the fact that the English *Fluffy* is not heavily semantically

33 Allan Z. Kronzek, Elizabeth Kronzek, *Księga wiedzy czarodziejskiej. Przewodnik po zaczarowanym świecie Harry’ego Pottera* (Poznań: Dom Wydawniczy Rebis), 253–254.

34 Rowling, *Harry Potter and the Philosopher’s*, 141.

35 Rowling, *Harry Potter i Kamień*, 126.

36 Роулинг, *Гарри Поттер и Философский*, 271.

loaded, so the meaning of the name is relatively explicit and no polysemy is present in it.

Example 3

English: The Mirror of Erised. Polish: Zwierciadło Ain Eingarp. Russian: Зеркало Джедан.

This chrematonym can be assigned to the group of invented literary proper names. It denotes a mirror that has highly magical properties – it reflects the deepest desires of a person who looks at it.

Excerpt 1

English version

It shows us nothing more or less than the deepest, most desperate desire of our hearts.³⁷

Polish version

Pokazuje nam ni mniej, ni więcej, tylko najgłębsze, najbardziej utęsknione pragnienie naszego serca.³⁸

Russian version

Оно показывает наши самые сокровенные желания. Не больше и не меньше.³⁹

The property of the mirror is verbalised by means of the second part of its name, *of Erised*, yet being somehow hidden. It stems from the fact that the word *desire* is written backwards here. It can be interpreted as an attempt to make an impression that the mirror is an ancient artefact. In fact, the technique of writing in reverse direction is used for both the name of the mirror and the entire inscription above it:

It was a magnificent mirror, as high as the ceiling, with an ornate gold frame, standing on two clawed feet. There was an inscription carved around the top: *Erised stra ehru oyt ube cafru oyt on wohsi*.⁴⁰

Putting the inscription in the natural order and changing the location of spaces between the words leads to forming the following sentence: *I show not you face but your heart's desire*. Apparently, by means of using this technique, J.K. Rowling wanted to make it look as if it was an old language, possibly extinct. Therefore, in the case of this proper name, it is vital to focus on not only its semantics, but also on its form.

As far as the translations are concerned, Polkowski decided to retain the structure *the mirror of desire* by means of using the possessive case and writing the word *prag-*

37 Rowling, *Harry Potter and the Philosopher's*, 157.

38 Rowling, *Harry Potter i Kamień*, 222.

39 Роулинг, *Гарри Поттер и Философский*, 300.

40 Rowling, *Harry Potter and the Philosopher's*, 152.

nienia in reverse. Exactly as it is in the English text, the name of the mirror is located at the beginning of the inscription:

Polish version

Było to piękne lustro, oparte o ścianę, sięgające aż do sufitu, w bogato zdobionej złotej ramie. Na szczycie ramy widniał napis:

AIN EINGARP ACRESO GEWTEL AZ RAWTĄ WTE IN MAJ IBDO.⁴¹

The impression of it being an ancient mirror is recreated here through the part *ain*, which may resemble Latin or German. When put in the proper order, the inscription goes like this: *Odbijam nie Twą twarz, ale Twego serca pragnienia* – it is an accurate rendition of the source language one.

Spivak also opted for the strategy of writing the equivalent of the word *desire* (надежда) backwards. It is worth pinpointing that the Russian word is only a partial translation of the original word, as it rather stands for *hope* than *desire*. On the one hand, Spivak reflected the English structure of *Erised*, as she put the noun in the possessive case. On the other hand, she decided to pluralise it, although *desire* is singular in the original proper name. Apart from this, there is a significant deviation from the original in terms of the aforementioned inscription, since the Russian translator did not put the name of the mirror in its beginning – it is located in the middle, making the entire sentence lose its original specificity.

Russian version

Великолепное зеркало – до потолка, в резной золоченой раме, на двух когтистых лапах. Поверху резная надпись: «Иов тьяин евор косон килен».⁴²

Since it is also written in the reverse direction, one can decipher it in the following way: Не лик, но сокровения твои (*Not the face, but your desires*). By means of mirroring this technique the translator preserved the foreign-like form of the inscription – to Russian readers the sentence may sound as Old Church Slavonic. Nevertheless, Spivak deprived the sentence of the initial structure *I show* (*odbijam* in the Polish translation) that makes it harder to comprehend. All in all, it becomes obvious that both translators reflected the original strategies employed by J.K. Rowling only partially due to the limitations of the target languages as well as due to their personal decisions.

As the formal limitations of the paper do not allow to analyse more examples, it might be appropriate to enlist a few additional ones. The following fall into the three abovementioned categories:

41 Rowling, *Harry Potter i Kamień*, 216.

42 Роулинг, *Гарри Поттер и Философский*, 292.

Alastor “Mad-Eye” Moody – *Alastor “Szalonooki” Moody* – Аластор “Шизоглаз” Хмури (anthroponym)

Gilderoy Lockhart – *Gilderoy Lockart* – Сверкароль Чаруальд (anthroponym)

Buckbeak – *Hardodziob* – Конькур (zoonym)

Fawkes – *Fawkes* – Янгус (zoonym)

the Deathly Hallows – *Insygnia Śmierci* – Дары Смерти (chrematonym)

Pensieve – *myślodsiewnia* – дубльдум (chrematonym – in both translations the translators transformed the original proper name into a common noun).

Conclusion

All things considered, the theoretical assumptions made in the paper are in fact confirmed in the analysis of the relation between the original conglomerates “the proper name-descriptions of the signified” and their equivalents in Polish and Russian. It is an inherent property of literary proper names to carry a complex load of linguistic and extralinguistic information that, in turn, triggers various connotations. Their discursive nature implies dependence on not only language and culture, but also on one’s personality. Thus, even if the English, Polish and Russian languages and cultures were perfectly identical, the proper names would still be interpreted from the personal perspective of each translator and reader. Interestingly enough, Newmark suggests that “the translator should explain the connotations in a glossary and leave the names intact”,⁴³ what Polkowski did, yet with an insufficient degree of consistency. This proves that the Polish translator was actually conscious of the importance of the information instilled in the proper names by J.K. Rowling. Nonetheless, the variety of connotations stipulated by proper names and descriptions of their signifieds can be called as “the tip of the iceberg”, since they constitute a portion of the totality of mental images of the elements of the literary world. To conclude, literature can be interpreted as designed to be shaped by discursive spaces of its receivers. The only feasible way of determining actual intentions of the writer is consulting particular interpretations of the text with him or her directly.

43 Newmark, *Approaches*, 71.

Bibliography

- About the Books: transcript of J.K. Rowling's live interview on Scholastic.com.* Access 02.05.2017. <http://www.accio-quote.org/articles/2000/1000-scholastic-chat.htm>.
- Алефиренко, Николай Ф. „Имплицитность художественного слова как когнитивно-дискурсивная категория”. *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки* 10 (2011),12: 5–11.
- BBC. *Harry Potter and Me.* Access 02.05.2017. <http://www.accio-quote.org/articles/2002/11-02-aebiography.htm>.
- Bertills, Yvonne. *Beyond Identification. Proper names in children's literature.* Åbo: Åbo Akademi University Press, 2003.
- Cieślakowa, Aleksandra. „Jak „ocalić w tłumaczeniu” nazwy własne”, in: *Między oryginałem a przekładem*, t. II: *Przekład, jego tworzenie się i wpływ* (1996): 311–320.
- Gibka, Martyna. „Hooch, Filch i Puszek, czyli jak polskie tłumaczenie Harry’ego Pottera wpływa na funkcję humorystyczną nazw własnych postaci”. In: *Emocje w językach i kulturach świata*, eds. E. Komorowska, A. Szlachta. Szczecin: Volumina.pl Daniel Krzanowski, 2016.
- Gibka, Martyna. “Hooch, Filch and Fluffy: How the polish translation of Harry Potter influences the humorous function of the characters’ names”. In: *Komunikacja międzykulturowa w świetle współczesnej translatoologii. Literatura*, eds. E. Kujawska-Lis, I. Ndiaye. Olsztyn: UWM w Olsztynie, 2014.
- Kronzek, Allan Z., Elizabeth Kronzek. *Księga wiedzy czarodziejskiej. Przewodnik po zaczarowanym świecie Harry’ego Pottera.* Poznań: Dom Wydawniczy Rebis, 2008.
- Kudlik, Małgorzata. “Переводческие практики в передаче смысловых имен собственных в польском и русском переводах книги Дж.К. Ролинг Гарри Поттер и философский камень”. In: *Wschód-Zachód. Dialog kultur*, ed. Z. Nowożenowa. Słupsk: Wydawnictwo Naukowe Akademii Pomorskiej, 2006.
- Levy, Jiri. „Przekład jako proces podejmowania decyzji”. In: *Współczesne teorie przekładu. Antologia*, eds. P. Bukowski, M. Heydel. Kraków: Znak, 2009.
- Lydon, Christopher. Access 02.05.2017. <http://www.accio-quote.org/articles/1999/1099-connectiontransc2.htm>. “The Connection (J.K. Rowling’s interview)”. Access 02.05.2017. <http://www.accio-quote.org/articles/1999/1099-connectiontransc2.htm>.
- Małek, Magdalena. „O tłumaczeniach książki *Harry Potter and the Deathly Hallows* autorstwa J.K. Rowling”. In: *Debiuty Naukowe II. Terminologia – translatoryka – terminografia*, ed. M. Łukasik. Warszawa: Katedra Języków Specjalistycznych – Koło Naukowe BAJT, 2008.
- Newmark, Paul. *Approaches to Translation.* Oxford: Pergamon, 1981.
- Rowling, Joanne K. *Harry Potter and the Philosopher’s Stone.* London: Bloomsbury, 2004.
- Rowling, Joanne K. *Harry Potter i Kamień Filozoficzny.* Poznań: Media Rodzina, 2000.
- Роулинг, Джоанн К. *Гарри Поттер и Философский камень.* Москва: Махаон, 2017.
- Rutkowski, Mariusz. *Nazwy własne w strukturze metafory i metonimii. Proces deonimizacji.* Olsztyn: Wydawnictwo UWM, 2007.
- Thomasson, Amie L. *Fiction and Metaphysics.* Cambridge: Cambridge UP, 1999.

Venuti, Lawrence. *The Translator's Invisibility: A History of Translation*. London & New York: Routledge, 1995.

Тынянов, Юрий Н. *Поэтика. История литературы*. Москва: Кино, 1977.

Abstract

In the paper the author investigates the specificity of literary proper names and its implications on their translation. He focuses on the discursive process of projecting the descriptions of the elements of the literary setting onto their respective names. The main postulate is that literary proper names, apart from triggering various linguistic and extralinguistic connotations, primarily form a complex image of their signifieds in the minds of the readers in cooperation with the literary text itself. Accordingly, in the face of this cognitive potential that literary proper names have, the translator is forced to retain only its key aspects. This process of decision-making is grounded in knowledge, perception and the view of the world of each individual. The aforementioned assumptions are verified by means of comparing the way in which proper names and descriptions of their bearers function in the original text of the Harry Potter series with its Polish and Russian translations. Ultimately, the analysis leads to a conclusion that the process of translating literary proper names boils down not only to linguistic and cultural differences, but also to the personality of the translator and his or her conscious decisions.

Keywords: literary proper names, literary translation, discursive activity, the process of decision-making

SPECYFIKA LITERACKICH NAZW WŁASNYCH: *HARRY POTTER* W TŁUMACZENIU NA JĘZYK POLSKI I ROSYJSKI

Abstrakt

W artykule autor analizuje specyfikę literackich nazw własnych i jej wpływ na ich tłumaczenie. Skupia się na dyskursywnym procesie projektowania opisów elementów literackiego świata przedstawionego na ich nazwy. Kluczowym postulatem autora jest stwierdzenie, że literackie nazwy własne, oprócz wywoływania różnych konotacji językowych i pozajęzykowych, tworzą przede wszystkim złożony obraz ich desygnatów w umysłach czytelników we współpracy z samym tekstem dzieła literackiego. W związku z tym, w obliczu takiego kognitywnego potencjału literackich nazw własnych, tłumacz jest zmuszony do zrekonstruowania tylko jego kluczowych aspektów. Niniejszy proces podejmowania decyzji osadzony jest jednak na jego światopoglądzie, wiedzy i percepcji rzeczywistości. Powyższe założenia

są weryfikowane poprzez porównanie sposobu, w jaki nazwy własne i opisy ich desygnatów funkcjonują w tekście oryginalnym sagi o Harrym Potterze z ich polskim i rosyjskim tłumaczeniem. Przeprowadzona analiza prowadzi do wniosku, zgodnie z którym na proces tłumaczenia literackich nazw własnych wpływają nie tylko różnice pomiędzy językami i kulturami, lecz również osobowość tłumacza i podjęte przez niego decyzje.

Słowa kluczowe: literackie nazwy własne, ontologia świata przedstawionego, tłumaczenie literackie, działalność dyskursywna, proces podejmowania decyzji

JĘZYKOZNAWSTWO

СЕРГЕЙ ИВАНОВИЧ ЩЕРБИНА / SERGEI IVANOVICH SHCHERBINA
Российский государственный аграрный университет – МСХА имени К.А.Тимирязева,
Москва, Россия

ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ ДЕФИНИЦИИ ТЕРМИНА «СЛОВО» В РУССКОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ

В восточнославянской филологической традиции представление о слове как некоторой значимой единице, занимающей центральное место в грамматическом описании, существовало издавна. Для славянского книжника основополагающая значимость слова определялась не только установившимся взглядом древних грамматистов на его природу, но обуславливалась христианской онтологией языка, утверждающей могучую созидательную силу слова.

Именно так понимали слово Кирилл и Мефодий, свершившие первый акт терминологического творчества, созидая славянский литературный язык: «Въ началѣ бѣ слово, и слово бѣ отъ(ь) Бога, и Б(ог)ъ бѣ слово»¹. Разница между семантикой лексемы «слово» в обиходно-бытовом значении и тем, которое она получает в контексте пролога «Евангелия от Иоанна», очевидна. Отождествив центральный термин эллинистической философии *logos* и славянскую общеупотребительную лексему «слово», первоучители фактически использовали приём транспозиции, суть которого заключается в том, что лексическая единица из всеобщего языка перемещается в разряд терминов. Семантика транспозита при этом модифицируется, но в то же время не порывает с исходным значением.

Этот приём у славянских книжников нашёл широкое применение. Если «Бесѣда о оучении грамоте» продуцирует значение термина слово как равноценное греческому *logos*, подчёркивающему «двойное, сугубое рождение человеческого слова, его изотеричность («того ради по сугубому рождению сына божі# и нашего слова сугубое рождение понеже бо (нце)раждаетс# прежде

1 Пролог Святого Евангелия от Иоанна (Санкт-Петербург: Синодальная типография, 1911), 359.

w(т)дша нѣкимъ рождениемъ непостижимъ...»), то многочисленные трактаты позднего средневековья обнаруживают тенденцию к пониманию «слова» как термина, несущего в себе выраженное филологическое значение². Его формирование на славянской почве объясняется особенностями функционирования лексемы «слово» в оригинальных грамматиках. При этом термин слово у восточнославянских книжников, а позднее и российских просветителей становится многозначным, обнаруживая следующие значения: 1) «буква» в рассуждении архимандрита Анфима: «...но і полезно еже в началѣ стиха красное писати слово»; 2) близкое к значению «абзац» в статье «Ин перевод»: «Вопрос: Колико испw(л)неи# в книга(x) совершаю(т)с#? Ответ: шесть-книга, розде(л)ение, пре(д)лог, слово, главизна, стихъ»; 3) «глагол как часть речи» (в современном понимании термина) в «Донате»: «Слово и рѣчь за одно стоит и вѣщание, кое хочешь то рѣчь»; 4) «часть речи» в составе словосочетаний «честии слова», «части слова» в трактате «О восьми частях слова», «Адельфотисе», в Грамматиках Л. Зизания и М. Смотрицкого: «Соуть же оубо слова честии слова wсмъ ~лика глаголемъ и пишемъ wнѣсихъ ничтоже ~сть. Соуть же сіе име, рѣчь, причестие, различіе, мѣсто-имене, прѣдлогъ, нарѣчье, соузь»; 5) «единица языка», благодаря которой «строится речь» в одной из статей, приписываемой М. Греку: «гл(а)совна съ вѣкшл# ема съ(со)гласовными, съврѣшают склады слова, а слова добросчина на горече(н)#. Члкъ есть животно словесно»³.

Смысловое варьирование термина слово отмечается не только при сопоставлении разных памятников традиции, но и в рамках одного сочинения. Так, слово как специализированное средство выражения в рассуждениях «О осми-честехъ слова по вопросам отвѣты», автором которых Ф. Калайдович считал «преподобного и богоносного отца нашего И. Дамаскина», имеет два значения: 1) «речь как языковое проявление» («Вопрос: Что есть речение и что рѣ(ч) и слово? Ответ: Слово есть речеи сложеніе»); 2) «простое нераспространѣнное двусоставное предложение» («Вопрос: Колико есть необавны? Ответ: Три: реченіе, рѣ(ч) и слово ... третислованеобавное сеестъ: члкъ стоить») ⁴.

Для термина слово в донаучный период характерна полилексия, которая формировалась преимущественно тремя единицами: лексемами речь, речение, являющимися производными от общеславянского *rekŭti «говорить», и непосредственно греческим термином *risis*: «...писали рѣчи и литеры просодию»;

2 Игнатий В. Ягич, *Рассуждения южнославянской и русской старины о церковнославянском языке* (Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии Наук, 1895), 676.

3 Ягич, *Рассуждения южнославянской и русской старины*, 787, 698, 821, 329, 602.

4 Ibidem, 766–767.

«...нипремѣннати речение какого, всякое речение или слово...»; «...рисиспо гречески глаголане или речение толкуется»⁵.

Однако уже к середине XVIII в. повышенная лексическая вариантность понятия деятелями русской культуры ощущается как тормоз в установлении объёма значения термина слово, в связи с чем возникает устойчивая тенденция к освобождению понятия от избыточного наименования. На это прямо указывает в своих рассуждениях о терминах речение, слово В.К. Третьяковский: «Теперь бы требовал порядок, чтоб я вам описал и то, что есть речение или... слово...»⁶. В этом высказывании выдвинуто требование о необходимости разграничения терминов и толкования их в соответствии с предметом обсуждения. И далее он замечает, что термин «речение есть то же что целая речь», о термине слово он сообщает, что его следует использовать в том случае, если предметом наблюдения является «наше правописание», – о других значениях термина автор «умалчивает как нерассуждающий всей целой Грамматике»⁷.

Фактически В.К. Третьяковским был намечен один из возможных путей преодоления вариантности в терминологии, заключающийся в дифференциации подобных средств выражения, которая в свою очередь привела к сужению их семантического объёма и наметила спецификацию терминологических лексем. (В скобках заметим, что рациональные рассуждения о разграничении «речи» и «слова», приписываемые исследователями В.К. Третьяковскому, на самом деле впервые были высказаны и обоснованы В.Е. Адогуровым в его второй Грамматике, не ставшей, к сожалению, в своё время известной в научной среде.) Но термин слово ещё долгое время обнаруживал как признаки полилексии, так и устойчивую тенденцию к многозначности.

Так, А.А. Барсов, сообразно взглядам эпохи Просвещения на проблему слова и речи, констатирует, что «слова или речения суть знаки наших мыслей; речение или слово есть изображение голосом, а потому и буквами...»⁸. Подобное терминологическое употребление отмечается в философской грамматике И. Орнатовского и академика И.С. Рижского, сформулировавшего впервые в русском языкознании логико-грамматическую точку зрения на язык. Термином слово он обозначает, выражаясь современным языком, языковую систему и способность сознания к абстрагированию, отождествляя логические категории с грамматическими: «Слова суть знаки наших мыслей. Свойства означа-

5 Лидия П. Рупосова, Сергей И. Щербина, *Введение в славянскую филологию* (Москва: МГОУ, 2008), 58.

6 Василий К. Третьяковский, *Разговор между чужестранным человеком и российским об ортографии старинной и новой и о всем, что принадлежит к сей материи* (Санкт-Петербург: Изд. А. Смирдина) 1849, 126.

7 Третьяковский, *Разговор между чужестранным*, 128.

8 *Российская грамматика Антона Алексеевича Барсова*, под ред. и с предисловием Б.А. Успенского (Москва: МГУ, 1981), 90.

емой вещи должны находиться в её изображении, если токмо оно может их выражать. Следовательно, всё, что существенно и всегда принадлежит нашим мыслям, должно быть существенно и непременно в наших словах, разумея, сколько позволяет невещественность мысли в отношении к словам, кои суть, как уже сказано, нечто чувственное»⁹.

Пожалуй, одним из первых грамматистов, кто термин слово употребил без вариантных наименований, был Л.Г. Якоб. Продолжая популяризацию логико-грамматической точки зрения на язык, он в качестве исходной единицы мышления и языка называет слово – такой исходный знак, «который представляет из себя членораздельные звуки ... они необходимо нужны к мышлению, поелику без оных не можно никакой мысли в отвлечённости составить, а тем паче удержать ... Что слова могут быть представляемы буквами или на письме, что они таким образом получают постоянство и бывают способны к сообщению мыслей в отдалёнейшие времена и пространства, сие обстоятельство довершает все те выгоды, какие только могут иметь знаки»¹⁰. Понимание слов как способа выражения мыслительных категорий, отождествлений слов с понятиями характерно и для В.Г. Белинского, поскольку язык для него есть «покров, одежда, форма выражения мысли, а мысль есть смысл, разум, значение слов». Отсюда и слово в его трактовке выступает как «условный знак понятий, выражаемых посредством различных сочетаний звуков голоса»: «Слово, взятое отдельно, есть выражение какого-нибудь понятия, совокупность слов, имеющая определённый смысл, есть выражение какого-нибудь суждения»¹¹.

Н.И. Греч термин слово использует в разных значениях. С одной стороны, подобно М.В. Ломоносову, он в его значение вкладывает смысловое начало термина язык. Терминологическая единица слово в употреблении грамматиста соотносится с представлением о языковой национальной системе как государственной категории: «История русского слова есть история Российского государства»¹². С другой стороны Н.И. Греч продолжает популяризацию наметченного Л.Г. Якобом понимания термина слово как знака. Знаковая сущность слова, по мнению Н.И. Греча, проявляется в его двойственной природе: слово может выступать как знак внешний, знак впечатлений (очевидно, здесь имеется в виду звуковая оболочка слова) и как знак внутренний, выражающий происходящие в слове изменения значения (в данном случае под знаком понимается

9 Иван С. Рижский, *Введение в круг словесности* (Харьков: Университетская типография, 1806), 22.

10 Людвиг Г. Якоб, *Начертание всеобщей грамматики для гимназий Российской империи* (Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии Наук, 1830), 12.

11 Виссарион Г. Белинский, *Основания русской грамматики, составленные Виссарионом Белинским* (Москва: АН СССР, 1953), 581.

12 Николай И. Греч, *Пространная русская грамматика* (Санкт-Петербург, 1840), 59.

понятийная, смысловая сторона слова). Выделение в термине слово признаков знакового характера даёт основание предположить, что Н.И. Гречем была предпринята попытка теоретического осмысления знаковой природы языка: «... дар слова есть способность, врождённая человеку ... (в слове) невидимая мысль человеческая принимает образ осязательный, облекаясь в звуки. Из всего видно, что происшедшее от совокупления сих двух стихий, т.е. мысли и звука, стройное целое (организм), язык или слово человеческое имеет два начала: логическое, или умственное, и эвфоническое, или благозвучное. Первое побуждает ... выражать мысль или ощущение звуком голоса; последнее заставляет ... избирать для сего выражения тот или другой звук ...»¹³.

Дисциплинарный статус термина слово у К.С. Аксакова основывается на положении, что слово представляет собой единство двух сторон – внешней и внутренней, материальной и идеальной. Внешняя сторона проявляется в образах, а внутренняя есть проявление идеи, которая, по мнению грамматиста, заключена в корне: «Слово отражает в себе сознательно весь мир ... и заключает в себе и внутреннее, вечно присущее, и внешнее, изменяющееся ... заключает в себе ... идею и форму, именно: коренное значение, высказывающееся в корне слова, и значение относительное, выражающееся в образовательном окончании или вообще в изменяющейся или придаточной части слова»¹⁴.

Известный представитель славянского языкознания А.А. Потебня определяет слово как «единство членораздельного звука и значения», как «звуковое единство с внешней стороны и единство представления и значения с внутренней»¹⁵. Именно такое единство и обеспечивает функционирование слова. Лишённое одного из составляющих, слово «перестает быть словом и превращается в искусственный фонетический аппарат». Эту мысль А.А. Потебня настоятельно проводит в другой работе: «Всякое слово, без исключения, состоит из трёх элементов: 1) членораздельного звука, без которого слово быть не может; 2) представления и 3) значения слова»¹⁶. Данное определение слова представляет собой одну из первых попыток в русском языкознании решить вопрос об отношении формы и содержания в слове с философских позиций.

Как видим, понятийное значение термина слово в классическом русском языкознании ограничивается устойчивым представлением, что слово является основным инструментом познания, знакомым нам с детства, однако в нём отсутствует удовлетворительное определение «слова» как единицы языка. Нет общепризнанного классификационного определения одноимённого термина

13 Греч, *Пространная русская грамматика*, 11.

14 Константин С. Аксаков, *Опыт русской грамматики* (Москва: Университетская типография, 1880), 12.

15 Александр А. Потебня, *Из записок по русской грамматике* (Москва: Просвещение, 1958), 35.

16 Александр А. Потебня, *Из записок по теории словесности* (Харьков, 1905), 123.

и в современном языкознании. Основная причина его отсутствия кроется в том, что исследователи по-разному относятся к решению вопроса о главных признаках слова.

Представители семантического направления словом называют звук или комплекс звуков, которые обозначают представление или понятие: «Всякий звук речи, имеющий в языке значение отдельно от других звуков, являющихся словами, есть слово; например, в русском языке звук речи «а» представляет собою отдельное слово, так как этот звук имеет у нас известное значение (союз «а») отдельно от других звуков, являющихся словами»¹⁷. С позиций современной лингвистики, такое определение слова не вполне состоятельно, поскольку в языке есть слова, содержанием которых не является ни понятие, ни представление. Некоторые учёные исключают из числа слов междометия и звукоподражания, отказываясь признать их словами именно в силу того, что они стоят «вне системы социальных знаков человеческого общения»; к последним А.М. Пешковский прибавляет «ассортимент» побудительных слов, служащих для общения человека с животными (но-оо! тпру!), «так как в них отсутствует членение на звуки и значение, свойственные слову»¹⁸. Более того, представление или понятие могут быть обозначены не словом, а сочетанием слов (железная дорога) или даже целым предложением (бежал куда глаза глядят), превратившимся во фразеологическое сочетание (бежал наугад). И, наконец, хотя несколько неопределённое и расплывчатое, «понятие» является содержанием не только слова, но и морфемы, поскольку она является наименьшей значащей единицей.

В русле логического направления предлагается дефиниция термина слово Е.М. Галкиной-Федорук: «Слово – это звуковая единица человеческой речи, обозначающая явления действительности в их расчленённости, грамматически оформленная и одинаково понимаемая коллективом людей, объединённых исторической общностью»¹⁹. В этом определении подчёркивается социальный характер слова и его грамматическая оформленность, но в то же время констатирующая часть определения оказывается слишком узкой: её рамки не охватывают слов, которые не обозначают явлений действительности. Сомнение вызывает и утверждение, что слово обозначает явления действительности в их расчленённости – слово обнаруживает способность не только выделять отдельные явления, но и соединять их, т.е. в слове фокусируется две отличительные черты мышления человека: анализ и синтез.

17 Филипп Ф. Фортунатов, *Сравнительное языковедение. Общий курс* (Москва: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, 1956), 132.

18 Александр М. Пешковский, *Русский синтаксис в научном освещении* (Москва: УРСС, 2013), 151.

19 Евдокия М. Галкина-Федорук, *Современный русский язык. Лексика* (Москва: МГУ, 1954), 47.

Учёные, исследующие природу слова с точки зрения структурного критерия, во главу определения термина слово ставят звуковое единство единицы, соответствующее фонологическим нормам конкретной языковой системы: «Слово – это целостная единица, в которую не может быть включена другая последовательность того же уровня»²⁰. Данное определение генерализируют непроницаемость слова, предполагающую невозможность расчленения, перестановку или усечения элементов слова без нарушения его семантической или грамматической целостности. Однако этому критерию противоречат аналитические русские формы, отдельные образования, допускающие передвижение морфем, отрицательные местоимения, глаголы с отделяемыми приставками в немецком языке. Такое определение слова не даёт возможности делимитировать границы слова в контексте, с одной стороны, от его части – морфемы, а с другой – от сочетания двух слов и позволяет предположить, что морфологическая форма слова состоит из нескольких слов. В противном случае признаётся существование членимых форм слова, которые «лишь внешне совпадают с сочетанием слов». Кроме того, «форма» – это своеобразная граница, отделяющая пространственную организацию знака от внешней среды, выступающая в единстве элементарного (только конкретное слово) и базового (в основе всегда заложена структура, порождающая модель вариаций через мотивации). Через пульсацию выработанная форма может видоизменяться в определённых временных или пространственных рамках (бывает, бываат, бват, бывае, быва), и поэтому, утверждают психолингвисты, понятие «формы» для слова является условным²¹.

Несостоятельной оказалась содержательная структура термина, основывающаяся на морфологическом критерии слова: «Слово – это единица наименования, характеризующаяся цельюоформленностью (фонетической и грамматической) и идиоматичностью»²². Предлагаемая дефиниция выражают желаемые детерминирующие признаки слова, которые теоретически устанавливаются при членении макроструктуры языка на частные подсистемы. Названные признаки слово далеко не всегда обнаруживает в реальном употреблении, и поэтому априори они являются идеальными. Слово легко выделяется в потоке речи, если оно обозначает отдельный предмет, действие, качество. Значительно сложнее устанавливаются границы слов, содержанием которых являются отношения между предметами – пространственные, временные, причинно-следственные (вдали – в дали; на счёт – насчёт), когда необходимо разрешить вопрос, это пары слов или отдельные слова? В подобных случаях вопрос

20 Пётр С. Кузнецов, „Опыт формального определения слова”, *Вопросы языкознания* 5 (1964).

21 Александра А. Залевская, *Слово в лексиконе человека: Психолингвистическое исследование* (Воронеж: ВГУ, 1990), 132.

22 Дмитрий Н. Шмелёв, *Современный русский язык. Лексика* (Москва: Просвещение, 1977), 53.

решает условность, закреплённая орфографическими правилами. Например, наречие «налево» в русском языке, пишется слитно, т.е. это самостоятельное слово, в польском языке узаконено раздельное написание этой единицы: «na lewo», для носителей польского языка – это два слова. Зачастую в слове нарушается признак «фонетической цельности»: в сочетании «на руку» два слова – предлог и существительное, хотя они и объединены в одно фонетическое целое общим ударением. Фактически фрагмент этой определяющей части повторяет определение слова по фонетическому или графическому признакам: «Слово – это комплекс звуков, объединённых одним ударением»; «... то, что на письме стоит отдельно, то и есть слово»²³. Именно с целью разграничения субстанциональных детерминирующих признаков слова и конкретной их реализации в речевой практике в лингвистическом обиходе закрепился термин фонетическое слово: «Фонетическое слово – самостоятельное слово вместе с примыкающими к нему безударными служебными словами и частицами (проклитиками и энклитиками)»²⁴.

Дефиниция слова, опирающаяся на синтаксический критерий слова, не даёт целостного представления о слове как единице лексического уровня, так как не учитывает значимость каждого компонента в поле смыслов определяемого понятия и, следовательно, не отражает содержание синтаксического признака к содержанию иных признаков слова в их органической связи: «Словом называется настолько самостоятельный в смысловом отношении и логически законченный отрезок речи, что он оказывается способным изолироваться в качестве единственного состава произносительной фразы ... В известной мере синонимом можно считать термин синтагма (единица-minimum в синтаксисе)»²⁵. И, кроме этого, фрагмент реальности, отражённый в дефинируемом смысловом поле, не полностью соответствует исходному понятию: действительно, слово, занимая промежуточное положение между морфемой и целым предложением, может выступать как самостоятельное предложение (например, номинативное «Утро» или безличное «Морозит»), но под приведённые определения не подходят служебные слова, которые не способны составить предложение.

Попытка, предпринятая профессором Л.И. Жирковым синтезировать состав признаков слова в органическое целое и охарактеризовать их в единстве, оказалась не вполне удачной: такой подход выявляет состав признаков-элементов слова и предлагает перечень свойств каждого элемента как самостоятельного объекта, а дефиниция слова представляет перечень дефиниций, каждая из которых соответствует смыслу отдельного термина: «Слово – в языке соот-

23 Борис П. Ардентов, *Введение в языковедение* (Кишинёв: КГУ, 1967), 65, 67.

24 *Учебный словарь лингвистических терминов и понятий* (Нижегородск: НПИ, 2002), 321.

25 Евгений Д. Поливанов, *Толковый терминологический словарь по лингвистике* (Москва: Наука, 1991), 424, 427.

ветствует понятию в сознании людей. Каждое самостоятельное слово может в известных случаях являться словом-предложением ... Определить в предложении границы между отдельными словами можно, пользуясь тем, что в ответах на вопросы, в диалоге, мы узнаём те же слова, но в виде слов-предложений... Служебные слова ... обычно ... не выделяются отдельно от других слов... слова-частицы уже ни при каких условиях не могут выступать в качестве слов, (т.к.) почти превратились в аффиксы. Понятие может быть выражено или одним словом, или стабильным (фразеологическим) словосочетанием (швейная машина)»²⁶.

Существующие операционные критерии определения слова – их около восьмидесяти – не являются абсолютными для установления лингвистической субстанции слова. Это побудило учёных отказаться от дефиниции термина слово и рассмотрения его в качестве основной единицы языка: «В самом деле, что такое слово? Мне думается, что в разных языках это будет по-разному. Из этого, собственно, следует, что понятия «слово» вообще не существует»²⁷. Несмотря на скептическое замечание, высказанное Л.В. Щербой относительно разрешения поставленной проблемы, поиск определения понятия и адекватной ему дефиниции в поступательном развитии лингвистической мысли продолжается.

В современных исследованиях определение слова строится с учётом фонетических, грамматических и семантических признаков. Широкое распространение получила структурная дефиниция термина слово, представляющая собой валентностную синтагматическую характеристику, опирающуюся на разные аспекты слова, которые не противоречат друг другу, а взаимно дополняют. Её автором является В.Г. Гак: «Слово – основная структурно-семантическая единица языка, служащая для именованя предметов и их свойств, явлений, отношений действительности, обладающая совокупностью семантических, фонетических и грамматических признаков, специфичных для каждого языка»²⁸. В содержании определения внимание акцентируется на единстве всех трёх сторон слова – фонетической, грамматической и семантической. Зрелость дефиниции термина в данном случае обуславливается тем, что в достаточной мере успешно был осуществлён этап классификации разных признаков слова и определена их значимость для формирования обобщённого «понятийного образа» слова как единицы языка. Безусловно, способствовали этому и накопленные наукой узальные определения слова в соответствии с видовой (признаковой) классификацией, значимые из которых для современной науки

26 Лев И. Жирков, *Лингвистический словарь* (Москва: Московский институт востоковедения, 1946), 100–101.

27 Жирков, *Лингвистический словарь*, 100–101; В. Щерба, *Очередные проблемы языкознания* (Ленинград: ЛГУ, 1958), 9.

28 Владимир Г. Гак, *Слово* (Москва: Советская энциклопедия, 1990), 462.

принадлежат основателю Казанской лингвистической школы И.А. Бодуэну де Куртенэ и его ученику Н.В. Крушевскому: «Подавляющая часть слов человеческого языка лишь случайно возникшие символы... И как раз эта случайность есть характерная черта языка»²⁹; «...Никакое слово не может существовать в языке, не приспособившись своей внешней и внутренней стороной к стройному целому, называемому языком»³⁰.

Понятийная эволюция термина слово, как в калейдоскопе, фокусирует и отражает все этапы развития любой национальной терминологии: многократную индукцию лексемы, освобождение термина от избыточных наименований и детализацию его семантического объёма.

Слово постоянно развивается, оставляя след на оси диахронии, в его поле неизбежно присутствуют центробежные (ассоциативно-коннотативные) и центростремительные (лексико-семантические) процессы. Сложная природа слова и присущая ему многогранность наглядно засвидетельствована в «Евангелии от Иоанна», а тайна его первичной номинации и, подчас, функционирования, предопределённая целым рядом многообразных детерминантов, зачастую сохраняется до настоящего времени.

Библиография

- Аксаков, Константин. *Опыт русской грамматики*. Полн. собр. соч. Т. 3. Москва: Университетская типография, 1880.
- Ардентов, Борис. *Введение в языковедение. Учебное пособие*. Кишинёв: КГУ, 1967.
- Белинский, Виссарион. *Основания русской грамматики, составленные Виссарионом Белинским*. Полн. собр. соч. Т. 2. Москва: АН СССР, 1953.
- Бодуэн И.А. де Куртенэ. „Человечение языка“. В: *Избранные труды по общему языкознанию*, 258–264. Т. 1. Москва: АН СССР, 1963.
- Гак, Владимир. „Слово“. В: *Лингвистический энциклопедический словарь*, под ред. В.Н. Ярцевой, 462–467. Москва: Советская энциклопедия, 1990.
- Галкина-Федорук, Евдокия. *Современный русский язык, Лексика*. Москва: МГУ, 1954.
- Греч, Николай. *Пространная русская грамматика*. Санкт-Петербург, 1840.
- Жирков, Лев. *Лингвистический словарь*. Москва: Московский институт востоковедения, 1946.
- Залевская, Александра. *Слово в лексиконе человека: Психолингвистическое исследование*. Воронеж: ВГУ, 1990.
- Крушевский, Николай. „Очерки по языковедению. 1. Французская грамматика“. В: *Избранные работы по языкознанию*. Подготовка текста и комментариев Ф.М. Березина, под ред. В.Н. Ярцевой, 223–226. Москва: Наследие, 1998.

29 Иван А. Бодуэн де Куртенэ, *Человечение языка* (Москва: АН СССР, 1963), 261–262.

30 Николай В. Крушевский, *Очерки по языковедению. 1. Французская грамматика* (Москва: Наследие, 1998), 225.

- Кузнецов, Пётр. „Опыт формального определения слова”. *Вопросы языкознания* 5 (1964): 75–77.
- Пешковский, Александр. *Русский синтаксис в научном освещении*. Москва: УРСС, 2013.
- Поливанов, Евгений. „Толковый терминологический словарь по лингвистике”. В: *Труды по восточному и общему языкознанию*, 313–494. Москва: Наука, 1991.
- Потебня, Александр. *Из записок по русской грамматике*. Т. 1–2. Москва: Просвещение, 1958.
- Потебня, Александр. *Из записок по теории словесности*. Харьков, 1905.
- „Пролог Святого Евангелия от Иоанна”. В: *Святое Евангелие от Матфея, от Марка, от Луки, от Иоанна*, 359–362. Санкт-Петербург: Синодальная типография, 1911.
- Рижский, Иван. *Введение в круг словесности*. Харьков: Университетская типография, 1806.
- Российская грамматика Антона Алексеевича Барсова*. Подготовка текста и текстологический комментарий М.П. Тоболовой. Под ред. и с предисловием Б.А. Успенского. Москва: МГУ, 1981.
- Рупосова, Лидия, Сергей Щербина. *Введение в славянскую филологию*. Учебное пособие. Москва: МГОУ, 2008.
- Третьяков, Василий. „Разговор между чужестранным человеком и российским об орфографии старинной и новой и о всем, что принадлежит к сей материи [1748]”. В: *Сочинения*, 12–316. Т. 3. Санкт-Петербург: Изд. А. Смирдина, 1849.
- Учебный словарь лингвистических терминов и понятий*. Отв. редактор Н.К. Фролов. Нижневартовск: НПИ, 2002.
- Фортуатов, Филипп. «Сравнительное языковедение. Общий курс». В: *Избранные труды*, 23–97. Т. 1. Москва: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, 1956.
- Шмелёв, Дмитрий. *Современный русский язык. Лексика*. Москва: Просвещение, 1977.
- Щерба, Лев. „Очередные проблемы языкознания”. В: *Избранные работы по языкознанию и фонетике*, 5–24. Т. 1. Отв. ред. М.И. Матусевич Ленинград: ЛГУ, 1958.
- Ягич, Игнатий. *Рассуждения южнославянской и русской старины о церковнославянском языке*. Т. 1. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии Наук, 1895.
- Якоб, Людвиг. *Начертание всеобщей грамматики для гимназий Российской империи*. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии наук, 1830.

FORMATION AND DEVELOPMENT OF THE DEFINITION
OF THE TERM WORD IN THE RUSSIAN LINGUSTICS

Abstract

The article is dedicated to the history of the *word* term formation in Russian linguistics since the Eastern-Slavonic philological tradition to the present times. That there is no common classification term definition as the language unit has been due to at least two reasons for a long time – both another researchers' approach to solving *the word* form-content question from philosophical standpoint and different viewpoints of the main word characteristics. Modern Russian philology has formulated relatively stable understanding of the term due to the pre-national period research and the Russian classical science achievements, but the word itself as an investigation object remains a mystery, unavailable for most researchers, in many aspects.

Keywords: term word, definition, poly-lexis, eastern-Slavonic physiological tradition, classical Russian philology, wordcriteria, word as an investigation object

POWSTANIE I ROZWÓJ DEFINICJI TERMINU *SŁOWO*
W JĘZYKOZNAWSTWIE ROSYJSKIM

Abstrakt

Niniejszy artykuł jest poświęcony historii tworzenia semantyki terminu *słowo* w językoznawstwie rosyjskim od czasów wschodniosłowiańskiej tradycji filologicznej do współczesności. Przez długi czas brakowało powszechnie przyjętej klasyfikacyjnej definicji tego pojęcia, co jest tłumaczone odmiennymi stanowiskami badaczy wobec rozwiązania kwestii stosunku formy i treści w słowie, z pozycji filozoficznych, oraz przez różne poglądy na główne cechy tego pojęcia. Współczesne językoznawstwo rosyjskie, dzięki badaniom okresu przednarodowego i osiągnięciom rosyjskiej nauki klasycznej, sformułowało względnie stabilne rozumienie tego terminu, jednak samo słowo jako przedmiot badań pod wieloma względami skrywa swoją tajemnicę, niedostępną dla badaczy.

Słowa kluczowe: termin *słowo*, definicja, polileksja, wschodniosłowiańska tradycja filologiczna, klasyczne językoznawstwo rosyjskie, kryteria słowa, słowo jako przedmiot badań

LITERATUROZNAWSTWO I KULTUROZNAWSTWO

BEATA KĘDZIA-KLEBEKO*

Wydział Filologiczny Uniwersytetu Szczecińskiego

UNE NUIT D'ELIE WIESEL – UN EXEMPLE DE LA NARRATION DE GUERRE DANS LA LITTÉRATURE FRANÇAISE AU REGARD DE LA PSYCHOLOGIE CULTURELLE DE JÉRÔME BRUNER

Un nouveau champ de connaissances, dans le domaine des sciences cognitives, s'est essentiellement constitué en réaction à la théorie béhavioriste qui primait dans les recherches en psychologie dans la première moitié du XXe siècle. Le défi de la nouvelle science, dès ses débuts, dans les années 50, consistait à répondre à des questions épistémologiques concernant les activités cognitives et, tout particulièrement, « les activités symboliques que l'homme utilise pour construire et donner un sens au monde qui l'entoure et à sa propre existence »¹. Le terme de « sciences cognitives » est entré pour de bon, vingt années plus tard, dans la nomenclature scientifique pour se référer à une recherche transdisciplinaire recouvrant plusieurs disciplines et le développement de différents courants de pensée. L'un de ses éléments constitutifs devient la psychologie culturelle, selon laquelle l'influence exercée par l'histoire et la culture sur le développement cognitif prime, de façon décisive, sur celle de la biologie. Dans cette perspective, la culture est perçue comme un processus de constante construction de règles et de croyances, et non comme l'observation d'une liste de consignes qui

* Note biographique : Beata Kędzia-Klebeko est professeur à l'Université de Szczecin à la Chaire de Philologie romane, auteure de nombreuses publications dans le domaine de la sociologie de la littérature et celui de la didactique de la littérature. Dernière parution : B. Kędzia-Klebeko (et al.), *En quête du bonheur*, (Szczecin: Éd. Université de Szczecin, 2016), 2016, sous presses : B. Kędzia-Klebeko (et al.), *Les (r)évolutions de l'homme engagé – perspective littéraire et culturelle*, (Szczecin: Éd. Université de Szczecin, 2018)

1 Barth Britt-Mari, « Présentation générale : l'émergence d'une psychologie culturelle et les processus d'éducation », *Revue française de pédagogie, Psychologie de l'éducation : Nouvelles approches américaines* 111 (1995) : 5–9, consulté le 27.04.2018, www.persee.fr/doc/rfp_0556-7807_1995_num_111_1_2536.

influencent les individus. « La culture s'intègre donc à la cognition humaine, elle est à la fois un moyen et une expression de celle-ci »², ce qui suppose une participation active de l'individu qui est responsable de la construction de son monde, étant donné que celui-ci ne peut pas être simplement reçu tel quel. La psychologie culturelle revêt ainsi un caractère interdisciplinaire en se référant non seulement aux recherches en psychologie, mais aussi en anthropologie, en linguistique, en philosophie, en histoire et en théorie littéraire.

Jérôme Bruner qui l'une des personnalités de proue en la matière s'inspire, lui aussi, de plusieurs sources. Comme le précise Barth Britt-Mari, il s'agit :

du mouvement « New-Look » qui a bouleversé les théories de la perception dans les années quarante, les recherches en anthropologie, les travaux européens, comme ceux de la Gestalt théorie et de Lev Vygotsky, parmi d'autres³.

Ce qui reste primordial pour Bruner, c'est la poursuite des recherches sur la question qui était à l'origine de la révolution cognitive, à savoir « la recherche de sens au sein d'une culture qui imprègne toutes les actions de l'homme »⁴ dont la destinée reste toujours marquée par sa constitution sociale, historique et culturelle. Ainsi, c'est dans cette perspective de la psychologie culturelle que se dessine l'objectif de notre article ayant pour but d'analyser la littérature de l'holocauste, et cela à l'exemple d'une œuvre choisie d'Elie Wiesel, pour observer la volonté de l'homme de former sa culture à travers le témoignage, dans l'espoir de léguer les mots dignes d'attention et de mémoire aux générations futures.

Cela est seulement possible grâce aux modèles que l'homme peut « penser sa propre pensée ». Ils sont assurés par différentes formes de récit ou de narratif qui, selon Bruner, définissent la culture où s'encodent et s'expriment la compréhension humaine de la réalité, surtout à l'égard des valeurs, des attitudes et des états intentionnels. Le sens s'exprime aussi par un mode interprétatif et contextualisé. Privée de ce dernier élément, la culture prend un caractère propositionnel et décontextualisé et perd de vue ce qui est intéressant dans l'homme et dans son expérience du vécu, à savoir sa nature particulière. Comme le souligne Barth Britt-Mari :

Le récit se prête ainsi à communiquer une expérience vécue, ce qui permet de s'y identifier, de mieux comprendre une situation ou un phénomène. La forme narrative qui est une façon de structurer le vécu, permet non seulement de mieux le comprendre mais également de

2 Britt-Mari, *Présentation*, 5–9.

3 Ibidem.

4 Ibidem.

mieux s’en souvenir. Le narratif est aussi une façon de se servir de la langue, il s’exprime volontiers par des métaphores, des analogies et des métonymies, etc.⁵.

Dans cette perspective, la psychologie culturelle est une conception du développement humain qui est résolument constructiviste. La réalité du monde où vit un individu constitue un monde « en soi » indépendant. Par contre, la connaissance individualisée de ce monde est le résultat de l’expérience et des conceptions établies par l’être humain. Selon Bruner, la thèse du constructivisme « culturel » doit énoncer en opposition au sens commun qu’il n’existe pas un « monde réel » unique, qui pré-existerait et serait indépendant de l’activité humaine et de son langage symbolique. Il présume que « ce que nous appelons le monde est un produit d’un esprit dont les procédures symboliques construisent le monde »⁶. Selon l’auteur, le choix de l’épistémologie constructiviste n’est pas arbitraire ; il est inhérent, endémique au concept de culture. Bruner précise :

A partir du moment où l’on abandonne l’idée que « le monde » est là une fois pour toutes, et qu’il est immuable ; où l’on y substitue l’idée que ce que nous prenons pour « le monde » n’est rien d’autre qu’une stipulation formulée dans un système de symboles, la forme même de la discipline change radicalement. Nous sommes enfin en position d’affronter la multitude de formes que peut prendre la réalité, parmi lesquelles les réalités créées par des histoires ou celles créées par la science⁷.

Selon Jérôme Bruner, la culture est d’abord une production de la subjectivité humaine qui, en retour, donne forme à l’esprit qui l’a produite⁸. Dans le livre, intitulé *Culture et mode de penser*, il écrit :

L’une des idées générales est celle de la culture. La culture est un phénomène symbolique, produit par l’homme ; c’est un moyen de légitimer la « réalité » de certains produits de l’esprit et de dénier ce statut à d’autres. La culture agit de bien de manières. Elle nous propose des catégories communément partagées qui nous permettent de regrouper des événements, des objets, des situations, des crises. Elle nous procure les moyens de rendre compte de la succession et de l’interaction des événements et de faire en sorte que ces moyens nous apparaissent comme « naturels » et presque inévitables. Elle donne forme aux émotions, aux espoirs et aux attentes. La culture, comme me l’a finalement appris mon excellent collègue Clifford Geertz, est toujours locale. Il se peut qu’existent certains

5 Ibidem.

6 Jérôme Bruner, *Culture et mode de penser* (Paris : Retz, 2008), 119.

7 Bruner, *Culture*, 130.

8 Bertrand Toadec, *La psychologie est culturelle, Le développement cognitif est-il culturel ?* (Paris : Belin Sup, 2007), 23.

universaux culturels ; ce n'est pas un problème ici. La culture n'est rien si elle n'est pas locale et si elle n'est pas exprimée dans une praxis locale⁹.

Aux termes de la psychologie culturelle, il devient évident que le phénomène de la culture constitue un « processus cognitif humain qui se réalise à la fois à l'intérieur et hors de l'esprit des gens »¹⁰. La culture est alors un phénomène symbolique qui permet aux membres d'un groupe d'identifier des phénomènes, des événements, des situations, des objets, par l'utilisation de « catégories » partagées. Ces catégories sont souvent acquises de façon implicite, non « consciente », ce qui peut les faire apparaître comme étant « naturelles ». Il n'est alors jamais évident de prendre conscience de ses propres acquisitions implicites. On croit bien souvent que la culture est essentiellement acquise, souvent implicitement de génération en génération. On pourrait donc penser que c'est elle – cette transmission – qui produit par la suite cette identité individuelle. Mais Bruner précise que seules les « œuvres » sont « transmises » aux nouvelles générations. La notion d'œuvre est ici empruntée à Ignace Meyerson (1888–1983). Une œuvre n'est en effet pas culturelle en elle-même. Progressivement, chaque individu (re)découvre, (ré)utilise, (ré)invente, (re)donne du sens et, parfois, transforme l'usage des œuvres disponibles dans les milieux dans lesquels il se développe¹¹. Dans son article sur Meyerson, Bruner rappelle l'idée du psychologue selon qui « l'histoire de l'homme conservée dans les œuvres collectives ne donne pas seulement forme aux événements mais aussi à l'esprit de l'homme lui-même. L'histoire est donc toujours une histoire de l'esprit. On ne peut donc qu'affirmer que l'homme est l'histoire »¹².

La constitution de l'historicité de l'homme est possible à travers le récit qui est un moyen spécifiquement humain d'ordonner les événements dans le temps, de les classer de façon distincte, d'y mettre une distance nécessaire entre celui qui raconte l'histoire et celui qui l'écoute. L'omniprésence du récit, son étude systématique de la nature et des usages donnent accès à un très vaste champ d'études des interactions humaines. Et pourtant, il ne s'agit pas seulement d'interaction ; que l'on songe aux études consacrées au récit, il ne faut pas ignorer sa qualité d'organisateur de la mémoire de l'homme.

C'est effectivement la mémoire qui permet de considérer des formes symboliques et des faits historiques dans leur mode objectivé. Meyerson rappelle qu'

il n'est pas de connaissance immédiate de la personne. Aucune connaissance n'est immédiate. La « première lumière » n'est pas éclairante. Toute connaissance commence par un

9 Bruner, *Culture*, 6.

10 Edwin Hutchins, *Cognition in the wild* (New York: MIT Press, 1995), 354.

11 Toadec, *La psychologie*, 24.

12 Jérôme Bruner, « Meyerson aujourd'hui », in : *Pour une psychologie historique*, éd. François Parot, (Paris : Presses Universitaires de France, 1996), 203.

travail d’objectivation, appuyé sur une critique de fausses évidences. « L’expérience pure » du moi est pauvre, inconsciente et décevante. La personne n’est saisissable que par ce qu’elle produit : ses actes et ses œuvres¹³.

Les productions (institutionnelles, religieuses, juridiques, esthétiques, linguistiques) peuvent donner libre accès à des analyses des fonctions psychologiques grâce auxquelles il est possible de rompre avec l’idée de l’homme universel et abstrait, avec l’universalisation d’une forme particulière de la personnalité. Robert Chartier souligne que la diversité de productions humaines qui sont autant d’intermédiaires entre l’homme et l’univers, indique la fondamentale historicité des fonctions psychologiques qui ne sont pas une donnée de nature mais le résultat d’une construction ; « l’homme a fabriqué ses fonctions psychologiques en fabriquant ; il s’est exprimé dans ses œuvres et ses œuvres ont agi sur lui »¹⁴.

La question de la mémoire et de l’œuvre qui constitue un fondement de la transmission de la mémoire autorise une connaissance, au moins partielle, de l’autre. Même si l’acte d’intellection suppose une certaine résistance, donc une certaine différence à chaque fois, la compréhension d’un fait nouveau permet à l’homme de transgresser sa pensée et de s’approcher de l’autre. Meyerson souligne l’importance de cette connaissance de l’autre, même de façon intermédiaire, quand il écrit : « chaque fois que j’ai lu un livre, je suis autre. Il en est de même pour des sentiments, les contacts humains, pour la compréhension d’autrui »¹⁵.

Dans le contexte de la connaissance de l’autre, qui fait partie intégrante de notre culture et de notre expérience du quotidien, mais – d’une façon indéniable – aussi du futur de notre civilisation entière, l’homme se doit de conserver la mémoire des événements du passé historique, surtout celle concernant l’Holocauste. Aucune société d’ailleurs, indépendamment du régime, de l’idéologie ou de la couleur politique, n’a été indifférente au passé. Aucune société n’ignore la façon dont son histoire est transmise ou enseignée. Dans son exposé, intitulé « Qui sont les assassins de la mémoire ? », Pierre Vidal-Naquet souligne l’importance de la mémoire collective qui passe toujours par la mémoire individuelle. « En insistant sur la mémoire, j’insiste sur le fait que l’entreprise des négateurs cherche de toute évidence à atteindre chacun d’entre nous dans sa subjectivité »¹⁶. Si la dernière est atteinte, la première se meurt. L’histoire se tisse à travers les mémoires, celles de nature individuelle et celles des

13 Robert Chartier, « Lire Meyerson aujourd’hui », in : *Pour une psychologie historique*, éd. François Parot (Paris : Presses Universitaires de France, 1996), 233.

14 Chartier, *Lire Meyerson*, 233.

15 Ignace Meyerson, *Les fonctions psychologiques et les œuvres* (Paris : Bibliothèque de l’Évolution de l’Humanité, 1995), 121.

16 Pierre Vidal-Naquet, « *Qui sont les assassins de la mémoire?* (Notes) » in : *Réflexions sur le génocide. Les juifs, la mémoire et le présent*, t. III, consulté le 27.04.2018, <http://www.anti-rev.org/textes/VidalNaquet95a>.

témoins. Ces mémoires sont d'autant plus indispensables que le génocide de la Seconde Guerre mondiale doit être considéré dans son acte de barbarie comme provoquant une rupture spirituelle dans ce que l'on envisageait comme l'essence intouchable de l'humanité. Depuis, l'homme retrouve son équilibre, mais il sera à jamais marqué par les événements indescriptibles de la Shoah. Avant Hitler, la confiance régnait, et la croyance en l'humanité de même. Comme le rappelle Alain Finkielkraut, « la métaphysique courante disait que les individus meurent, ils meurent seuls ou en masse, de mort violente ou naturelle, de maladie ou dans un accident, mais l'espèce humaine repousse [...] et l'histoire humaine avance¹⁷. A Nuremberg, cette croyance a cessé d'opérer. Le réalisme historique y a été dénoncé au même titre que le réalisme politique. Il n'était pas possible « d'enregistrer les camps de la mort comme des accidents de travail dans l'avancée victorieuse de la civilisation »¹⁸. L'idée de progrès sans bride est devenue invalide car la marche en avant de l'homme puissant avait finalement rendu possible cette mort industrielle. L' « entreprise criminelle contre la condition humaine »¹⁹ n'a pas surgi du fond des âges. Elle s'était déjà fait ressentir précédemment. Les symptômes dévastateurs de la mémoire, à l'égard de l'homme trahi, se sont brutalement manifestés dans le déchaînement d'une cruauté sans limites, où le progrès se trouvait impliqué sous sa forme aussi bien technique (sophistication de la machine de mort) que morale (domestication des pulsions, soumission de la volonté à la loi). Cet oubli de la morale et de l'obligance envers l'humanité avait toujours des conséquences néfastes. Finkielkraut le rappelle, même par rapport aux événements de la Première Guerre mondiale :

Nous avons vu, de nos yeux vu, écrivait Valéry au lendemain de la Première Guerre mondiale, le travail consciencieux, l'instruction la plus solide, la discipline et l'application les plus sérieuses adaptés à d'épouvantables desseins (...). Tant d'horreurs n'auraient pas été possibles sans tant de vertus. Il a fallu sans doute beaucoup de science pour tuer tant d'hommes, dissiper tant de biens, anéantir tant de villes en si peu de temps, mais il a fallu non moins de qualités morales. Savoir et Devoir, vous êtes donc suspects?²⁰

En 1945, le coup contre la civilisation humaine était mortel. La catastrophe avait pris une envergure de caractère irrévocable et impossible à effacer. C'est pourquoi, comme le considère Finkielkraut, « les hommes eux-mêmes décidaient de s'éterniser auprès de la blessure que le nazisme avait infligée à l'humanité »²¹. C'était possible

17 Alain Finkielkraut, *La mémoire vaine. Du crime contre l'humanité* (Paris : Gallimard Folio, 1989), 53.

18 Finkielkraut, *La mémoire*, 53.

19 Edgar Faure, *Ce que je crois* (Paris : Éd. Grasset, 1968), 24.

20 Paul Valéry, « La crise de l'esprit », in *Variété I* (Paris : Gallimard, Coll. Idées, 1978), 15.

21 Finkielkraut, *La mémoire*, 56.

par le biais des récits et du narratif. Cette forme d’expression du témoignage et de la mémoire est devenue d’autant plus indispensable que le crime s’était aussi immiscé dans le discours des bourreaux. Comme le remarque Jankélévitch, l’extermination des Juifs « a été doctrinalement fondée, philosophiquement expliquée, méthodiquement préparée par les doctrinaires les plus pédants qui aient jamais existé »²². La théorisation du crime avait ses fondements profonds dans différentes idées antisémites, raciales et racistes. Pour le service de l’Homme, « ces assassins métaphysiques ont rompu – de la morale au calcul – tous les liens d’humanité »²³.

La littérature de l’holocauste est ainsi souvent le récit de celui qui se rappelle de celui qui revient, qui ne meurt pas, qui garde enfin la mémoire d’événements passés non seulement pour s’en souvenir mais également pour que les autres puissent constamment y faire référence et sauvegarder, contre le mal, la vie de l’être humain, au sein de sa civilisation. Elie Wiesel devient cette figure de proue parmi les écrivains qui consacrent leur écriture aux camps de concentration organisés par des Allemands à l’époque de la Seconde Guerre mondiale. Dans le livre, intitulé *Se taire est impossible*, qui comprend les réflexions de Jorge Semprun et d’Elie Wiesel, exprimées à l’occasion de leur rencontre en 1955, celui-ci s’y prononce au sujet de l’obligation de se souvenir de la façon suivante : « On se souvient, bien sûr on se souvient, nous ne pouvons pas ne pas nous souvenir. [...] Et si Auschwitz et Buchenwald n’ont pas changé l’homme, vraiment, alors qu’est-ce qui va changer l’homme ?²⁴ »

L’auteur est né le 30 septembre 1928 à Sighet, petite ville des Carpates qui sera longtemps épargnée par la guerre. Il y vit en enfant heureux et préoccupé par ses études jusqu’à l’âge de quinze ans. En 1944, il est déporté avec toute la communauté juive à Auschwitz, puis à Buchenwald, où il perd plusieurs membres de sa famille. Après la libération en 1945 il s’installe en France, puis aux États-Unis au milieu des années cinquante. Il devient journaliste et écrivain. A trente ans, il décrit l’existence concentrationnaire dans *La Nuit*, qu’il publie en 1958. Ce roman ouvre une longue liste de publications vouées au souvenir des victimes, à la défense des survivants et de tous les opprimés. Par son œuvre et par sa vie, il témoigne de la nécessité d’un combat contre le doute, le désespoir et l’oubli. Ceci, toujours en vue de commémorer les morts et de lutter pour la mémoire. En 1968, il obtient le prix Médicis pour le *Mendiant de Jérusalem*, et en 1980, les prix du Livre Inter et des Bibliothécaires pour *Le Testament d’un poète juif assassiné*. En 1994, il publie le premier tome des Mémoires : *Tous les fleuves vont à la mer*. En 1986 il obtient le prix Nobel de la Paix qui lui a été décerné à l’unanimité.

L’expérience de la déportation et du séjour dans les camps de concentration est le sujet du roman *La Nuit*. Elie Wiesel y évoque les souvenirs qu’il conserve de la

22 Vladimir Jankélévitch, *L’imprescriptible* (Paris : Seuil, 1986), 43.

23 Finkelkraut, *La mémoire*, 58.

24 Jorge Semprun, Elie Wiesel, *Se taire est impossible* (Clamecy : Fayard, 2016), 23.

séparation d'avec sa mère et sa petite sœur. Ils ne se reverront plus jamais. Il vit dans des camps successifs avec son père, avec qui il partage la faim, le froid, les coups, les tortures... et la honte de perdre sa dignité d'homme tout en essayant de la garder malgré toutes les circonstances accablantes. Etre le témoin de son vivant n'est pas facile. Notre milieu ne souhaite pas entendre la vérité qui peut paraître trop brutale. Il est parfois plus opportun de se laisser leurrer même si cela peut se faire au prix de la vie. Moshé-le-Bedeau n'arrive pas à convaincre les villageois que l'Allemagne nazie ne leur veut pas seulement du bien, même s'il revient au village après avoir échappé de justesse à la mort de leurs mains durant une rafle. Il s'en plaint à son compagnon :

Tu ne comprends pas, dit-il avec désespoir. Tu ne peux pas comprendre. J'ai été sauvé, par miracle. J'ai réussi à revenir jusqu'ici. D'où ai-je pris cette force ? J'ai voulu revenir à Sighet pour vous raconter ma mort. Pour que vous puissiez vous préparer pendant qu'il est encore temps. Vivre ? Je ne tiens plus à la vie. Je suis seul. Mais j'ai voulu revenir, et vous avertir. Et voilà ; personne ne m'écoute.²⁵

Personne d'ailleurs ne voulait croire au génocide universel qui sévissait en Europe. La vie au village, décrit par Wiesel, se déroulait selon un rythme constant : les gens s'affairaient pour faire tourner leur commerce, leurs études, leurs maisons. L'ennemi semblait lointain et animé par d'autres objectifs. L'auteur avoue :

Oui, nous doutions même de sa volonté de nous exterminer. Il irait anéantir tout un peuple ? Exterminer une population dispersée à travers tant de pays ? Tant de millions de gens ! Avec quels moyens ? Et en plein vingtième siècle !²⁶

Cependant, l'horreur de la guerre et de la réalisation de l'objectif d'extermination du peuple juif ne pouvait être ajournée pour toujours, car personne de la race juive n'était destiné à y échapper. L'arrivée au camp enlève toute illusion :

Nous regardions les flammes dans la nuit. Une lueur abominable flottait dans l'air [...]. Devant nous, ces flammes. Dans l'air, cette odeur de chair brûlée. Il devait être minuit. Nous étions arrivés. À Birkenau.²⁷

Wiesel voit dans la nuit non seulement l'horreur de la mort et les indices qui réveillent les cauchemars vécus durant la journée. La nuit apporte aussi un apaisement, car durant ce temps mort où le soleil et la vie s'éteignent, il est possible de dormir et de garder ainsi l'espoir de survivre – même si cela n'était parfois possible qu'au détriment d'un autre.

25 Elie Wiesel, *La Nuit* (Paris : Ed. des Minuits, 2007), 38.

26 Wiesel, *La Nuit*, 39.

27 Ibidem, 70.

Nuit. Personne ne priaît pour que la nuit passe vite. Les étoiles n’étaient que les étincelles du grand feu qui nous dévorait. Que ce feu vienne à s’éteindre un jour, il n’y aurait plus rien au ciel, y n’aurait que des étoiles éteintes, des yeux morts. Avait rien d’autre à faire qu’à se mettre au lit, dans le lit des absents. Se reposer, prendre des forces.²⁸

Son livre est un témoignage cru des relations entre les hommes qui s’entretuent, qui se détruisent, dont l’égoïsme et la volonté aveugle de vivre montent le père contre le fils et le fils contre le père. Cela n’est pas étonnant car, comme s’en aperçoit rapidement le jeune héros, les valeurs se dégradent. Tous les coups sont permis et personne ne s’en offusque ni n’y prend garde. « Humanité ? L’humanité ne s’intéresse pas à nous. Aujourd’hui, tout est permis. Tout est possible, même les fours crématatoires... »²⁹. Les valeurs humaines flétrissent et l’enseignement que le garçon reçoit des prisonniers ne laisse pas de doute sur l’objectif visé par les prisonniers dans le camp de concentration :

Écoute-moi bien, petit. N’oublie pas que tu es dans un camp de concentration. Ici, chacun doit lutter pour lui-même et ne pas penser aux autres. Même pas à son père. Ici, il n’y a pas de père qui tienne, pas de frère, pas d’ami. Chacun vit et meurt pour soi, seul.³⁰

Rien d’étonnant que la libération physique ne puisse pas libérer de la honte de vivre ni de la culpabilité, même si le héros a tout fait pour secourir les autres et surtout son père et pour vivre en dignité. Il y a toujours cette question qui plane : était-ce suffisant ? « Du fond du miroir, un cadavre me contemplait. Son regard dans mes yeux ne me quitte plus »³¹.

La question reste aussi valide pour les générations futures et nécessite une revalorisation constante si, effectivement, l’enseignement à travers la mémoire des témoins qui s’expriment par la littérature de l’holocauste ne doit s’avérer vaine. Emmanuel Levinas essaie d’apporter cette certitude et cette croyance dans le potentiel de la littérature et du discours qui ont le pouvoir de transmission des significations, car le « discours est une relation originelle avec l’être extérieur. [...] Il est la production de sens »³². Ainsi, l’enseignement est toujours possible, il s’agit de léguer les mots aux hommes pour que l’humanité ait la chance de ne pas répéter les actes suicidaires et de brider son attrait pour la violence. La mémoire devient l’obligation de tous, car nous tous sommes victimes et enfants des expériences du passé qui fondent notre culture actuelle.

28 Ibidem, 59.

29 Ibidem, 76.

30 Ibidem, 92.

31 Ibidem, 200.

32 Colin Davis, « Littérature de l’holocauste et éthique de la lecture », *Éthique et littérature*, 31 (1999), 3, consulté le 27.04.2018, <https://www.erudit.org/fr/revues/etudlitt/1999-v31-n3-etudlitt2266/501245ar>.

Bibliographie

- Britt-Mari, Barth. « Présentation générale : l'émergence d'une psychologie culturelle et les processus d'éducation ». *Revue française de pédagogie, Psychologie de l'éducation : Nouvelles approches américaines* 111 (1995) : 5–9. Consulté le 27.04.2018. www.persee.fr/doc/rfp_0556-7807_1995_num_111_1_2536.
- Bruner, Jérôme. « Meyerson aujourd'hui ». In : *Pour une psychologie historique*, éd. François Parot, 203. Paris : Presses Universitaires de France, 1996.
- Bruner, Jérôme. *Culture et mode de penser*. Paris : Retz, 2008.
- Chartier, Robert. « Lire Meyerson aujourd'hui ». In : *Pour une psychologie historique*, éd. François Parot, 233. Paris : Presses Universitaires de France, 1996.
- Davis, Colin, « Littérature de l'holocauste et éthique de la lecture ». *Éthique et littérature*, 31 (1999), 3. Consulté le 27.04.2018. <https://www.erudit.org/fr/revues/etudlitt/1999-v31-n3-etudlitt2266/501245ar>.
- Faure, Edgar. *Ce que je crois*. Paris : Ed. Grasset, 1968.
- Finkielkraut, Alain. *La mémoire vaine. Du crime contre l'humanité*. Paris : Gallimard Folio, 1989.
- Hutchins, Edwin. *Cognition in the wild*. New York: MIT Press, 1995.
- Jankélévitch, Vladimir. *L'imprescriptible*. Paris : Seuil, 1986.
- Meyerson, Ignace. *Les fonctions psychologiques et les œuvres*. Paris : Bibliothèque de l'Évolution de l'Humanité, 1995.
- Semprun, Jorge, Elie Wiesel. *Se taire est impossible*. Clamecy : Fayard, 2016.
- Toadec, Bertrand. *La psychologie est culturelle, Le développement cognitif est-il culturel ?* Paris : Belin Sup, 2007.
- Valéry, Paul. « La crise de l'esprit ». In: *Variété I*. Paris : Gallimard, Coll. Idées, 1978.
- Vidal-Naquet, Pierre, « *Qui sont les assassins de la mémoire? (Notes)* ». In : *Réflexions sur le génocide. Les juifs, la mémoire et le présent*. T. III. Consulté le 27.04.2018. <http://www.anti-rev.org/textes/VidalNaquet95a>.
- Wiesel, Elie. *La Nuit*. Paris : Éd. des Minuits, 2007.

A NIGHT BY ELIE WIESEL AS AN EXAMPLE OF WAR NARRATIVE IN FRENCH LITERATURE WITH REGARD TO JÉRÔME BRUNER'S CULTURAL PSYCHOLOGY

Abstract

Jérôme Bruner is one of the most important representatives of cultural psychology which assumes that man actively creates the surrounding culture. This constructivist aspect of psychological theory holds man responsible, in the spiritual and material sense, for transferring cultural achievements to the future generations as well as for establishing relationships which make such a transfer possible. Memory thus becomes the key element of human activity that not only conditions the recurrence of acquired models of behaviour, but it also allows for

transferring the legacy of word, which may prevent future generations from committing the mistakes of the past. Elie Wiesel’s 1958 novel *A night*, in which the author describes his camp experiences in order to help man learn to create culture free of violence, can be regarded as an example of such an approach.

Keywords: cultural psychology, historical memory, holocaust, camp literature in France

NOC ELIE WIESELA – JAKO PRZYKŁAD NARRACJI WOJENNEJ
W LITERATURZE FRANCUSKIEJ W UJĘCIU PSYCHOLOGII KULTUROWEJ
JÉRÔME BRUNERA

Abstrakt

Psychologia kulturowa, której jednym z ważniejszych przedstawicieli jest Jérôme Bruner, zakłada pełną aktywność człowieka w tworzenie otaczającej go kultury. Ten konstruktywistyczny aspekt teorii psychologicznej nakłada na człowieka odpowiedzialność, zarówno w wymiarze duchowym jak i materialnym, za przekazywanie kolejnym pokoleniom dokonań kulturowych, ale też za tworzenie relacji międzyludzkich, które taki przekaz czynią możliwym. Pamięć staje się zatem kluczowym elementem działania i oddziaływania człowieka, która warunkuje powtarzalność nabytych modeli zachowań, ale także pozwala przekazać legat słowa, który może uchronić kolejne pokolenia przed błędami przeszłości. Przykładem może być powieść *Noc* Eliego Wiesel z 1958 roku, w której pisarz, zgodnie ze swoim obowiązkiem głoszenia pamięci, opisuje przeżycia obozowe, po to, by człowiek uczył się tworzyć kulturę wolną od przemocy.

Słowa kluczowe: psychologia kulturowa, pamięć historyczna, holocaust, literatura obozowa we Francji

